

Б. И. НОВАЛЬ

БРАЗИЛИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Народы мира»

Б. И. КОВАЛЬ

**БРАЗИЛИЯ
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1975

В книге доктора исторических наук, профессора Б. И. Коваля дается краткий очерк политической истории крупнейшего латиноамериканского государства — Бразилии. Читатель познакомится с наиболее важными политическими событиями прошлого и настоящего Бразилии, особенностями развития революционного движения в этой стране.

История каждого народа и государства — это частица биографии всего человеческого общества. Каждое последующее поколение начинает свою жизнь не на пустом месте, а опирается на историю, которая предстает, в конечном счете, в роли накопленного социального опыта.

Буржуазные авторы интерпретируют этот опыт с определенных классовых позиций, нередко грубо фальсифицируют факты. В течение долгого времени многие из них сознательно ограничивались описанием истории западноевропейских стран и США. Государствам Востока, Африки и Латинской Америки отводилось второстепенное место во всемирной истории. Жизнь и развитие народов этих стран в освещении буржуазных авторов выглядят всего лишь как придаток политической жизни метрополий, как своего рода «периферийная зона».

Такой подход, в частности, характерен для многих буржуазных работ по Латинской Америке. Сотни и тысячи томов посвящены далекому колониальному периоду и крайне мало публикаций по проблемам новейшей истории. При этом обычно основное внимание буржуазные авторы уделяли и уделяют описанию аристократических «верхов». Жизнь трудового народа, его борьба остаются читателю неизвестными.

Если обратиться к политической истории крупнейшего латиноамериканского государства — Бразилии, на территории которой ныне проживает 100 млн. человек, то оказывается крайне трудно, а часто и вообще невозможно, даже в солидных исторических трудах, найти ответ на

наиболее важные вопросы. Так, например, в течение четырех веков в Бразилии существовало рабство, но, какова была роль этого института в жизни общества, так и не выяснено. В 1822 г. бразильский народ сверг португальский колониальный гнет, но можно ли назвать это завоевание революцией?

Многие крупные события новейшей истории также не нашли своего решения. Горячие споры, например, до сих пор идут по поводу того, какие силы пришли к власти в результате движения 1930 г. Лишь в последние годы исследователи стали интересоваться проблемой так называемого популизма и его роли в истории Бразилии. Одним словом, проблем возникает много.

В 1962 г. были опубликованы «Очерки истории Бразилии», где впервые советские ученые попытались дать анализ социально-экономического и политического развития страны. Были изданы отдельные работы по конкретным проблемам бразильской истории. Многие важные события освещены уже с достаточной глубиной, но ряд принципиальных проблем еще требует своего специального анализа.

В данной работе автор задался целью обратить внимание именно на эти проблемы политической истории Бразилии и предложить несколько новую интерпретацию наиболее важных событий прошлого и настоящего.

ОТ РАБСТВА К КАПИТАЛИЗМУ

Колонизация

Начало развития бразильского общества обычно связывают с периодом португальской колонизации. И это справедливо, хотя уже задолго до появления колонистов (1500 г.) территория Бразилии была заселена различными индейскими племенами, насчитывавшими несколько миллионов человек. По словам крупнейшего бразильского историка Роша Помбу, португальцы встретили в Бразилии «людей, находившихся в состоянии совершенной дикости»¹.

В Бразилии индейцы действительно находились на первобытнообщинном этапе развития и сильно отставали от инков, майя, ацтеков, муиски, ибо не знали еще ни государственности, ни частной собственности. Однако индейцы групп тупи́, жé, тамайос и др. уже ушли от «состояния совершенной дикости», о котором пишет Роша Помбу.

Колонизаторов, однако, мало интересовала жизнь и судьба туземного населения. *«Золото — вот чего, — подчеркивал Ф. Энгельс, — первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»*². В результате самых варварских методов обращения португальцев с местным населением подавляющее большинство индейцев Бразилии погибло. К 1830 г. число так называемых «цивилизованных», т. е. порабощенных, индейцев не превышало 230 тыс. человек³. В XIX в. вымирание индейцев продолжалось. В итоге из 2 млн. с лишним индейцев, которые жили в Бразилии до прихода португальцев, к середине XX в. осталось в живых менее 100 тыс. человек.

Насильственный характер освоения Южной Америки полностью опровергает популярное в буржуазной историографии представление, что контакты европейцев с индейским населением носили якобы «мирный и конструктивный характер». Однако, вопреки исторической правде,

известный бразильский социолог и историк Ж. Фрейре выдвинул тезис об «исключительности» португальской колонизации, благодаря чему процесс биологической ассимиляции и симбиоза культур португальских колонистов, африканского (привезенные негры-рабы) и индейского населения Бразилии прошел спокойно и был постоянно проникнут «духом христианского братства»⁴.

Завоевание и освоение Бразилии в действительности означало совсем другое, а именно — почти полное физическое истребление аборигенов, военный захват их исконных земель. Кровавое вторжение португальцев в буржуазной литературе обычно оправдывается как якобы исторически неизбежное. Р. Помбу в своей «Истории Бразилии» пишет: «Европеец не мог прийти сюда иначе как в роли господина, побеждающего и угнетающего. Законы истории неотвратимы. Нужно было или действовать, исходя из признания превосходства вторгшейся расы, или же предпочесть этому историческому процессу новый процесс миссионерства... Выбора не было: португальцы должны были поставить низшую расу в положение подчиненных им воспитанников. Так именно поступали мы с индейцами, равно как и с африканцами. Это был единственный правильный исторический путь в эпоху христианства»⁵.

С подобной расистской логикой, хотя и прикрытой ссылкой на исторически прогрессивный смысл колонизации Америки, согласиться никак нельзя. Конкистадоров, вторгшихся в Америку, вдохновляли вовсе не идеи общественного прогресса, а самая низкая алчность. Кровь, смерть, порабощение — такова была цена, которую заплатили индейцы за искусственное ускорение собственного развития. По меткому замечанию У. З. Фостера, завоевание «буквально швырнуло индейцев в более высокий феодально-капиталистический общественный строй»⁶.

Великие географические открытия и освоение Нового Света сыграли огромную роль в истории, способствуя становлению капиталистического способа производства в Западной Европе. Однако оправдывать порабощение и истребление миллионов индейцев и африканцев ссылками на «законы истории», «превосходство белой расы» и т. п. не только аморально, но и ошибочно по существу. В. И. Ленин, определяя историческое значение капитализма, писал: «Признание прогрессивности этой роли вполне сов-

Наказание раба. Картина худ. М. Ругендаса

местимо ... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма...»⁷.

Такой же подход должен быть применим и к оценке колонизации Нового Света. Признание ее исторической прогрессивности не отрицает сурового осуждения варварского уничтожения индейцев. Бессмысленное истребление индейских племен не только не соответствовало, но, более того, противоречило экономическим потребностям колонизации, ибо лишало Бразилию огромной массы рабочих рук.

С благословения католической церкви завоеватели с самого начала смотрели на туземцев как на существа низшего вида, которых надо «цивилизовать», т. е. превратить в послушных рабов. Перед индейцем колонизация поставила дилемму — выбор между гибелью или рабством. Третьего дано не было.

Попытка обратить бразильских индейцев в рабство удалась лишь частично. Свободолюбивые племена предпочи-

тали смерть неволе. Известны такие факты, как восстания индейцев айморес, тупи, гуарани в 1558, 1561, 1572 гг. Многие племена уходили в труднодоступные районы.

Сопротивление индейцев, гибель подавляющего большинства местного населения — все это привело к тому, что самой серьезной проблемой в процессе хозяйственного освоения Бразилии стала острая нехватка рабочей силы. Португалия довольно просто нашла выход в том, что стала ввозить в свою американскую колонию в больших масштабах африканских рабов-негров. Еще до освоения Бразилии португальские завоеватели вторглись в Африку, население которой было более многочисленным, чем Америки. По данным У. Дюбуа, Африка в результате работорговли и колониального нашествия потеряла более 100 млн. человеческих жизней. В XVI—XVIII вв. в Бразилию, как и другие колонии, ежегодно ввозились большие партии африканских невольников. В Бразилию и другие колонии Нового Света португальские, английские, голландские, французские колонизаторы стали постоянно импортировать африканских невольников.

Удельный вес рабов (негров и индейцев) в общей массе населения португальской колонии в XVI—XVII вв. превышал 50% (в 1600 г. — даже 70%). Это обстоятельство побудило К. Маркса сделать вывод о том, что в Южной Америке возник и упрочился «соответствующий рабскому труду способ производства»⁸.

Этот вывод не допускает двусмысленных толкований. Правда, К. Маркс не дает прямого определения господствующего способа производства в колониальной Бразилии. Он не называет его ни рабовладельческим, ни феодальным, а оценивает его характер лишь как «соответствующий рабству». Случайно ли это? Нет, не случайно! И дело не в том, что К. Маркс подразумевает какой-то иной (феодальный, капиталистический) способ производства. Внутреннюю суть бразильской колониальной экономики составляло рабство, и К. Маркс всемерно подчеркивает эту мысль. Почему же тогда он не употребляет термин «рабовладельческий способ производства»? По нашему мнению, он не делает этого лишь по той причине, чтобы не отождествить плаптацию эпохи первоначального накопления с рабством древнего мира, т. е. чтобы провести различие между экономической ролью одного и того же института в разные исторические эпохи.

В том, что это именно так, убеждает нас тезис К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что рабовладельческое хозяйство в португальской и ряде других колоний в Новом Свете с самого начала приобрело торгово-коммерческую ориентацию, было втянуто в общую систему складывающегося мирового рынка. Иными словами, в колониях с самого начала стало развиваться коммерческое производство с целью вывоза товаров на внешний рынок — в метрополию, в Европу. Таким образом, плантация явилась своего рода синтезом архаичной формы эксплуатации — рабства — с производством на рынок, что полностью соответствовало всему духу эпохи первоначального накопления. Раскрыв взаимосвязь плантационного рабства в колониях с первоначальным накоплением в Европе, К. Маркс обращается к анализу самого плантационного производства. Главный вывод К. Маркса сформулирован в следующих словах: «В колониях второго типа — плантациях, — которые с самого же начала рассчитаны на торговлю, на производство для мирового рынка, — существует капиталистическое производство, хотя только формально, так как рабство негров исключает свободный наемный труд, т. е. самую основу капиталистического производства. Но здесь перед нами *капиталисты*, строящие свое хозяйство на рабском труде негров»⁹.

Сочетание в едином хозяйственном комплексе внутренних производственных отношений (рабство) с внешними торгово-капиталистическими связями явилось своеобразной формой приспособления колонии к требованиям периода первоначального накопления в Западной Европе.

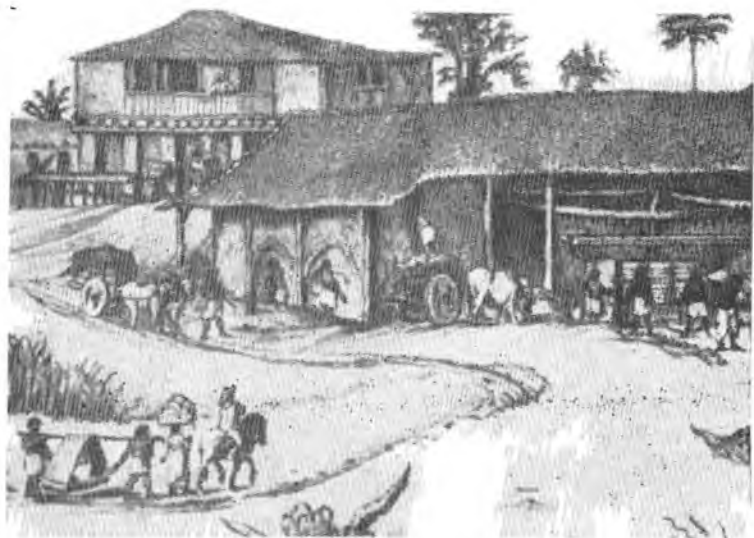
Плантатор выступал одновременно в двух ролях: как эксплуататор-рабовладелец и как торговец-делец. Вместе с тем плантаторы являлись наместниками португальского короля и обладали по закону правами полного феодала: творили суд и расправу, могли обращать индейцев в рабство, создавать приходы, выносить смертные приговоры рабам, пеонам и свободным людям из простонародья, налагать штрафы, распределять наделы, собирать подати и налоги. Корона оставляла за собой десятую часть урожая, одну двадцатую от улова рыбы, одну пятую от добычи благородных металлов и драгоценных камней, одну десятую от доходов торговли, а также устанавливала многочисленные дополнительные поборы и налоги.

Получение торговой прибыли с самого начала выступало в роли ведущего стимула колонизации, хотя наряду с этим Португалия преследовала и чисто политические цели.

Структура землевладения в колонии строилась по образцу и подобию феодальной Европы. Вся земля считалась собственностью короны и даровалась от ее имени наместникам Лиссабона в колонию и просто частным лицам. Феодальные черты этой системы было бы нелепо отрицать. Но, однако, нельзя игнорировать и другую важную сторону «нормального» феодализма, а именно — разделение «земли между возможно большим количеством вассально зависимых людей»¹⁰, наличие массы зависимых крестьян как основной производительной силы феодального общества.

В колониальной Бразилии фактически не было зависимого крестьянства, основная масса работников состояла из чернокожих певольпиков. В результате типичным для колонии оказалась не феодально-патуральное поместье, а коммерческая плантация. В ней воплотился своеобразный симбиоз крупной феодальной собственности на землю с рабством и экономическими стимулами примитивного (в основном торгового) капитализма. В основе такого своеобразия лежала не политика Лиссабона и не «исключительность» Бразилии ввиду ее географических условий и климата, как полагают многие буржуазные историки. Причина таилась в том, что весь процесс колонизации Нового Света являлся частью более общего исторического процесса — перехода мира от феодализма к капитализму.

В XVI—XVIII вв. колонии, в том числе и Бразилия, играли лишь роль источника прибавочного труда для Западной Европы. Бразилия вывезла на мировой рынок товаров на общую сумму в 536 млн. ф. ст., перепродажа которых принесла западноевропейским купцам не менее 1,5 млрд. ф. ст. прибыли. Кроме того, Европа получила из колонии более 1000 тонн золота в слитках, большое количество алмазов и других драгоценных камней. Прибыль от работорговли принесла не менее 300 млн. ф. ст.; налоги и поборы, которые собирала корона, составили сумму в 20 млн. ф. ст. В целом, таким образом, колонизация Бразилии дала Европе огромную прибыль. Это был реальный вклад в процесс первоначального накопления.

Завод по производству сахара.
На заднем плане — дом плантатора

Вот почему К. Маркс в «Капитале» сделал исключительно важный вывод о том, что «для скрытого рабства наемных рабочих в Европе нужно было в качестве фундамента рабство *sans phrase* [без оговорок] в Новом Свете»¹¹. Без этого принципиального определения невозможно понять природу и историческую роль рабовладельческой плантации, которая играла в колониальной Бразилии роль ведущего экономического уклада.

Надо сказать, что взятая в целом экономика колониального периода носила многоукладный характер. Одновременно сосуществовали и развивались первобытно-общинный сектор, полуфеодалы и феодальные поместья, мелкое натуральное хозяйство, торговый (купеческий) капитал и плантационно-рабовладельческое товарное производство. В разных районах их развитие и значение было неодинаковым, однако ведущие позиции занимал рабовладельческо-плантационный уклад и соответствующие ему производственные отношения.

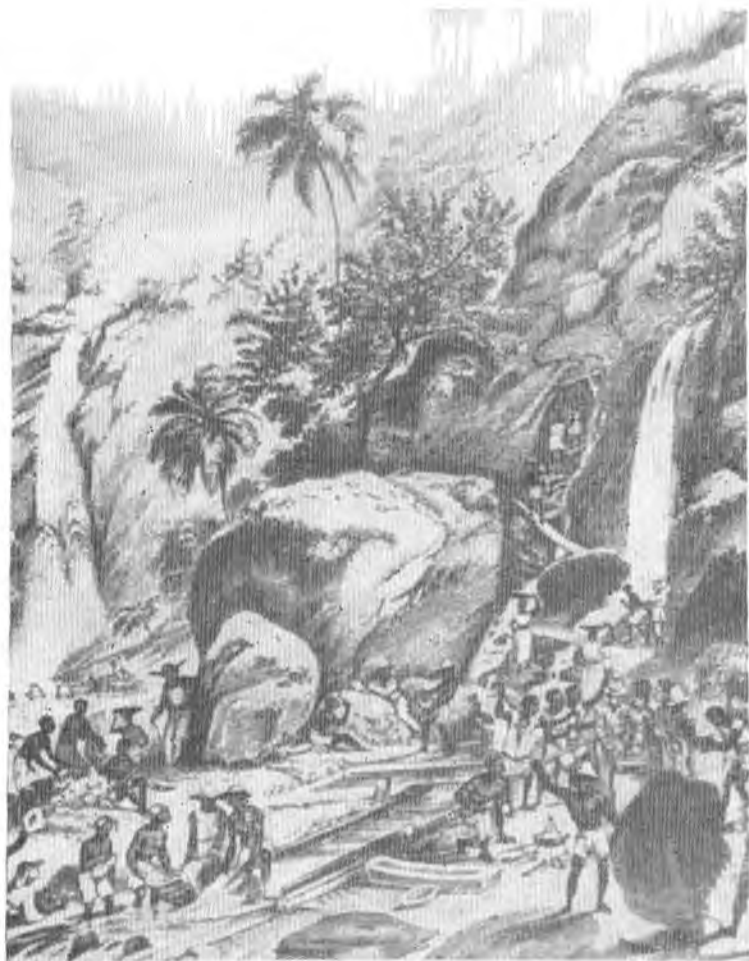
Не имея возможности для непосредственного перехода к капиталистическим формам производства, Бразилия,

однако, благодаря укреплению экономических связей плантационного производства с мировым рынком сумела постепенно вырваться из тенет узкой колониальной зависимости. Власть метрополии, игравшей на начальных стадиях роль посредника между колонией и международным рынком, в XVIII в. стала быстро уменьшаться. В систему «метрополия — колония» вклинилась новая, более прогрессивная и могущественная сила — мировой капиталистический рынок (и, в частности, его главный участник и организатор — буржуазная Англия). В итоге экономическое «сцепление» колонии и метрополии оказалось нарушенным. К началу XIX в. образовался существенный разрыв между экономической жизнью колонии, фактически оторвавшейся от Португалии и вышедшей на мировой рынок, с одной стороны, и прежними политико-административными путями колониального статуса Бразилии, с другой.

Так сформировались объективные экономические предпосылки для освобождения Бразилии от колониального гнета Португалии. Эта исторически назревшая задача была достигнута лишь в ходе длительной и напряженной антиколониальной борьбы.

Борьба за независимость

В буржуазной историографии давно и прочно утвердилось ложное мнение, что в отличие от испанских колоний движение за независимость в Бразилии якобы никогда не носило народного характера и все дело свелось к мирному отделению колонии от метрополии по инициативе самого королевского дома. Как пишет один из наиболее маститых бразильских буржуазных историков Оливейра Лима, борьба за освобождение Бразилии отличалась поразительным «отсутствием народного элемента»¹². Другой бразильский автор — Жоао Рибейро — считает, что «Бразилия полностью избежала длительного кризиса, который поразил все другие латиноамериканские народы, благодаря специфической роли монархии. Португальская корона олицетворяла для Бразилии власть, но без тирании, силу, но без насилия, назидание без лицемерия и, наконец, свободу, но без анархии»¹³. Подобная точка зрения встречается на страницах многих исторических работ.

Труд рабов-негров на золотых приисках

Концепции буржуазных историков грубо противоречат исторической правде. Борьба за национальную независимость была в Бразилии долгой и упорной. Освободительное движение неоднократно принимало характер массовой вооруженной борьбы, хотя эта борьба и не вылилась по ряду причин в общенациональную войну.

Первыми боевыми выступлениями «пародного элемента» против португальских завоевателей явились многочисленные и кровопролитные восстания индейцев и негров-рабов. В 1555 г. в защиту своей свободы выступили индейцы племени томайос, в 1557 г. — индейцы племен касте, в 1561 г. — индейцы тупий. В ходе войны индейцы создали своеобразный союз племен и одержали ряд побед над португальскими войсками. Это вынудило колонизаторов начать официальные мирные переговоры с индейскими вождями. По приказу короля в конце XVI в. охота на индейцев и их порабощение были формально запрещены. Однако в колонии мало кто соблюдал законы Лиссабона. Более того, колонизаторы стали создавать специальные отряды — «бандейра» — для вооруженной борьбы с индейцами, захвата их исконных земель и порабощения туземного населения. Жестокость военных экспедиций бандейрантов побуждала индейцев постоянно обороняться от нашествия чужеземцев.

В 1686 г. на северо-востоке колонии вспыхнула настоящая освободительная война племен жандуин и карири. Более 15 тыс. смелых индейских воинов под предводительством вождя Канинде в течение нескольких лет успешно сражались за свою свободу и победили. Португальцы обещали отказаться от попыток насильственного обращения индейцев в рабство, но затем грубо нарушили договор, и война возобновилась.

Фактически в течение всего колониального периода, как и в последующие годы, бразильские индейцы с оружием в руках отстаивали право на самостоятельное существование, на жизнь и свободу.

Столь же упорно сопротивлялись и рабы-негры, привезенные на плантации в колонию. Восстания, убийства рабовладельцев, разрушение плантаций, бегство в леса и создание там военных поселений — все доступные формы борьбы использовали негры для того, чтобы обрести утраченную свободу.

В 1630 г. беглые рабы основали в горах собственное военное поселение — Республику Палмарес. Управлялось свободное негритянское сообщество по образцу традиционных африканских общин. Вместе с беглыми неграми в Палмаресе скрывались и некоторые индейские племена. Общее число жителей Палмареса достигало 20 тыс. человек, во главе которых стоял легендарный Зумби (Замби).

Под его предводительством жители Палмареса более полувека (до 1697 г.) успешно отстаивали свою независимость, одерживая победы над всеми военными экспедициями, которые направляли португальские власти. Более 25 таких экспедиций окончились неудачей. Лишь после длительной осады Республика Палмарес была все же потоплена в крови. Все защитники Палмареса, включая женщин и детей, были убиты.

Падение Палмареса не явилось, тем не менее, концом негритянской освободительной войны. Восстания и мятежи продолжали вспыхивать одно за другим. За 388 лет существования в Бразилии рабства (1500—1888 гг.) произошло более 100 крупных восстаний негров. Отдельные стычки и бунты происходили постоянно.

Своеобразие освободительных битв негров и индейцев заключалось в том, что они сражались изолированно друг от друга. Общей чертой была борьба против угнетения и эксплуатации. Но поскольку наиболее богатыми и влиятельными рабовладельцами являлись лица, тесно связанные с коропой и местной колониальной администрацией, постольку выступления рабов — индейцев и негров — объективно были направлены против португальских колонизаторов, т. е. несли в себе антиколониальный заряд.

В более осознанном и оформленном виде антиколониальные настроения и первоначальное чувство национальной общности развивались среди метисного и белого бразильского населения, и прежде всего среди новых поколений людей, родившихся уже на территории самой колонии. Креольское население (в Бразилии его представители именовались по-разному — «mascates», «mazombos») в XVII—XVIII вв. уже достаточно явно противостояло новым иммигрантам из метрополии («reinóis»).

Особенно сильно развились антипортугальские настроения в середине XVII в. в связи с борьбой населения северо-восточных районов колонии против вторжения голландских и французских оккупантов. Лиссабон фактически отстранился от военной защиты своей колонии. Население Бразилии (включая креолов — колонистов, плантаторов, горожан, рабов-негров и часть индейцев) было вынуждено оказать сопротивление иностранному нашествию. Вторжение франко-голландских войск справедливо рассматривалось бразильцами как пагубное посягательство на их свободу и территорию. В обстановке войны с интер-

вештами зародились первые ростки национального самосознания и патриотизма. В результате стихийно возникшего национального единения враг был разгромлен. И, хотя колониальные узы с Португалией не были разорваны, произошел существенный психологический сдвиг, началось формирование бразильской нации.

В «Очерках истории Бразилии» в связи с этим справедливо подчеркивается: «Освободительная война населения Бразилии против голландских завоевателей имела большое значение в процессе исторического развития страны. Впервые население колонии выступило как самостоятельная политическая и вооруженная сила, объединенная общим стремлением изгнать завоевателей. Герои освободительной войны — местный уроженец европейского происхождения Визейра, негр Энрике Диас и индеец Камарау — символизировали это объединение. Политика Португалии, которая долгое время стояла в стороне от борьбы колонистов за освобождение страны, и необходимость временной организации самостоятельного управления способствовали зарождению пока еще нечеткой идеи о возможности независимого существования...»¹⁴.

В восстании 1684 г., вспыхнувшем в капитании Мараньян под руководством бразильского купца и плантатора Мануэля Бекмана, антипортугальские настроения проявились с еще большей силой. Восставшие жители свергли власть королевского наместника, разгромили склады португальской торговой монополии и организовали свое правительство — Генеральную хунту из пяти человек. Была создана национальная гвардия, смещены с постов королевские чиновники и даже провозглашена республика. Лишь через год с лишним португальские экспедиционные войска смогли подавить восстание. Сам Мануэль Бекман и его соратник Жоржи Сампайо были казнены. Другие участники восстания арестованы. Антиколониальное восстание 1684 г., вошедшее в историю под названием «бунт Бекмана», явилось первой прямой атакой против колониальных властей.

Такой же характер носила вооруженная борьба против королевской власти в провинции Пернамбуку (1710—1715 гг.), но и оно было потоплено в крови.

В 1716 г. вспыхнуло новое еще более крупное антипортугальское восстание. Против королевской администрации выступили жители провинции Минас-Жераис, по-

требовавшие отмены колониальных регламентаций на добычу драгоценных камней. Население фактически отказалось повиноваться правительственным чиновникам. После нескольких лет волнений в 1720 г. жители поселка Вилла-Рика во главе с Филиппе дус Сантус захватили власть в свои руки и удерживали ее в течение целого месяца. Однако королевские войска и на этот раз жестоко подавили антиколониальное выступление. Вождь патриотов был казнен.

Однако, несмотря на неудачи, борьба бразильцев против колониального гнета не прекращалась.

Ее наиболее ярким выражением стал заговор 1789 г. в Минас-Жераисе, во главе которого стояли прапорщик Жоакин Жозе да Силва Шавьер (известный по прозвищу «Тирадентис») и выдающийся поэт-демократ Томас Антонио Гонзага. Это движение, вошедшее в историю Бразилии под названием «Инконфиденсия в Минас-Жераисе» (*inconfidência* — буквально «измена»), несмотря на свой локальный характер и поражение, приобрело огромное политическое значение. Тирадентис был сторонником решительного разрыва с метрополией путем вооруженного освободительного восстания и провозглашения независимого бразильского государства¹³.

План восстания был раскрыт властями, а участники заговора арестованы. К суду было привлечено свыше тридцати человек. Всю вину взял на себя Тирадентис. По приказу королевских властей выдающийся герой был четвертован, но неудача инконфидентов не дала португальцам ожидаемого эффекта. Борьба за независимость продолжалась.

Спустя несколько лет, в 1797 г. в поселке Барра (провинция Баия) масонская ложа «Рыцари света» стала готовить новое восстание. Члены ложи проповедовали идеи французской революции и тайно готовились к мятежу с целью установить республику «на всем бразильском континенте». В заговоре участвовали солдаты, офицеры, торговцы, священники, рабы, городские рабочие, чиновники, представители почти всех социальных слоев. Этот заговор был также жестоко подавлен, а его руководители Жао де Деус, Лука Дантас, Мануэл Фаустино и другие казнены¹⁶.

Несмотря на то, что борьба за национальную и государственную независимость не превратилась в общенарод-

пую войну, как это было в соседних колониях, а ограничивалась локальными заговорами, она свидетельствовала о нарастании кризиса колониальной администрации, созревании политических предпосылок отделения Бразилии.

Бразилия добилась свободы не в результате концентрированного удара, а в ходе постепенного противоборства с властью метрополии. Отдельные заговоры и восстания против португальских угнетателей чередовались с затяжными позиционными ситуациями равновесия и даже затухания борьбы. Многие решил естественный ход событий, и, в частности, очень важное значение для Бразилии имело то, что происходило далеко за океаном, в Европе.

Дело в том, что в начале 1808 г. португальский королевский двор, спасаясь от войск Наполеона, бежал из Лиссабона в колонию. Регент Жуао VI еще до прибытия в Бразилию издал указ об открытии ее портов для торговли с другими странами. Вскоре был издан указ о защите местной промышленности, учрежден Банк Бразилии, открыта типография, школа артиллерии и фортификации, облегчена каботажная торговля, началось городское строительство и т. д.

Это, конечно, не означало, что противоречия между Лиссабоном и колонией вообще изжили себя. Скорее наоборот, они обострились, но уже на новой почве. Конфликтная ситуация, создавшаяся в начале XIX в., временно «рассосалась», что предопределило более замедленный ход освободительного движения в Бразилии по сравнению с другими латиноамериканскими странами.

Лишь в марте 1817 г. произошло крупное вооруженное восстание бразильцев за свою независимость. В провинции Пернамбуку вспыхнула подлинно народная революция. Ее лозунгами были: «Да здравствует независимость! Да здравствует Родина! Смерть мореплавателям!» (так называли в народе португальцев. — Б. К.).

Революционная Хунта города Ресифи во главе с торговцами Домингос Теотониа Жоржи и Домингос Жозе Мартинсом, священником Жуао Рибейро Пессоа де Мелу Монтенегру провозгласила создание независимой республики, которая просуществовала 76 дней. Мелкобуржуазные революционеры издали декреты об отмене титулов знати, все бразильцы объявлялись равными перед законом, прекращалась выплата королевского налога, были отменены всевозможные монополии, особые льготы и подати,

провозглашена свобода слова, печати. Более 1 тыс. рабов были освобождены из неволи и включены в состав республиканского войска. В соседних с Пернамбуку капитаниях — Параиба, Риу-Гранди-ду-Норти, Сеара — также были провозглашены республики. По словам русского консула в Рио-де-Жанейро Лангсдорфа, наступил «критический для двора момент».

Действия республиканцев носили разрозненный характер, им не удалось объединить свои усилия, что позволило королевским войскам подготовить сокрушающий удар. Против 5 тыс. восставших патриотов были посланы крупные части королевской армии, военные корабли. В ходе ожесточенных боев погибло 350 человек¹⁷. В конце концов революция 1817 г. в Пернамбуку и других капитаниях была подавлена. Однако она нанесла такой удар, от которого португальская корона уже не смогла оправиться¹⁸.

Вскоре революция 1820 г. в самой Португалии и восстание 1821 г. в бразильской провинции Пара завершили длительную эпоху освободительного движения. 7 сентября 1822 г. принц Педро вынужден был заявить: «Настало время провозгласить независимость Бразилии. Мы окончательно отделяемся от Португалии. Независимость или смерть!».

На этот шаг принц Педро пошел в надежде на то, что ему удастся удержаться на троне в качестве главы нового бразильского государства. Так оно и случилось: Бразилия была провозглашена империей, а сам принц стал императором доном Педро I.

Завоевание независимости явилось результатом длительной и тяжелой борьбы бразильского народа. В этой борьбе участвовали все слои складывающейся бразильской нации — индейцы и негры, городские пизы, плантаторы и военные, интеллигенция, купечество и священники. Все патриотические силы внесли свой весомый вклад в борьбу против колониального ига. На завершающем этапе она прошла несколько взаимосвязанных этапов:

1) 1684—1789 гг. — от «бунта Бекмана» в Мараньяне до заговора Тирадентиса и республиканского движения в Баие (на этом этапе антиколониальные выступления носили локальный характер заговоров);

2) 1790—1808 гг. — период более или менее мирного противостояния, созревание предпосылок для единения патриотических сил;

3) 1808—1815 гг. — период экономического реформизма Жоао VI, формальное уравнивание колоний в коммерческих правах с метрополией (эти мероприятия короны во многом предопределили замедленный ход освободительного движения);

4) 1817—1822 гг. — период наиболее острых схваток: народные революции 1817 г. в Пернамбуку и Пара, ознаменовавшие окончательное разложение власти метрополии.

Закономерным итогом всех этапов освободительного движения явилось отделение Бразилии от Португалии и создание независимого бразильского государства (империи).

После формального провозглашения политической независимости главная задача состояла в очищении бразильской территории от португальских войск, которые занимали важные стратегические пункты. Вот почему и после 1822 г. в течение ряда лет продолжались массовые антипортугальские военные действия. Но формально эти бои проходили уже в период империи и поэтому обычно не связываются с историей борьбы за независимость.

Известный бразильский социолог Жозе Онорью Родригес справедливо подверг суровой критике подобную традицию буржуазной историографии. Можно согласиться с его выводом о том, что фактически борьба за независимость Бразилии не закончилась в 1822 г., она приняла в 1823—1824 гг. характер еще более массового освободительного движения. «Если Боливар в 1824 г. командовал армией в 9 тыс. человек, а Сан-Мартин в 1817 г. руководил 8 тыс. человек, — пишет Ж. О. Родригес, — то война за независимость только в провинции Бана в апреле 1823 г. охватила 11 тыс. человек; в Пиража войска патриотов, которыми командовал Педро Лабарт, превышали 7 тыс. человек; в провинции Марапьян за независимость сражалось 8 тыс. борцов»¹⁹. В результате кровопролитных боев с португальскими гарнизонами бразильцы сумели отстоять свою независимость и полностью изгнать португальские войска.

Бразильское национально-освободительное движение по своему характеру было аналогично процессам, протекавшим в других колониях Нового Света, но по формам и результатам имело немалое своеобразие. В отличие от ряда других латиноамериканских стран буржуазно-демо-

кратический революционный процесс в Бразилии как бы разделился на два этапа: первый — движение за отделение от Португалии в конце XVIII в. — начале XIX в., второй — движение против рабства, за республику, растянувшееся на несколько десятилетий и завершившееся победой лишь в 1888—1889 гг.

Народно-республиканские восстания 1830—1850 гг.

Завоевание независимости открыло путь для развития новых капиталистических отношений, но экономические и политические условия для этого оставались еще крайне неблагоприятными. В стране сохранялось рабовладение, земля находилась в руках плантаторов, промышленность фактически отсутствовала. Кроме того, Бразилия не была экономически самостоятельна, так как еще в XVIII в. попала в торгово-финансовую зависимость от буржуазной Англии. Большим препятствием на пути прогресса оставалась монархическая форма власти. Именно императорский двор олицетворял собой власть плантаторов-рабовладельцев, выступая в роли основного политического тормоза общественного развития.

В этих условиях в стране развернулось активное движение за республику. Объективно оно имело буржуазно-демократическое содержание и соответствовало потребностям общественного развития. В роли застрельщика и вождя республиканского и аболиционистского движения выступали буржуазные элементы, еще не оформившиеся в самостоятельный класс.

Второй этап революционного процесса хронологически совпал с периодом существования империи и рабства. Борьба против этих главных врагов социального прогресса развивалась неравномерно, отдельными толчками, между которыми имели место довольно длительные периоды затишья.

Первая и наиболее массовая волна второго этапа революционной борьбы прокатилась в 30—40-х годах XIX столетия, приняв форму крупных восстаний. По словам буржуазных историков, гражданские войны второй четверти XIX в. были не более как «прискорбными беспорядками», проявлением «духа анархии», «демагогически-

ми эксцессами», «смутой в империи» и т. п.²⁰ Подобные определения часто встречаются на страницах исторических трудов буржуазных авторов. И это вовсе не случайность, не заблуждение, а совершенно определенная классовая оценка исторического прошлого, рассчитанная на дезориентацию народа, который якобы способен лишь к разрушительным и бессмысленным действиям. Однако подобные вымыслы не имеют ничего общего с действительностью. Революционные выступления народа против тирании никак не могут быть названы «смутой» или «эксцессами». Это была героическая борьба простых людей Бразилии за свободу, независимость и прогресс страны.

Первыми выступили против деспотизма имперской власти республиканские городские круги северо-восточных провинций Бразилии. В основном это были представители буржуазно-торговых и ремесленных слоев, низшего чиновничества, лиц свободных профессий. Даже некоторые титулованные сановники, адвокаты, генералы поддерживали требование о создании независимой республики. В движение активно включились городские низы.

В связи с роспуском в ноябре 1823 г. учредительного собрания, настроенного против португальского влияния, в ряде провинций империи началось движение протеста против реакционных действий правительства. На северо-востоке страны в ряде городов вспыхнули восстания, в ходе которых население отказалось повиноваться имперским губернаторам. Постепенно движение приобрело республиканский характер.

В июле 1824 г. шесть северо-восточных провинций объединились в так называемую Конфедерацию Экватора и объявили себя независимой республикой. Наиболее реакционные чиновники были арестованы, началось формирование нового войска, постепенно укреплялась связь между мятежными провинциями. Но достичь подлинного военно-политического единства Конфедерации Экватора не удалось ввиду социальной разношерстности участников движения, местныхских противоречий и отсутствия руководящего центра. По сути дела, вся борьба независимой федерации свелась к оборонительным боям. В течение двух с половиной месяцев правительственные войска и военная эскадра сражались против мятежных провинций. В конечном счете республиканское восстание было подавлено. Основная причина поражения Конфедерации Эква-

тора состояла в том, что буржуазные республиканцы, стоявшие во главе движения, не решились ликвидировать рабство и привлечь на свою сторону рабов-негров. Городские низы — ремесленники, мелкие торговцы, наемные рабочие — также ничего не получили от новой власти. Все это сужало массовую базу движения, которое свелось к ограниченным конституционным требованиям антимонархического характера.

Победа правительственных войск, которые по приказу императора начали публичные казни и преследования, вызвала взрыв всеобщего возмущения. Масло в огонь подбавила и неудача в войне, которую в 1825 г. развязала империя против Аргентины с целью присоединения к Бразилии территории Уругвая. Война окончилась для Бразилии позорным поражением. По условиям мирного договора 1828 г. Уругвай был признан независимым государством. Бессмысленная смерть на полях сражений 8 тыс. бразильских солдат вызвала столь сильное возбуждение среди населения, что, по словам одного английского дипломата, было «немного пужно для того, чтобы вызвать всеобщий пожар»²¹.

Наиболее решительно на этот раз выступили рабы-негры, особенно в провинции Баия. В 1826—1830 гг. они восставали шесть раз. В боях погибло более 600 негров, несколько тысяч было ранено. Восстания рабов, несмотря на неудачу, пробудили общественное мнение, способствовали оживлению массового республиканского движения. Под влиянием французской революции 1830 г. в самых разных частях бразильской империи начались столкновения между монархистами и республиканцами.

В марте 1831 г. в столице вспыхнул стихийный бунт против имперской власти. Ночь с 13 на 14 марта вошла в историю под названием «ночь бутылок» (*noite das garrafadas*), поскольку бутылки, наполненные песком, служили основным оружием восставших.

В апреле 1831 г. всеобщее недовольство приобрело массовый характер. В ряде мест войска присоединились к народу, требовавшему отстранения императора Педро I от престола.

Опасаясь вооруженного мятежа, император был вынужден 7 апреля 1831 г. отречься от престола в пользу пятилетнего принца Педро II. Но этот маневр не привел к умиротворению масс. В августе 1831 г., по словам ми-

нистра юстиции, ситуация стала «угрожающей»: «Богатые семьи собственников и промышленников не могут более испытывать беспокойство и страх, терпеть неудобства и ущерб от действий анархистов»²². Под анархистами министр подразумевал городские низы, республиканцев, которые с оружием в руках выступили против монархии. В то время республиканцев называли «экзальтадос» (восторженные, возбужденные), что весьма точно передавало характер революционного крыла мелкобуржуазных слоев городского населения. Главным требованием «экзальтадос» была республика. Некоторые выступали также за отмену рабства.

Особенно крупные республиканские восстания произошли в 1832—1849 гг. В течение 17 лет Бразилию буквально потрясали революционные события. В январе 1832 г. вспыхнул мятеж в провинции Сеара. В 1833—1836 гг. в другой северо-восточной провинции Парá развернулось массовое движение «кабанос» (бедняков). Во главе восстания стояли братья Винагрес, рабочие из города Риу-Итапикуру. Основной костяк революционной армии насчитывал более 3 тыс. человек, которые героически сражались против преобладающих сил правительства. В мае 1836 г. войска восставших вынуждены были покинуть город Белен, где они основали свою крепость, и отступить в глубь джунглей Амазонки. Там они сопротивлялись еще около четырех лет, но в конце концов были полностью рассеяны и перебиты.

Подавлено было и восстание 1835 г. в провинции Баия. Здесь наиболее активно сражались рабы-негры.

Регент Фейжо, выражая тревогу, охватившую правящие классы империи, обратился к Англии, Франции и Португалии с просьбой о военной помощи. «Наши основы колеблются... Вулкан анархии грозит поглотить всю империю»²³. Эти слова довольно правдиво отражали возникшую ситуацию. Действительно, в самых разных районах империи неудержимо развивалось республиканское движение.

Еще не умолкли залпы на северо-востоке, как подлинная гражданская война развернулась на юге. В сентябре 1835 г. началось восстание «фаррапос» (оборванцев), основную массу которых составляли вольнонаемные пастухи-гаушо. Во главе восстания стояли собственники-скотоводы, стремившиеся к освобождению от импер-

ских палогов. В ноябре 1836 г. была торжественно провозглашена независимая республика Риу-Гранди со столицей в городе Пиратини. Во главе республиканского флота «фаррапос» стоял легендарный революционер, итальянский карбонарий Джузеппе Гарибальди. Важным актом новой власти явилось освобождение из неволи рабов, пожелавших вступить в республиканскую армию. В 1839 г. «фаррапос» предприняли попытку распространить власть республики на соседние территории, но потерпели неудачу. Спустя несколько лет, в 1845 г., движение «фаррапос» пошло на убыль, и вскоре был подписан компромиссный акт об умиротворении Юга.

Центр республиканского движения, таким образом, окончательно переместился на северо-восток. Здесь, еще в 1837 г., в провинции Баиа развернулось народное восстание, вошедшее в историю под названием «Сабинада» (по имени руководителя — врача Сабина Виэйра). Была провозглашена независимая республика, однако спустя несколько месяцев она была задушена. Около 3 тыс. человек брошено в тюрьмы, руководители восстания сосланы на каторгу.

Примерно таким же был финал и восстания 1838 — 1841 гг. в соседних провинциях Мараньян и Пиауи, известного под названием «Балайада» (по прозвищу своего руководителя). В рядах революционной армии за республику здесь сражалось до 11 тыс. человек. Бедные, неграмотные крестьяне, рабы, ремесленники, мелкие торговцы — вот кто составлял костяк армии. Против «Балайады» были брошены правительственные войска и флот. Не имея единого руководства, движение рано или поздно должно было потерпеть поражение. Внутренние раздоры, социальные противоречия разъедали армию восставших и обрекли ее на гибель. В 1841 г. последние очаги сопротивления были подавлены.

Последней яркой вспышкой республиканского вооруженного движения явилась революция 1848—1849 гг. в провинции Пернамбуку, получившая название «революция Прайера» (*прайа* — пляж). Это было наиболее радикальное выступление в 30—40-х годах прошлого столетия. «Революция Прайера» как бы подвела итог первой волне народного республиканского движения, воплотив в себе лучшие черты первого поколения борцов против монархии и рабства.

Программа пюйбрьского восстания «Прайера» 1848 г. требовала введения всеобщего избирательного права, свободы печати, обеспечения населения работой, раздела крупных латифундий. Вопрос о ликвидации рабства, однако, не выдвигался, что предопределило пассивность широких масс негров-рабов. Основную массу солдат революционной армии (более 2 тыс. человек) составляло трудовое население городов. Во главе движения стояли республиканцы мелкобуржуазного происхождения (купцы, хозяева мелких мастерских, прогрессивная интеллигенция). По словам современника, в «революции Прайера» участвовали «лизные и угнетенные слои населения, которые были лишены социальных благ и угнетались тираническими законами, ограничивающими их права»²⁴.

Вооруженное республиканское восстание вспыхнуло в городах Олинда, Игарасу и др., где была свергнута монархическая власть. В начале 1849 г. войска «Прайера» двинулись к городу Ресифи, столице провинции Пернамбуку, но потерпели поражение.

Первая волна республиканских революций окончилась поражением. В стране наступил длительный период политического затишья. Поражение восстаний 30—40-х годов имело как объективные, так и субъективные предпосылки. В те годы рабство еще не изжило себя экономически, а монархия как форма правления наиболее соответствовала интересам господствующего класса рабовладельцев-плантаторов. Республиканские восстания, возглавляемые нарождающейся буржуазией, охватили широкие слои городских пизов, но негры-рабы лишь в отдельных случаях активно включались в революционную борьбу. Социальные противоречия между отдельными участниками восстания подрывали единство. Буржуазно-умеренные круги опасались радикализма пизов, были склонны к компромиссу с имперской властью. Нередко под флагом республиканизма скрывались узкосепаратистские интересы местных плантаторов и купцов. Центральная власть весьма умело спекулировала в этих условиях призывами к умиротворению ради сохранения целостности государства.

В буржуазной литературе давно сложилось мнение о том, что монархия в Бразилии сыграла прогрессивную роль, ибо позволила сохранить единство страны и подавить сепаратизм. В известной мере это действительно так.

Однако империя, сохранив государственную целостность, которой никто и не угрожал бы, будь государство устроено по республиканскому типу, не ликвидировала сепаратизм, а скорее, наоборот, усилила региональное соперничество отдельных олигархических групп. Фактически до сих пор регионализм играет огромную роль в политической жизни страны, оказывая немалое влияние на центральную власть. Таким образом, было бы грубой ошибкой оправдывать существование монархии ссылками на сепаратизм.

Восстания 30—40-х годов имели четко выраженное антимонархическое содержание. Вооруженную борьбу за республику и демократизацию общественной жизни вели широкие народные массы — рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, чиновники, прогрессивная интеллигенция, солдаты, крестьяне, рабы. У руководства движением стояли, как правило, мелкобуржуазные элементы. Не сепаратизм, а республиканизм — вот что определяет характер и историческое значение народных восстаний 30—40-х годов.

Стихийные антимонархические выступления закончились поражением, но их роль в дальнейшем развитии страны была очень значительной. Центральная власть оказалась вынужденной более внимательно учитывать требования складывающейся национальной буржуазии²⁵. Постепенно наметился глубокий кризис рабства, что привело в 70—80-х годах к соединению республиканского движения с борьбой за уничтожение рабства. Наступил новый этап буржуазно-демократического революционного процесса.

Отмена рабства и провозглашение республики

Проблема рабства в течение 388 лет (1500—1888 гг.) являлась центральной для Бразилии. Европейские колонизаторы ввезли в страну более 5 млн. рабов-негров из Африки²⁶. Накануне завоевания независимости невольники составляли почти половину бразильского населения. Они трудились на плантациях, в рудниках, в строительстве. К середине XIX в. число невольников составляло 2,5 млн. человек, что равнялось примерно трети населения. До официального запрещения ввоза рабов в Бразилию (1850 г.) и даже в течение ряда лет после этого

принудительный труд играл главную роль в производстве основных тропических товаров. Кофе, хлопок, сахар, какао, эрба-мате (парагвайский чай), табак составляли в течение всего XIX в. основу бразильского экспорта.

В XIX в. в стране началось формирование рынка наемного труда. После завоевания независимости наемный труд стал постепенно применяться все шире, однако в течение долгих лет свободные рабочие трудились бок о бок с рабами, причем последние передко численно преобладали. Экономическое положение рабочих почти не отличалось от условий жизни невольников. И те, и другие владели нищенское, полуголодное существование. Тем не менее затраты на содержание раба были приблизительно втрое меньше заработка рабочего, хотя разница в их производительности при господстве ручного труда была крайне незначительной.

Запрещение работорговли открыло период глубокого кризиса рабовладельческой системы. К этому времени рабство было уже уничтожено в большинстве стран Америки. Только в Бразилии и на Кубе вплоть до 80-х годов по-прежнему сохранялся позорный институт рабства. Правда, во второй половине XIX в. число рабов в Бразилии начало сокращаться: в 1823 г. — 36,5 %, в 1850 г. — 30 %, в 1872 г. — 15 %, в 1887 г. — 5 % населения страны.

На первый взгляд, может показаться, что поскольку свободное население было в большинстве, постольку в Бразилии уже имелись все необходимые условия для победы капитализма. Но это не так. Дело в том, что под свободным населением здесь имеются в виду лишь люди, не являющиеся рабами, но это вовсе не исключало, что значительное их число могло находиться и действительно находилось в иных (полуфеодальных) формах зависимости. Крупное плантационное производство базировалось на принудительном труде, но было всегда окружено множеством мелких хозяйств полусвободных-полузависимых производителей, арендующих землю у плантатора на условиях отработок, испольщины и т. д. Эта армия деревенской бедноты в 80-х годах достигла 7 млн. человек, почти в 10 раз превысив число невольников. На смену рабству приходил свободный наемный труд. В политической жизни это выразилось в развитии массового аболиционистского движения.

На новом этапе это движение вылилось главным образом в форму сначала стихийной, затем организованной оппозиции монархии. Трудящиеся массы — рабы, свободные ремесленники, пастухи, рабочие — были в то время абсолютно неорганизованными, их действия носили стихийный характер. Лишь незначительная часть городских рабочих, в основном иммигранты из Европы, стала создавать в 60—70-х годах свои профсоюзы, кассы взаимопомощи. Именно эти группы трудящихся действовали особенно радикально, подталкивая буржуазно-республиканскую оппозицию вперед.

В условиях, когда интересы нарождающейся буржуазии объективно совпадали с задачами социально-экономического прогресса Бразилии, с интересами всех борцов против рабства и монархии, еще не было почвы для возникновения самостоятельного рабочего движения. Объективная основа для этого созрела позднее, после гибели рабства. Однако уже в середине XIX столетия, т. е. задолго до отмены рабства, произошли первые открытые выступления рабочих. При этом характерно, что зарождающийся бразильский пролетариат, защищая свои экономические интересы, весьма активно включился в борьбу за освобождение рабов. Так, когда типографские рабочие Рио-де-Жанейро в 1853 г. узнали о том, что среди ста с лишним членов их общества экономической взаимопомощи есть рабы, они тут же создали специальную комиссию, поручив ей обеспечить их освобождение²⁷.

Примерно в эти же годы портовые грузчики в городе Форталеза организовали «одну из первых стачек против перевозки рабов». В городах Сантос, Кампинас, Рио-де-Жанейро рабочие организовали серию митингов и собраний в поддержку абolicиионистского и республиканского движения²⁸. Рабочий класс находился на начальном этапе своего развития и не мог сыграть определяющей роли в борьбе за уничтожение рабства, но тем не менее принял в ней самое активное участие. Созданная в 1873 г. так называемая Рабочая лига, как и ряд других обществ, выдвигала также и требование освобождения рабов. Не имея своих политических организаций, рабочие участвовали в борьбе против рабства и абolicиионизма под руководством буржуазных абolicиионистских и республиканских обществ. Железнодорожники, например, сыграли большую роль в перевозке беглых рабов из районов кофейных

плантаций на север. В провинции Сеара это умело делали рыбаки-жангадейро.

В 1881 г. рабочие в ряде городов страны активно выступили против империи и избирательного ценза, по которому право голоса предоставлялось лишь тем гражданам, которые имели доход не менее 200 милрейсов в год. Кое-где дело чуть не дошло до баррикад.

Всего в 1860—1880 гг. в Бразилии произошло более 50 рабочих выступлений. Как правило, это были стихийные бунты, они носили характер разрозненных слепых актов мести угнетенных. В то время противоположность между буржуазией и рабочими еще не обнажилась со всей очевидностью, главной задачей являлась борьба против рабства. Незрелому уровню рабочего движения соответствовали и незрелые утопические взгляды. В 70—80-х годах в Бразилию стали постепенно проникать отдельные идеи научного коммунизма, которые распространяли рабочие — иммигранты из Европы. Особо активно в этом направлении действовала группа парижских коммунаров, вынужденных после 1871 г. покинуть Францию. Эти революционеры впервые принесли в Бразилию правду о Парижской коммуне, начали пропаганду идей социализма. Эта работа находилась в самом зародышевом состоянии и велась лишь в рамках узкого круга прогрессивных интеллигентов и грамотных рабочих. В городе Эскада, например, действовал основанный крупным писателем Т. Баррето (1839—1888 гг.) «Народный клуб», который ставил своей целью «внушать народу более живое чувство достоинства, возбуждать в нем возмущение против угнетателей и сочувствие к угнетенным». Запрещение рабства и установление республики, по мнению Т. Баррето и его товарищей по клубу, уже давно назрели в Бразилии, но за свободу необходимо бороться. Т. Баррето гневно обрушивался на тех, как он говорил, «горе-теоретиков, которые думают, что народ еще не созрел для свободы, как будто можно научиться плавать, не входя в воду, или научиться искусству верховой езды, не сядя на лошадь»²⁹.

Один из ближайших соратников Т. Баррето Сильвио Ромеро (1851—1914 гг.) также пропагандировал идею о революционном преобразовании бразильского общества. Для этого, по его мнению, необходимо «объединить народ, чтобы он был в состоянии сопротивляться паразитическим классам, держащим в своих руках пашу судьбу»³⁰.

В те годы борьба рабочих только пачиналась и являлась частью общедемократического революционного движения за отмену рабства и провозглашение буржуазной республики. Вот почему социалистические идеи не получили широкого распространения, они были достоянием не столько местных рабочих, сколько революционной интеллигенции и европейских иммигрантов. При этом в основном это были идеи утопического социализма. В большинстве случаев дело ограничивалось лишь критикой существующего строя и абстрактными рассуждениями о свободе, которая должна прийти на смену рабству и абсолютизму.

Накануне отмены рабства, в начале 1888 г., во многих городах страны произошли массовые демонстрации с требованием немедленного запрещения рабовладения. В рядах демонстрантов были и городские рабочие, хотя они еще и не выделились в самостоятельную силу.

Самоотверженно сражались за свое освобождение рабы-негры, однако все их действия носили характер стихийных локальных бунтов. Одно из крупных восстаний произошло в 1864 г. В 70—80-х годах в провинции Сан-Паулу беглые рабы создали свой поселок Жабакара, который они объявили республикой. Негритянская республика Жабакара просуществовала семь лет и сохранилась вплоть до отмены рабства. Имперские власти оказались бессильными задушить волю рабов к свободе.

Героическая эпопея Жабакара вдохнула новые силы в аболиционистское движение. И хотя все имущие слои были встревожены ростом боевитости рабов и городских низов, объективно интересы буржуазии, обуржуазившихся плантаторов, городских ремесленников, рабов, наемных рабочих на данном этапе в самом главном совпадали. Все они, хотя и по-разному, выступали против абсолютизма и рабства.

В отличие от рабов и рабочих, которые были склонны к прямым боевым выступлениям против эксплуататоров, буржуазные элементы занялись преимущественно оформлением политической оппозиции умеренного толка. В 1870 г. в Рио-де-Жанейро было создано Общество освобождения рабов, которое развернуло широкую аболиционистскую пропаганду, требуя демократических реформ и отмены рабства. Одновременно стали создаваться республиканские клубы, которыми также руководили буржуаз-

по-умеренные лидеры. В 1883 г. местные общества борцов против рабства объединились и создали свой центр — Аболиционистскую конфедерацию. Либералы мелкобуржуазного толка, испытывая страх перед брожением «низов», выступали с реформистских позиций. «Реформа — и Бразилия будет спасена» — таково было их политическое кредо. По этому пути под давлением массового аболиционистского и республиканского движения и пошло имперское правительство, стараясь при помощи постепенных уступок продлить дни своего существования.

В буржуазной исторической литературе широкое распространение получила лживая версия, что плантаторы сами добровольно отпустили рабов на свободу, так как сочли якобы негуманным и невыгодным с экономической точки зрения держать рабов. Разумеется, это совершенно не так. Газета «Новидадес», издававшаяся крупными рабовладельцами в Сан-Паулу, 31 января 1888 г., т. е. незадолго до отмены рабства, писала: «Освобождение 500 или 600 тыс. рабов явится не только грубой экономической и социальной ошибкой, но приведет к развалу нации, беспорядкам и банкротству»³¹. Эту точку зрения защищало подавляющее большинство рабовладельцев, и лишь некоторые из них, в основном уже обуржуазившиеся, понимали неизбежность отмены рабства.

Процесс освобождения рабов фактически пачался уже в 60-х годах XIX в., однако шел он крайне медленно. Первые крупные группы рабов были освобождены в годы Парагвайской войны 1864—1870 гг. Тяжелое положение бразильской императорской армии на фронтах, постоянная пужда в новых массах солдат привели к тому, что рабы короны были освобождены и пополнили ряды бразильской армии. Нужды войны потребовали также и освобождения церковных рабов, в частности рабов, принадлежащих ордену кармелитов. По королевскому указу был создан даже специальный фонд по выкупу рабов у владельцев. К апрелю 1867 г. таким путем было освобождено 1700 человек.

Вскоре после Парагвайской войны, 28 сентября 1871 г., был принят закон «о свободе рождения». По этому закону дети, родившиеся у матерей-рабынь, объявлялись свободными. В то же время над этими детьми до достижения ими совершеннолетия устанавливался режим опеки, который осуществлял хозяин их родителей. «На рабовладель-

цев, — отмечает Кайо Прадо Жуниор, — возлагалась обязанность содержать этих детей, но он мог и использовать их для работы на себя, так что они продолжали оставаться на деле такими же рабами, как и их родители. Было подсчитано, что при такой форме освобождения понадобилось бы от 50 до 60 лет, чтобы рабство в Бразилии исчезло»³². Закон «о свободе рождения» предусматривал также право рабов выкупаться из неволи, но практически такие случаи были крайне редки.

В сентябре 1885 г. был принят закон об освобождении по всей стране рабов старше 60 лет. Новая уступка позволила отсрочить полную отмену рабства еще на три года. Лишь под давлением аболиционистского движения 13 мая 1888 г. рабство было окончательно запрещено.

Освобождение рабов, ставшее возможным прежде всего благодаря их непрерывной и героической борьбе, имело огромное значение. В социально-экономическом смысле этот процесс играл ту же роль, что и «огораживание» в Англии, т. е. составлял основу так называемого первоначального накопления. Отличие Бразилии было в том, что основную массу сельских производителей в 80-х годах XIX века составляли безземельные крестьяне — полубатраки и рабы. И тех, и других не надо было насильственно экспроприировать, поскольку они и так ничего не имели. Рабство играло роль своеобразной упаковки для консервации в течение веков такого абсолютно экспроприированного состояния. Чтобы превратить раба в наемного рабочего, достаточно было дать ему личную свободу.

Формирование рынка наемного труда в Бразилии, таким образом, имело две предварительные исторические фазы: первая — насильственный отрыв масс производителей от их средств производства и привычных условий жизни и превращение негров Африки и индейцев Бразилии в рабов; вторая — насильственное удержание их в этом качестве в течение веков; третий этап означал выделение рабов от остальных средств производства, их эмансипация как метод ускоренного и простого создания рынка наемной рабочей силой.

При этом надо учитывать, что в Бразилии к этому времени образовалась гигантская масса «лишней» рабочей силы. Трудность перехода к капиталистическим отношениям здесь состояла не в отсутствии соответствующих резервов свободной рабочей силы, как это наблюдалось в

Англии, а в недостатке производительного капитала, способного поглотить всю эту массу. По сути дела, и рабы, и свободные неимущие слои представляли собой «полуготовый» пролетариат, что и обусловило в конце концов простую смену форм эксплуатации.

Наряду с разложением рабства, составившим главную специфику генезиса бразильского капитализма, действовали и обычные источники формирования рынка свободного труда, в том числе экспроприация самостоятельных производителей — мелкого крестьянства, ремесленников, т. е. свободного от личной зависимости населения страны.

Важную роль сыграла и так называемая свободная, иммиграция. Если до 1850 г. в Бразилию въехало всего около 20 тыс. иммигрантов, то за последующие два десятилетия их приток превысил 230 тыс. человек. В конце XIX в. масштабы иммиграции возросли еще больше, способствуя развитию капитализма вширь.

Особенно наглядно этот процесс отразился в развитии промышленности. До 1850 г. в стране, конечно, имелись некоторые предприятия промышленного типа, но на них, как правило, использовался труд рабов.

Во второй половине XIX в. положение изменилось. В стране возникли первые предприятия капиталистического типа. В 1850 г. было зарегистрировано 35 крупных промышленных заведений.

Важную роль в деле развития национальной промышленности сыграл крупнейший финансист и промышленник, пионер национальной буржуазии барон Мауа (1813—1889 гг.). Свою деятельность он начал с постройки судовой верфи в Понто-да-Арейя в 1845 г., на которой трудилось 300 рабочих под управлением английского инженера. Здесь же Мауа основал завод по изготовлению труб для газовых компаний с числом рабочих более 1000 человек. При заводе имелась своя железоделательная мастерская. Комиссар-инспектор сообщал в 1853 г., что в Понто-да-Арейя имеется 10 промышленных предприятий; мастерская по изготовлению железа и бронзы, механическая мастерская, подсобная железная дорога, судовой верфь, гальваническая, модельная, слесарная, парусная и другие мастерские. В 1854 г. с помощью английских инженеров в стране была построена первая железная дорога; в 1856 г. открылась вторая линия, затем третья. К 1872 г. насчитывалось уже 932 километра железнодорожных путей. Осо-

беспо большой размах получило железнодорожное строительство в 80-х годах. Это был уже значительный шаг вперед в промышленном развитии Бразилии и разложении старых производственных отношений.

Начальный период индустриализации, развернувшийся в Бразилии в 80—90-х годах XIX в., кризис и ликвидация рабства, рост применения наемного труда — все это были звенья одного исторического процесса — процесса перехода Бразилии на новый, капиталистический путь.

В политической сфере этому соответствовал ряд буржуазных реформ, которые была вынуждена провести умирающая империя в последние годы своего существования. В 80-х годах было реорганизовано судопроизводство, введены прямые выборы депутатов конгресса, утвержден новый уголовный кодекс, проведена реформа полиции и национальной гвардии. В числе административных мероприятий следует отметить реорганизацию муниципального управления, системы образования и кредитных учреждений.

Общей чертой для всех этих реформ была тенденция к демократизации (разумеется, в буржуазном духе) общественного порядка, к устранению прежних сословных привилегий. Важной мерой явилось введение гражданского брака, отделение церкви от государства.

Все эти шаги по буржуазному переустройству, включая прежде всего отмену рабства, свидетельствовали о том, что монархия вступила в стадию агонии. Для всех было ясно, что дни абсолютизма сочтены. Однако старая власть не хотела добровольно сдавать позиции.

14 июля 1889 г. в 100-летнюю годовщину взятия Бастилии в Рио-де-Жанейро и других городах прошли массовые республиканские демонстрации, в которых активно участвовали бразильские студенты. Многие молодые офицеры горячо сочувствовали республиканцам. Группа республиканцев из среды мелкобуржуазного офицерства и интеллигенции (Аристидес Лобо, Бенжамин Костан, Руи Барбоза и др.) создали тайное общество по подготовке восстания.

В ночь на 14 ноября 1889 г. гарнизон Рио-де-Жанейро взбунтовался и по команде маршала Деодору-да-Фонсека и полковника Бенжамина Констана потребовал низложения имперского правительства. При поддержке горожан восставшие заняли здание министерства и объявили о

смещении кабинета. Однако Деодору и другие руководители переворота не решались провозгласить республику. Солдаты и горожане, предводительствуемые молодыми офицерами, двинулись к зданию муниципалитета и здесь сами возвестили о низложении императора. Только после этого военные лидеры республиканцев приняли решение издать декрет об установлении республики. Императору предлагалось немедленно покинуть пределы Бразилии.

Специфика последнего этапа борьбы против монархии дала повод видному буржуазному исследователю А. Б. Томасу сделать вывод о том, что отмена рабства и провозглашение республики якобы явились «самой спокойной революцией во всей истории Америки; не было пролито фактически ни одной капли крови, да и победного ликования было не столь уж много»³³.

Исторические факты находятся в вопиющем противоречии с этим вымыслом. Начиная с 1822 г. в Бразилии почти непрерывно шла напряженная и подчас кровопролитная борьба против рабства и абсолютизма. Народно-республиканские восстания в 30—40-х годах, массовое аболиционистское и республиканское движение, борьба молодого пролетариата против эксплуатации — таковы были основные потоки буржуазно-демократического революционного процесса. Особенность политической истории Бразилии в XIX в. состоит не в том, что страна при переходе на капиталистический путь развития обошлась без социальной революции, а в том, что этот революционный процесс принял своеобразные черты, развивался постепенно и долго, пройдя два отделенных друг от друга во времени этапа, и в итоге растянулся на несколько десятилетий. Взятый в целом, он разрешил три главные исторические задачи: завоевание государственной самостоятельности, ликвидацию рабства, установление республики. Эти перемены имели подлинно революционное значение, обеспечив в конечном счете переход Бразилии на капиталистический путь развития.

Правда, социальная революция была ограниченной и неполной. Ликвидировав рабство и монархию, она не смогла нанести удар по латифундизму, не привела к освобождению Бразилии от тенет экономической зависимости перед английским ростовщическим капиталом, не изменила тяжелое положение широких масс народа.

НАРОД БОРЕТСЯ — БУРЖУАЗИЯ УКРЕПЛЯЕТСЯ У ВЛАСТИ (1890—1930 гг.)

Социальная структура власти Первой республики

Ликвидация рабства и абсолютизма не означала перехода всей государственной власти в руки бразильской буржуазии. Экономические рычаги по-прежнему оставались у крупных землевладельцев-fazendeiros. Потеряв рабов, они полностью сохранили монополию частной собственности на землю. Однако постепенно, по мере развития капиталистических отношений, буржуазия — сначала торговая и ростовщическая, а затем промышленная — стала все больше оказывать влияние на политический курс республики. В штатах Сан-Паулу, Минас-Жерайс, Риу-Гранди-ду-Сул и др. постепенно сложились местные буржуазно-помещичьи олигархии, претендовавшие на руководство всем государством.

Местные олигархии пользовались абсолютной автономией, ибо по конституции 1891 г. каждый штат получал почти все права самостоятельного государства: имел свою конституцию и законодательную ассамблею, обладал правом вводить налоги, контролировать экспорт, договариваться о займах с иностранными государствами, содержал собственную полицию и т. д. В итоге центральная власть в Бразилии обычно оформлялась в результате политического сговора буржуазно-помещичьих блоков.

Все годы существования Первой республики (до 1930 г.) президентами страны были прямые ставленники олигархии либо кофейного штата Сан-Паулу, либо скотоводческого штата Минас-Жерайс. Лишь в годы первой мировой войны в президентском кресле оказался представитель южного скотоводческого штата Риу-Гранди-ду-Сул. Экономическое превосходство Сан-Паулу и Минас-Жерайса, которые пользовались поддержкой английского капитала, обеспечивало их политическую гегемонию. Не случайно бразильцы метко называли общий курс центрального правительства «политикой кофе с молоком».

В целом суть этой политики сводилась к консерватизму и реакции. Ж. О. Родригес в своей книге «Примирение и реформа в политической истории Бразилии» справедливо отмечает, что до 1930-х годов «национальная администрация на всех этапах имела антиреформистский, элитарный и персоналистский характер»¹.

Иной точки зрения придерживается известный буржуазный социолог и экономист Элио Жагуарибе. Он считает, что если в период империи экономическое и политическое господство находилось в руках аристократической олигархии, то после установления республики к власти якобы приблизилась мелкая городская буржуазия. Ввиду слабости последней центральное правительство, по мнению Э. Жагуарибе, не могло преодолеть давление буржуазно-помещичьих кругов и по существу «защищало статус-кво, что способствовало сохранению господства олигархии»². Государство стремилось представлять как интересы буржуазии, так и аграрной олигархии, сглаживать противоречия между ними, но не могло руководить общественным развитием³.

Эту же идею проводит бразильский юрист и социолог Ж. К. Оливейра Торрес. Всевластие местных олигархий, по его мнению, существовало независимо и как бы параллельно с официальной центральной властью, причем последняя «имела в своем распоряжении лишь два средства для поддержания собственного авторитета в стране — армию и национальный телеграф»⁴. Устойчивость бюрократической элиты при таком положении полностью зависела от ее умения лавировать между различными буржуазно-помещичьими кланами.

Точка зрения Э. Жагуарибе и Ж. К. Оливейра Торреса разделяется и другими историками, которые, правильно отмечая многие аспекты, все же, на наш взгляд, искусственно отрывают экономическую власть от власти политической, полностью отделяют бюрократию от ее социально-классовой основы. Такие ситуации в принципе возможны, но они носят временный характер.

Основоположники марксизма-ленинизма дали глубокий анализ подобных явлений, обобщив их термином «бонапартизм». Бонапартистский режим обычно возникает тогда, когда основные борющиеся между собой социальные и политические силы находятся в состоянии относительного равновесия. Правительство в этих условиях по-

лучает некоторую возможность действовать автономно, проводить, так сказать, «надклассовую» линию в политике⁵. Но такие эпизоды носят преходящий характер, они не могут продолжаться долго.

Если с этих позиций обратиться к характеристике политической ситуации в Бразилии после свержения монархии, то никакого равновесия социальных сил мы не увидим. Преимущество полностью сохранялось за кофейной буржуазно-помещичьей олигархией. Основная борьба за власть развертывалась не между помещиками и буржуазией, а между буржуазно-помещичьими группировками разных штатов. Их силы на некоторых этапах действительно уравнивались, в результате чего центральное правительство имело известную возможность для маневра, но только в узких рамках буржуазно-помещичьего консервативного курса.

Буржуазия в конце XIX — первой четверти XX в. лишь формировалась как класс и поэтому еще не имела собственной политики общенационального масштаба, чаще всего играя роль политического доводчика в межрегиональном соперничестве. Вплоть до 30-х годов она не вступала в борьбу за власть как самостоятельная социальная сила. Это объяснялось еще и тем, что после отмены рабства интересы буржуазии и кофейных плантаторов-предпринимателей во многом совпадали.

Тем более ошибочно считать, как это делает Э. Жагуарибе, что власть в республике с самого начала захватила мелкая буржуазия. Свержение абсолютизма в ноябре 1889 г. и участие высшего офицерства в выработке наиболее важных политических решений республиканского правительства не означают, что мелкая буржуазия стояла у руля государства. Генералитет фактически защищал интересы господствующей буржуазно-помещичьей кофейной олигархии; что же касается мелкой городской буржуазии (ремесленники, торговцы, владельцы небольших мастерских и т. д.), то она, хотя и получила после свержения монархии свободу для частного предпринимательства, была крайне далека от политики, а тем более от государственной власти.

Буржуазно-помещичья олигархия Сан-Паулу и Минас-Жераиса не выпускала из своих рук общее руководство, в зародыше подавляя все поползновения посягнуть на ее монополию власти. Одним из существенных условий такого

могущества являлся союз «паулистов» и «минеирас» между собой и с английским финансовым капиталом.

Бразильский историк-марксист Р. Фако справедливо подчеркивал: «С момента установления республики и до победы вооруженного движения 1930 г. в стране фактически господствовала единственная партия, партия латифундистов (следовало бы сказать: кофейной олигархии. — *Б. К.*). Буржуазия добилась некоторых успехов, в какой-то степени участвовала в правительстве, но ей не удалось подорвать политическую силу крупных земельных собственников»⁶.

Действительно, абсолютное господство буржуазно-помещичьей кофейной олигархии и засилье иностранного (в основном английского) капитала являлось определяющим фактором социально-экономического и политического развития Бразилии в конце XIX — начале XX в.

В советской исторической литературе преобладает мнение о том, что вплоть до 1930 г. у власти стояли крупные помещики, а буржуазия якобы находилась в стороне. Эта точка зрения отождествляет кофейную олигархию с классом феодалов-латифундистов. На самом деле социальный состав господствующей олигархии Сан-Паулу и Минас-Жераиса был значительно шире, включая также местную торгово-ростовщическую и банковскую буржуазию, высшую бюрократию, верхушку церковной иерархии, часть генералитета.

Классовые интересы буржуазии в таких условиях развивались в течение долгого времени в рамках регионального соперничества; противоречия между помещиками и буржуазией были относительно слабы и уступали по своей силе традиционным местническим интересам различных буржуазно-помещичьих группировок. Такое своеобразие наложило свой отпечаток на всю общественную жизнь страны.

Политика правящей олигархии в корне расходилась с интересами подавляющего большинства нации, включая и молодую промышленную буржуазию. Однако последняя оказалась неспособной подняться на борьбу, предпочитая путь беспринципных компромиссов и соглашательства. Ее поведение можно охарактеризовать словами К. Маркса о «борце», который «не только боялся употребить в дело свое собственное оружие, но чувствовал себя обязанным сохранить в целости оружие своего противника»⁷. Тем не

мнее буржуазия постепенно укрепляла свои экономические позиции. Особенность ее политического развития как класса состояла в том, что она не выступала против неслышания реакционной кофейной олигархии. Эту борьбу вел народ.

В конце XIX — начале XX в. активную борьбу против помещиков развернули сельские трудящиеся. В 1893—1897 гг. вспыхнула настоящая крестьянская война в местечке Канудос (штат Баия). Свыше 5 тыс. крестьянских семей, предводительствуемые бедным проповедником Антонио Конселейро, с оружием в руках несколько лет подоряд боролись против правительственных войск, отстаивая свое право на землю и свободу.

Война крестьян в Канудосе была жестоко подавлена, но вскоре началось новое крестьянское выступление на юге страны — движение Контестадо (1902 — 1916 гг.). На этот раз в борьбе участвовало более 20 тыс. человек. Мужество крестьян было огромно, их борьба имела поистине героический характер, но стихийное, окрашенное в религиозные тона, выступление крестьянства не могло завершиться победой. Одной из основных причин этого было полное отсутствие каких-либо контактов между крестьянами и городскими рабочими, хотя в конце XIX — начале XX в. пролетарское движение в Бразилии приобрело уже достаточно широкие масштабы. Однако рабочее движение еще не преодолело стихийности и носило в основном экономический характер.

Новый более высокий этап в истории классовой борьбы наступил под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, оказавшей огромное воздействие на Бразилию.

Великий Октябрь и подъем пролетарской борьбы

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась поворотным пунктом в истории международного пролетарского движения. Яркий свет Октября, преодолевая преграды и расстояния, дошел до самых отдаленных стран и континентов, пробуждая угнетенных к активной борьбе за свое социальное и национальное освобождение.

Огромное политическое влияние оказал Октябрь и на Латинскую Америку. Одним из важнейших результатов этого явилось ускорение политического формирования про-

летариата как класса и зарождение высшей формы его развития — коммунистического движения.

В конце XIX в. руководящую роль в определении позиции бразильского пролетариата играли социалисты, основавшие в 1902 г. свою партию. Социалисты, выдвинув программу борьбы против эксплуатации, были, однако, слабо связаны с массами и не могли организовать рабочее движение, ограничиваясь в основном политической пропагандой.

Не случайно поэтому в 1906—1908 гг. на руководящие позиции выдвинулись анархо-синдикалисты, захватившие инициативу в профсоюзах и сосредоточившие свои силы на организации конкретных боевых действий. Стачка, бойкот, восстание и другие «прямые действия» рассматривались ими в качестве главного и единственно эффективного оружия рабочих в борьбе против угнетателей. В результате деятельности анархо-синдикалистов стачечное движение приняло массовые масштабы.

В 1906—1917 гг. в ряде городов были проведены всеобщие забастовки, в которых участвовало по 30—50 тыс. человек. В июне-июле 1917 г. в Сан-Паулу произошло наиболее крупное выступление бразильского пролетариата. Против олигархии и буржуазии выступило более 150 тыс. рабочих, или примерно 50% всего промышленного пролетариата страны.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции среди анархо-синдикалистов произошел раскол, многие из них выступили в поддержку Советской республики, стали постепенно переходить на позиции III Интернационала. В ноябре 1918 г. в Рио-де-Жанейро левые синдикалисты организовали вооруженное восстание пролетариата с целью заменить «нынешнее правительство, которое не отвечает национальным надеждам, подлинно народным правительством рабочих и крестьян, как это было сделано в России»⁸.

В литературе, посвященной истории Бразилии, почти не упоминается о пролетарском вооруженном восстании 18 ноября 1918 г. в Рио-де-Жанейро. Причина такого забвения кроется в отсутствии документального материала. Недостаток источников ощущается и в настоящее время, однако новые публикации архивных материалов позволяют все же восстановить канву ноябрьских событий 1918 г.

A PLEBE

Рабочая газета «Народ» за 1 мая 1919 г.

На рисунке изображен аллегорический образ социалистической революции, которая, пачавшись в России, идет по всему миру

В 1918 г. столица Бразилии представляла собой крупный административный и экономический центр. На промышленных предприятиях Рио-де-Жанейро и его пригородов трудилось около 73 тыс. рабочих, что в то время составляло четверть всего индустриального пролетариата страны. Кроме того, значительное число рабочих было занято в строительстве, коммунальном хозяйстве, в сфере услуг. Наряду с пролетариатом Сан-Паулу это был наиболее опытный и организованный отряд рабочего класса. У рабочих столицы имелись богатые традиции стачечной борьбы. В Рио-де-Жанейро действовали крупные профсоюзные объединения, прежде всего Федерация трудящихся, объединяющая 80 тыс. рабочих и служащих, а также масса мелких автономных синдикатов. В столице активно действовал Анархистский альянс, опиравшийся на демократические слои интеллигенции и профсоюзы. Наибольшим авторитетом среди передовой части рабочих пользовались левые синдикалисты Астрожилдо Перейра, Антонио Канелас, Эверардо Диас, Отавио Брандао, Жоао да Коста Пимента, Мануэл Кампос и др.

Известие о победе социалистической революции в России было воспринято ими с энтузиазмом. По инициативе левых синдикалистов и демократически настроенной интеллигенции среди рабочих Рио-де-Жанейро и других городов развернулась широкая пропаганда идей «максимализма», как называли тогда в Бразилии программу большевиков. В резолюции массового пролетарского собрания 1 мая 1918 г., состоявшегося в столичном театре «Мэзон Модерн», был выражен «коллективный протест против капиталистической эксплуатации и социальной тирании, полная солидарность с трудящимися всего мира... глубокая симпатия к русскому народу, ведущему в этот момент открытую и героическую борьбу против капитализма и государства»⁹.

Преклонение перед «прямыми действиями», искреннее стремление повторить опыт Октября и «русского максимализма», ненависть к государственной власти как олицетворению реакции и насилия над личностью и свободой граждан, желание путем революции «передать власть синдикатам» — все это вело к созреванию среди анархо-синдикалистов идеи о вооруженном восстании.

Своеобразное и противоречивое переплетение старых и новых идей способствовало выделению из их среды

Астрожиildo Перейра (справа) и Отавио Брандао — основатели Бразильской коммунистической партии (октябрь 1919 г.)

группы так называемых «коммунистов-освободителей», взгляды которых были изложены в брошюре «Что такое максимализм, или большевизм». Ее авторы — редактор газеты «Народ» («A Plebe») Эдгар Леуенрот и Элио Negro (подлинное имя — Антонио Кандейас Дуарте) исходили из того, что «максимализм» имеет своей целью открыть путь «освободительному коммунизму, который принесет всем мир, благосостояние и свободу». Бразильские «коммунисты-освободители» видели главного врага не в классе капиталистов, не в империализме и латифундизме, а в государстве, т. е. не в базисе, а надстройке. Лишь постепенно синдикалисты стали менять старую позицию, более гибко оценивать роль государственных институтов, направляя главный удар против буржуазно-помещичьей олигархии и английских банкиров.

В соответствии с программой Элио Negro и Эдгара Леуенрота в каждом городе, районе, поселке должны быть созданы местные коммуны или советы (*conselhos municipais*), осуществляющие власть на местах и управляющие жизнью граждан. Представители этих народных советов в свою очередь образуют центральный «народный комисариат» (*comissariado do Povo*), который избирает исполком и специальные комиссии. По сути дела, полностью

копировалась конституционная схема, одобренная III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г. Авторы брошюры «Что такое максимализм, или большевизм?» указывали: «Общее управление коммунистической республикой будет осуществляться центральным советом народных комиссаров». Непримиримые враги государства — анархо-синдикалисты — таким образом, в общем поддерживали идею создания «коммунистической республики», которую они представляли себе как государство «профессиональных ассамблей» и «народных советов».

Под непосредственным влиянием Октябрьской революции левые синдикалисты Рио-де-Жанейро попытались в ноябре 1918 г. осуществить свои идеалы на практике, организовав вооруженное восстание. Ход самого восстания, насколько мы можем восстановить его по воспоминаниям участников и по материалам полицейского управления, выглядит следующим образом¹⁰.

В октябре 1918 г. группа революционеров тайно собралась на квартире профессора Жозе Родригеса Лейте да Ойтисика в Рио-де-Жанейро с целью создания центра по подготовке восстания. В совещании участвовали Мануэл Кампос, Жоао да Коста Пимента, Астрожилдо Перейра, Алваро Палмейра, Карлос Диас, Жозе Ромеро и некоторые другие. В течение октября и первой декады ноября состоялось еще несколько конспиративных встреч. Однако в результате предательства планы заговорщиков стали известны полиции. Лейтенант Жорже Элиас Ажус оказался провокатором. По его показаниям, в восстании должны были участвовать 15 тыс. рабочих, «готовых к революционному движению». В полицейском обвинении говорилось о 20 тыс. «заговорщиков». Ажус утверждал, что на тайных совещаниях сообщалось о готовности выступить 4 тыс. рабочих. План восстания включал взрыв электростанции, телефонного узла, телеграфа. Восстание должно было начаться со всеобщей стачки рабочих района Ботафого, которые должны были подойти к президентскому дворцу Катети и по сигналу ворваться во дворец, арестовать президента и поднять красное знамя. Одновременно в районе Сан-Кристоф другие группы рабочих намеревались атаковать военные склады с целью захвата оружия, обмундирования и боеприпасов. В районе Бангу 2 тыс. рабочих должны были занять патронную фабрику в Реалепго и захватить там оружие и боеприпасы. Отряды под

руководством Манозла Кампоса в этот момент планировали захват полицейского участка.

Руководители восстания ничего не знали о предательстве и продолжали подготовку к вооруженному выступлению и всеобщей забастовке, которые, по их плану, должны были совпасть по времени. Но нетерпение, желание быстрее начать борьбу помешали им обеспечить условия для организованных действий.

18 ноября 1918 г. на текстильных фабриках Рио-де-Жанейро, Нитероя, Петрополиса и Маже в 4 часа дня началась стачка. Почти сразу же в центральное управление полиции поступили сообщения о беспорядках на улицах и угрозе восстания. По приказу начальника столичной полиции к фабрикам были срочно посланы военные части и полицейские патрули. Примерно в 5 часов вице-президент Бразилии Делфим Мореира созвал на экстренное совещание военного министра, министра юстиции и других членов правительства с целью заслушать информацию начальника полиции о положении в столице. Совещание приняло решение предоставить полиции чрезвычайные полномочия. В большинстве районов правительству удалось предотвратить восстание, однако в ряде мест развернулась ожесточенная вооруженная борьба.

Так, в районе Сан-Кристоф восставшие атаковали армейские склады. Схватка началась со взрыва автомашины с солдатами, под которую была брошена самодельная бомба. Вслед за этим, забрасывая динамитными пашками охрану, рабочие бросились на приступ. В кровопролитных боях участвовало до 500 человек. Особенно активно сражались металлурги и строители. В баррикадных боях приняли участие и студенты Колледжа императора Педро II, а также медицинского училища.

Пытаясь склонить солдат на свою сторону, повстанцы обратились к ним с воззванием, в котором говорилось: «Солдаты и моряки — сыновья народа! Как только солдаты и матросы объединятся с рабочими, богачи и политики потеряют всякую силу и не будут господами на земле. Солдаты и матросы! Патриотизм и дисциплина — это слова, к которым прибегают наши угнетатели с целью обмана. Существует только один патриотизм и одна дисциплина — бороться за освобождение класса обездоленных и униженных. Есть только один путь к этому — братское единение солдат и моряков с рабочими и создание

комитетов солдат и рабочих, которые возьмут на себя руководство всеми общественными делами».

Призыв этот, к сожалению, не дал положительного результата. Только небольшая группа солдат отказалась повиноваться своим офицерам и перешла на сторону рабочих. Основная же часть армии и вся полиция решительно выступили против них. К ночи восстание было повсюду подавлено. Лишь в рабочем поселке Маже еще в течение трех дней продолжались кровопролитные бои, в ходе которых революционеры провозгласили Рабочую республику.

После подавления восстания полиция привлекла к суду 58 человек, 10 из которых были признаны «руководителями»: Агрипино Назаре, Алваро Палмейра, Астрожилдо Перейра, Манозл Кампос, Жоао да Коста Пимента и др.

22 ноября 1918 г. был издан правительственный декрет о запрещении Всеобщей федерации трудящихся, а также профсоюзов текстильщиков, металлургов и строительных рабочих под предлогом, что все они «нарушили общественный порядок, а их члены, в своем большинстве иностранные агитаторы, являются настоящими анархистами», которые хотели «установить в Бразилии режим кровавого террора по типу русских Советов». В ответ синдикалисты организовали 26 ноября стачки протеста, в которых приняли участие рабочие почти всех районов Рио-де-Жанейро. Общее число стачечников превысило 20 тыс. человек. Однако это выступление уже не могло изменить исход борьбы. Реакция торжествовала победу.

Несмотря на то, что пролетарское вооруженное восстание потерпело поражение, его значение было огромно, так как впервые рабочий класс Бразилии выступил с оружием в руках против эксплуататорского строя.

Попытка пролетарского вооруженного восстания в ноябре 1918 г. потерпела неудачу, ибо ни объективных, ни субъективных условий для победы не было. В Бразилии не сложилась революционной ситуации, как, скажем, в Германии или Венгрии, хотя налицо имелся значительный подъем рабочего движения.

Что же касается крестьян, то их борьба по-прежнему носила стихийный характер отдельных, не связанных между собой локальных выступлений. Боевой союз между рабочими и крестьянами в то время еще не сложился.

В момент самого восстания за пределами Рио-де-Жанейро никто и не подозревал о событиях, происходящих в столице. С другой стороны, позиции правящих классов были весьма сильны и никакого «кризиса верхов» не наблюдалось. Ясно, что в этих условиях локальное вооруженное восстание, к тому же плохо организованное, было обречено на провал.

Ноябрьские события 1918 г. тем не менее со всей очевидностью продемонстрировали, что в рядах рабочего класса накопилась большая революционная энергия, что стихийно рабочие тяготеют к наиболее революционным методам действий. Вопрос состоял лишь в том, чтобы правильно организовать борьбу и возглавить пролетариат. Синдикалисты продемонстрировали свою неспособность выступить в роли настоящего руководителя. Постепенно, шаг за шагом, лучшие деятели анархо-синдикализма убедились в бесплодности своей прежней тактики и подвергли ее пересмотру. Одними из первых на позиции научного коммунизма перешли Астрожилдо Перейра, Отавио Брандао, Антонио Кандейас и некоторые другие. В Бразилии, как и во многих других странах, развернулась, как писал В. И. Ленин, «нешумная, неяркая, некрикливая, небыстрая, но глубокая работа»¹¹ по созданию настоящего революционного авангарда рабочего класса — коммунистической партии.

Благодаря энергичным действиям левых синдикалистов в стране стали создаваться коммунистические ячейки и группы. В феврале 1922 г. по инициативе коммунистических групп Порту-Алегри и Рио-де-Жанейро началась непосредственная подготовка к учредительному съезду коммунистической партии. К концу марта в Рио-де-Жанейро стали нелегально съезжаться делегаты. Первые заседания съезда проходили 25 и 26 марта 1922 г. в самой столице, третье и четвертое в связи с опасностью полицейского нападения было проведено 27 марта на квартире Астрожилдо Перейра в доме № 651 на улице Риу-Бранку в пригороде столицы, городе Нитерой. Съезд проходил нелегально, в его работе приняло участие девять делегатов от 72 членов коммунистических групп, действовавших в то время в стране.

В документах I съезда БКП указывалось, что создание коммунистической партии знаменовало собой высокий дух и сознательность бразильского пролетариата, объеди-

ненного, наконец, с революционным авангардом международного рабочего класса.

Соединение рабочего движения с марксистской революционной теорией явилось закономерным итогом развития бразильского пролетариата, который в ходе упорной революционной борьбы все более консолидировался как класс.

В 20-е годы пролетариат развернул активные действия против буржуазно-помещичьей олигархии, но субъективно еще не был готов к тому, чтобы возглавить движение масс.

Одновременно на авансцене политической жизни развернулось вооруженное движение, возглавляемое прогрессивным офицерством.

Революционное движение тенентистов в 20-х годах

В развитии революционной борьбы бразильского народа в 20-х годах особое место занимают антиолигархические восстания, во главе которых встали демократические мелкобуржуазные элементы, главным образом, молодое офицерство. Тенентисты (от бразильского *tenente* — лейтенант) подняли на вооруженную борьбу против олигархии значительную часть армии. Они выражали интересы не только средних городских слоев, но и широких масс народа, недовольных реакционной политикой буржуазно-помещичьих правящих блоков и их пресмыкательством перед английским империализмом.

Первой попыткой тенентистов поднять знамя революции явилось вооруженное восстание 5 июля 1922 г. в Рио-де-Жанейро. В связи с экономическим кризисом и усилением соперничества региональных буржуазно-помещичьих групп за президентскую власть политическое положение в стране резко обострилось. Особенно большое раздражение в народе вызывало стремление олигархии поставить у власти губернатора штата Минас-Жераис Артура Бернардеса.

Политические противники А. Бернардеса сумели подорвать его позиции в армии, опубликовав в газетах факсимиле его частных писем, в которых содержались нелепые оценки по адресу военнослужащих. Офицерский

клуб потребовал специального разбора «антипатриотического поведения» Бернардеса: «Возможна следующая дилемма: либо роспуск армии, либо армия не признает сеньора Бернардеса президентом республики»¹².

Ультиматум офицерского корпуса не произвел, однако, должного впечатления. На выборах 1 марта 1922 г. А. Бернардес получил большинство голосов. Сразу же после этого реакционные круги при поддержке правительства обрушились на прогрессивное офицерство. В ответ на репрессии тенентисты стали готовиться к антиправительственному мятежу.

В ночь с 4 на 5 июля 1922 г. взбунтовался артиллерийский форт Копакабана. Около 200 солдат и офицеров отказались повиноваться правительству. Восставшие не имели четкого плана действий. Они искренне боролись против продажной администрации, но наивно думали, что достаточно «плохого» президента заменить «хорошим». Лейтенант Антонио де Сикейра Кампос и капитан Эуклидес Эрмес да Фонсека, возглавившие восстание, надеялись на поддержку курсантов Военной школы в Реаленго и частей, дислоцированных в военном городке Вила-Милитар.

В ночь с 4 на 5 июля 600 курсантов Военной школы с оружием в руках вышли к району Вила-Милитар, но здесь выступление не состоялось из-за предательства ряда офицеров. Под ударами правительственных войск курсанты вынуждены были отступить назад в казармы и сдать оружие.

Форт Копакабана остался изолированным. Окаймляя город, узкая полоса пляжа, простиравшаяся на 3—4 километра, отделяла мятежный форт от правительственных войск. Надвигалась ночь. Город притаился в темноте. Попытка командующего гарнизоном войти в переговоры с восставшими не удалась. Прилегающие к форту районы были оцеплены. Правительственным частям пришлось сначала подавить мятеж в форте Вижиа, командующий которым капитан Максимилиано Фернандес да Силва, заявил о солидарности с восставшими Копакабаны. Ночь прошла в тревожном ожидании.

На рассвете раздался первый выстрел. Орудия форта Копакабаны сделали несколько залпов по казармам правительственных войск. В ответ был открыт артиллерийский огонь по форту. В небе появились гидросамолеты,

со стороны океана подходили эсминцы «Мипас-Жераис» и «Сан-Паулу». Форт оказался окруженным со всех сторон. Наступила вторая почь. Понимая, что осажденный форт не имеет никаких шансов на успех, Сикейра Кампос и его товарищи решили, тем не менее, не складывать оружие. В ответ на новый ультиматум Сикейра Кампос заявил: «Мы начали борьбу и мы доведем ее до конца!»

Утром 6 июля Сикейра Кампос обратился к своим товарищам по оружию с призывом сделать добровольный выбор: продолжать участие в восстании или покинуть форт. Пятьдесят два героя отвергли саму мысль о капитуляции и решили продолжать борьбу до конца. Ситуация с каждой минутой становилась все более сложной. Усилился артиллерийский обстрел форта. С воздуха гидропланы забрасывали его бомбами. Многие были убиты и ранены. Когда стало ясно, что дальнейшее сопротивление невозможно, 18 оставшихся в живых героев, разорвав на локуты национальное знамя и приложив их к груди, вышли из форта на пляж Копакабана, на другом конце которого, в 2—3 километрах, стояли отборные правительственные части. 18 героев шли навстречу смерти и славе. За исключением двух человек (Сикейра Кампоса и Эдуардо Гомеса) все погибли.

Восстание в столице было подавлено. Гарнизон не выступил в его поддержку. Лишь в штатах Парана и Матто-Гроссо в 750 милях от столицы была сделана попытка продолжить вооруженную борьбу¹³. Но и она была быстро подавлена. Главной причиной поражения тенентистов явилась их тактика путчей без четкой политической программы, без связи с широкими слоями трудящихся. Основная часть армии осталась верной правительству.

Неудача первого вооруженного выступления тенентистов произвела не меньшее, если не большее впечатление на бразильскую общественность, чем сама попытка антиолигархического восстания. Реакционная сущность буржуазно-помещичьей власти, ее абсолютное нежелание хоть в чем-то считаться с интересами народа, фанатический героизм тенентистов — все это взбудоражило Бразилию, открыло период длительной борьбы за устранение от власти реакционной кофейной олигархии.

Поражение не обескуражило мелкобуржуазных революционеров. Более того, их желание осуществить «свою» революцию возросло в связи с тем, что сразу же после

5 июля 1922 г. правительство объявило о введении осадного положения, многие офицеры были уволены из армии или сосланы в отдаленные гарнизоны. Кровь героев Копакабаны звала к мщению. Когда 15 ноября 1922 г. А. Бернардес официально вступил в должность президента, недовольство охватило широкие слои населения. Особенно сильное возбуждение царило среди офицерства. Наиболее революционные офицеры развернули активную конспиративную деятельность по подготовке нового восстания. По одному из проектов, в декабре 1923 г. лейтенант Жоаким де Магальяес Кардосо Барата со своими солдатами должен был арестовать министра обороны маршала Сетембрипо де Карвалью, совершавшего инспекционный обезд войск. Арест маршала должен был послужить сигналом для антиправительственного мятежа воинских частей в штатах Парана, Сан-Паулу и Риу-Гранди-ду-Сул. Однако план провалился. Лейтенант Барата был арестован, не успев выполнить свою миссию¹⁴. Однако заговорщики на этом не успокоились, они продолжали готовиться к бою.

В Революционном манифесте, который тенентисты опубликовали в 1924 г., цели движения определялись так: «Наша революция — это не изолированный эпизод. Она носит патриотический характер и направлена против антинациональной диктатуры. Борьба идет не против личности А. Бернардеса, а против всей политической системы. Страна фактически раскололась на ряд княжеств, что неминуемо ведет к социальному кризису. Правительство не имеет поддержки народа, ведет нечестную политику. Это — не народное правительство. Вот почему армия не поддерживает его. Мы боремся за демократию, за идеалы народа, против нынешней олигархической диктатуры и призываем народ поддержать нас»¹⁵.

Этот призыв отражал как социальную ограниченность мелкобуржуазной программы тенентистов, так и большой позитивный смысл их борьбы. Они не ставили перед собой радикальных социально-экономических задач, не выходили за рамки демократизации политической системы и, главным образом, переизбрания центрального правительства¹⁶.

После тщательной подготовки было решено в память о восстании форта Копакабана 5 июля 1924 г. начать восстание в Сан-Паулу. По расчетам заговорщиков их долж-

ны были поддержать 1, 2 и 4-й пехотные полки, а также кавалерийский полк местной полиции. Во главе восстания стоял командующий кавалерийским полицейским полком майор Мигел Коста. Официальным лидером считался престарелый генерал в отставке Исидоро Диас Лопес. По плану, предполагалось атаковать казармы других частей с целью подавить их сопротивление и, если окажется возможным, перетянуть солдат на сторону революции. Казалось, все складывается как нельзя лучше, но накануне восстания, утром 4 июля, правительство все же узнало о заговоре и сразу же приняло необходимые меры. И когда 5 июля на окраинах Сан-Паулу в казармах воинских частей начался революционный мятеж, к городу уже стягивались верные правительству части.

С самого же начала восстание оказалось дезорганизованным. Мятежные воинские части не имели связи между собой и поэтому не могли действовать согласованно. Не будучи подготовленным к действиям на улицах города, солдаты не знали, что им делать. Обстановка быстро осложнилась, ибо в город уже входили правительственные войска. В течение трех дней шли тяжелые кровопролитные бои.

Мелкобуржуазные революционеры-тенентисты, выступая от имени народа, тем не менее не организовали контактов с рабочими профсоюзами Сан-Паулу. Более того, многие тенентисты опасались неконтролируемой активности городских низов, предпочитая тактику казарменных путчей. Население города не было готово к вооруженной борьбе, многие не знали целей восстания, остались безучастными. По словам участников восстания, народные массы Сан-Паулу не знали, кто борется, почему и за что. Даже солдаты революционных войск зачастую не знали, во имя чего их ведут в сражение¹⁷.

В ряде районов трудящиеся Сан-Паулу попытались выступить в поддержку восставших, но их действия были расценены тенентистами как «бунтарские» и опасные. Профсоюзы, обратившиеся с просьбой предоставить рабочим оружие, получили категорический отказ.

Следует сказать, что Бразильская коммунистическая партия, в те годы еще очень слабая, заняла отрицательную позицию в отношении тенентистского восстания, рассматривая его как узкий казарменный заговор. И это во многом действительно было так.

Тенентисты требовали изменения конституции, реального отделения церкви от государства, либерализации политического режима, запрещения переизбирать президента на второй срок, введения тайного голосования и т. д., но привлекать к борьбе массы народа они не хотели. Большинство тенентистов вполне бы удовлетворилось обычной реформой, опасаясь пробуждения революционной энергии «низов».

В результате полной изоляции от масс трудящихся и ввиду тройного численного превосходства правительственных войск (18 тыс. солдат против 6 тыс. повстанцев), штаб восстания 27 июля принял решение уйти в глубь страны, чтобы там продолжать борьбу.

В августе 1924 г. «паулистская» колонна уже находилась на территории штата Парана, а к сентябрю, преследуемая правительственными войсками, подошла к границе с Аргентиной и Парагваем в районе водопада Игуасу.

В целях расширения революционной борьбы тенентисты установили контакт с антибернардистской оппозицией южного штата Риу-Гранди-ду-Сул. На территории этого штата во многих гарнизонах уже давно шла подготовка к восстанию, в которой приняли участие некоторые штатские политики из рядов местной буржуазно-помещичьей олигархии. На какое-то время интересы мелкобуржуазных революционеров и буржуазных политиков переплелись. Однако буржуазно-помещичья элита предпочитала до поры до времени держаться в тени, надеясь «таскать каштаны из огня» руками тенентистов. Так оно и получилось.

В конце октября 1924 г. в штате Риу-Гранди-ду-Сул одновременно в трех городках — Сапто-Анжело, Сао-Луис и Сао-Боржа тенентисты начали вооруженную борьбу.

В городе Сапто-Анжело восстание возглавил молодой капитан Луис Карлос Престес. В 1921—1922 гг. он вместе с большинством молодых офицеров встал на позиции борьбы с олигархией. В 1922 г. он активно включился в тайную подготовку восстания, но не смог из-за тифа принять участие в боевых действиях 5 июля. После поражения восстания он по приказу начальства был отправлен в далекий захолустный городок Сапто-Анжело (штат Рио-Гранди-ду-Сул), где руководил строительством железной дороги и мостов. Но и здесь он продолжал надеяться на новое восстание.

Узнав о начале революционной борьбы в Сан-Паулу, Престес решил поднять и свой батальон на борьбу с олигархией. Во главе 2-тысячной колонны «гаушо» (так называют себя уроженцы штата Рио-Гранди-ду-Сул) он вышел из Санто-Анжело по направлению к Игуасу для соединения с «паулистской колонной» Мигела Косты. Так была создана Непобедимая колонна, которая начала свой беспримерный в истории кавалерийский рейд, который продолжался три года.

Л. К. Престес считал, что учитывая большую территорию страны, революция в Бразилии имеет шансы на победу только при условии постоянной мобильности, движения, переноса военных действий из одного района в другой. Не создание локального партизанского очага, как думали другие тенентисты, а постоянное движение, поход вооруженных революционных сил — вот та единственная тактика, которая, по мнению Л. К. Престеса, сможет принести победу.

Такая тактика, действительно, имела ряд преимуществ по сравнению с позиционными боями, она позволяла внезапно нападать на противника, ввязываться в бой, когда тому невыгодно. Но мобильные партизанские действия имели и тот недостаток, что не давали возможности революционерам закрепиться, установить тесные связи с населением, провести какие-либо преобразования. И, хотя повсюду простые люди встречали тенентистов с энтузиазмом, все знали, что через несколько дней колонна пойдет дальше, а крестьяне вновь останутся лицом к лицу с помещиками и полицией. Часть крестьян, рабочих присоединялась к колонне, но большинство вскоре возвращалось домой, к своим семьям и очагам.

Боевое ядро колонны состояло из кадровых солдат и младших офицеров. Это ядро было постоянно окружено целой толпой попутчиков и сочувствующих. Нередко за колонной шли целые семьи со своим скарбом, но вся эта масса постоянно менялась: одни приходили, другие покидали колонну и возвращались назад.

Мобильность колонны, таким образом, позволяла сохранить боеспособность, но отнюдь не могла привести к победе. Она возбуждала, но не организовывала массы. Более трех лет Непобедимая колонна находилась в походе, ведя жестокие бои с правительственными войсками, но поднять народ на революцию не удалось.

Луис Карлос Престес
(1923 г.)

Сам Л. К. Престес в 1934 г. так описывал политику тенентистов в отношении крестьян: «На протяжении всего длительного пути колонна не делала никаких попыток решить в какой-либо форме аграрный вопрос... С помещиками колонна все время старалась сохранить мирные отношения, стремясь с некоторыми из них даже войти в контакт и привлечь на свою сторону... Правда, крестьяне считали, что колонна выступает против правительства, и это обеспечивало ей известные симпатии»¹⁸.

Героический поход Непобедимой колонны способствовал пробуждению социальной активности крестьян. В ряде штатов крестьяне стали самовольно захватывать помещичьи земли, вооружаться в целях самообороны. Во многих сельских районах появились военные отряды, предводительствуемые крестьянскими атаманами. Небольшие мобильные отряды — так называемые «кангасос» — развернули широкие боевые действия против латифундистов и полиции. Однако, к сожалению, многие из этих групп выродились в обычные разбойничьи шайки. Некоторые атаманы (Лампиано, Жозе и др.) поступили на службу к помещикам и даже участвовали в военных действиях против Непобедимой колонны Луиса Карлоса Престеса.

Таким образом, развитие классовой борьбы в бразильской деревне было весьма своеобразным, отличалось внутренней противоречивостью. Однако под влиянием революционных действий тенентистов, которые сражались в основном на территории сельских районов, наметился определенный сдвиг влево среди значительных масс крестьянства. Правда, условия для общего подъема крестьянского движения в то время отсутствовали. Сельские трудящиеся в своей массе были абсолютно неорганизованы и неграмотны. Чтобы поднять их на сознательную борьбу, нужно было немалое время и крепкая революционная организация. Бразильская коммунистическая партия была еще очень слабой и не вела работу в деревне. Тенентисты не видели в крестьянстве революционной силы и не могли сыграть роль политической партии.

Ограниченность политической платформы тенентизма, их опасения вызвать неуправляемую энергию «пизов» предопределили постепенное затухание повстанческого движения. В начале 1927 г. участники военного похода, пройдя 25 тыс. километров, вынуждены были отступить к границе Боливии, на территории которой, разделившись на группы, они укрылись от преследования правительственных войск. Колонна не была разбита, но она и не нанесла сокрушающего удара по существующему режиму.

Несмотря на это, тенентистское движение внесло существенный вклад в борьбу против олигархии, расшатав устой реакционного режима и пробудив внимание широких слоев населения к политическим проблемам бразильского общества. «Политическое значение марша колонны,— отмечает Л. К. Престес,— трудно переоценить. Пронеся знамя восстания почти через всю Бразилию, она продемонстрировала широким массам возможность победы над угнетателями, наполнила сердца патриотов надеждой и энтузиазмом. У колонны не было четкой программы социально-экономических и политических требований. Но она явилась первым ярким эпизодом борьбы нашего народа против помещиков и империалистов, за свободу, национальную независимость и общественный прогресс и потому оставила неизгладимый след в памяти бразильцев»¹⁹.

Пролетариат — самый последовательный борец против олигархии и империализма

Отдавая дань выдающейся исторической роли тенентистского движения, было бы грубой ошибкой недооценивать тот вклад, который внес в борьбу против олигархии и империализма бразильский пролетариат. К сожалению, в исторической литературе эта тема еще не получила достаточного освещения, а ведь по существу все классовые выступления пролетариата были наполнены антиолигархическим и антиимпериалистическим содержанием.

Этот вывод имеет принципиальное значение для правильного понимания всей политической борьбы, развернувшейся в Бразилии после 1917 г.

Здесь нет возможности подробно осветить все боевые действия пролетариата в 20-е годы, поэтому приходится подчеркнуть лишь главные моменты.

Во-первых, следует сказать, что рабочее движение в этот период имело наиболее массовый характер. В нем участвовали десятки и сотни тысяч человек. Наиболее сильным оружием пролетариата являлась стачка. В 1917—1921 гг. число стачечников, по нашим подсчетам, достигало 200—250 тыс. человек, в 1922—1929 гг. в забастовках участвовало 100—150 тыс. человек. И хотя рабочее движение в те годы носило преимущественно экономический характер, оно было в первую очередь направлено против господствующей буржуазно-помещичьей олигархии и империализма.

Во-вторых, в отличие от других участников антиолигархического и антиимпериалистического движения передовая часть пролетариата была организована, имела свои профессиональные массовые союзы и, что особенно важно, была вооружена политической программой, разработанной Бразильской коммунистической партией.

В-третьих, революционное рабочее движение имело огромную историческую перспективу, быстро набирало силу и политический авторитет, который не зависел от какой-либо конъюнктуры или конкретной ситуации, а активно предопределялся всем ходом общественного развития. Можно сказать, что если мелкобуржуазные революционеры при всем их героизме и самоотверженности сражались как бы на поверхности политической жизни,

то пролетариат действовал в глубине, подрывая не надстройку, а весь базис существующего строя.

Положение рабочего класса Бразилии в те годы было крайне тяжелым: материальные условия жизни ужасны, никаких законов о труде, никаких политических прав трудящиеся не имели.

В листовке, выпущенной Союзом металлистов в 1926—1927 гг., так описывалась жизнь бразильских рабочих: «Мы каждый день встаем на рассвете и лишь к ночи, истощенные трудом за день, возвращаемся домой, чтобы без сил повалиться спать. За наш труд мы получаем так мало, что не имеем возможности купить достаточно еды для себя и семьи. Мы не имеем никаких гарантий, что сохраним работу... В случае болезни мы получаем мизерное пособие в размере 3 милрейса в месяц, хотя за больницу надо платить до 100 милрейсов. В случае смерти только на похороны необходимо 200 милрейсов».

В среднем заработная плата была почти вдвое ниже необходимого прожиточного минимума. Большинство рабочих жило впроголодь, экономя на самом необходимом. Вот типичный пример. Работница одной из текстильных фабрик в штате Баия по имени Хуана Биспо вынуждена была по состоянию здоровья оставить работу за три недели до родов. По закону она должна была получить мизерное пособие в размере 3 доллара 60 центов, однако 3 доллара были удержаны в качестве платы за будущую медицинскую помощь. Таким образом, на жизнь в течение трех недель ей осталось всего 60 центов. В результате голодания на третий день после родов и она, и ребенок умерли от истощения.

Тяжелое экономическое положение рабочих усугублялось почти полным отсутствием каких-либо законов по вопросам труда.

В этих условиях почти любое боевое выступление рабочих, будь то экономическая забастовка или демонстрация, приобретало политическое звучание, подрывая устой существующего строя. С этих позиций и следует оценивать роль рабочего класса в общей борьбе против олигархии и империализма.

В годы, когда на политической авансцене действовали тенентисты, пролетариат не только не уменьшил, а, напротив, значительно активизировал свою классовую

революционную борьбу. В соответствии с программой, принятой II съездом БКП (май 1925 г.), главным и основным противоречием бразильского общества признавалось «противоречие между аграрным полуфеодальным капитализмом и индустриальным современным капитализмом». Борьба против господства кофейных плантаторов рассматривалась в качестве главной революционной задачи²⁰. Однако пролетариат еще боролся с олигархией изолированно от других сил. Что касается промышленной буржуазии, то ее соперничество с кофейной олигархией носило крайне ограниченный характер. Тенентизм, как специфическое мелкобуржуазное движение антиолигархического характера, имел предпосылки для объединения с рабочим движением, но в 20-е годы борьба против олигархии развивалась отдельными изолированными движениями. Многие коммунисты ошибочно рассматривали тенентизм как «реакционное движение мелкой буржуазии, которая выступала в союзе с буржуазией и помещиками и стремилась спасти частную собственность»²¹. В итоге между тенентистским и рабочим движением сложились не союзные, а педоверчивые и даже враждебные отношения. Лишь в 1927—1928 гг. по инициативе первого секретаря ЦК БКП А. Перейры партия вступила в контакт с Л. К. Престесом, однако к этому времени вооруженная борьба тенентистов стала уже затухать. Тем не менее коммунисты и прогрессивные профсоюзы сделали реальные шаги к объединению антиолигархических сил и, прежде всего, к установлению союза рабочего класса с городскими средними слоями.

Наиболее крупным успехом в этом направлении явилось создание в январе 1927 г. так называемого Рабоче-крестьянского блока, который поставил своей центральной задачей участие в муниципальных выборах с целью использовать парламентские формы «борьбы с плутократией и империализмом»²². 6—7 ноября 1929 г. в Рио-де-Жанейро состоялся первый конгресс Рабоче-крестьянского блока, в котором приняли участие 44 организации из разных штатов. Большинство составляли профсоюзы, молодежные группы, политические комитеты, клубы Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. Руководящие позиции в блоке занимали коммунисты, которые стремились с помощью этой легальной демократической организации укрепить свои связи с массами.

Название блока не совсем точно отражало его социальный состав. По сути дела, речь шла о союзе рабочего класса со средними городскими слоями, а не с крестьянством. «Рабоче-крестьянский блок,— указывалось в резолюции его Первого конгресса,— является организацией единого фронта трудящихся масс под руководством сознательного авангарда промышленного пролетариата. Цель Рабоче-крестьянского блока — борьба за завоевание политической власти и создание правительства трудящихся»²³.

Руководство блока исходило при этом из предпосылки, что «бразильское общество разделено на два враждебных класса: пролетариат и буржуазию». К пролетариату были отнесены рабочие, служащие, крестьяне, солдаты, кулаки, т. е. практически все эксплуатируемые. Под буржуазией, кроме капиталистов, подразумевались также помещики, высшие чиновники и «вообще богатые». С этих позиций и следует понимать лозунг Рабоче-крестьянского блока о том, что он «проводит политику пролетариата против класса буржуазии». На самом деле речь шла о борьбе против всевластия кофейной буржуазно-помещичьей олигархии.

В своих документах Рабоче-крестьянский блок выступал «в поддержку борьбы солдат и моряков против нынешнего наступления капиталистов», в частности за введение избирательного права для военнослужащих, повышение их жалования и т. д. Важно подчеркнуть, что в программе Рабоче-крестьянского блока говорилось о необходимости защиты интересов «среднего класса», в том числе его права на мелкую собственность. Признавалась также заинтересованность пролетариата в союзе с городскими средними слоями, причем подчеркивалось, что «главная борьба пролетариата направлена против класса капиталистов».

Рабоче-крестьянский блок выдвигал широкую аграрную программу демократических преобразований с целью ликвидации латифундизма, призывал народ к борьбе «за аграрную и антиимпериалистическую, демократическую и мелкобуржуазную революцию, которая явится прелюдией пролетарской революции, руководимой коммунистической партией». Коммунисты, стоявшие у руководства блока, отбросили прежние нигилистические оценки тенентизма и подчеркнули важность «параллельных действий пролетариата и среднего класса против общего

прага при гегемонии пролетариата... Блок поддерживает восстания в форте Копакабана и Сан-Паулу, действия колонны Престеса. Поддерживает аграрную и антиимпериалистическую революцию. Борется за гегемонию пролетариата в этой революции»²⁴.

Таким образом, создание Рабоче-крестьянского блока явилось первым шагом по объединению левых сил. Его деятельность в основном развивалась в рамках политической пропаганды среди трудящихся крупных городов.

В феврале 1927 г. кандидаты Рабоче-крестьянского блока, выдвинутые в Национальный конгресс, собрали более 7 тыс. голосов. По инициативе коммунистов, среди рабочих было сделано 232 политических доклада, распространены тысячи экземпляров листовок Рабоче-крестьянского блока и т. д. Идеологическое влияние коммунистов в массах особенно заметно возросло в Рио-де-Жанейро, где два кандидата Рабоче-крестьянского блока (О. Брандао — член ЦК БКП и Минервино де Оливейра — рабочий) были избраны в октябре 1928 г. в столичный муниципальный совет. Политические выступления рабочих депутатов сыграли важную роль в разоблачении реакционной сущности олигархии, способствовали росту революционного сознания трудящихся.

Деятельность компартии, Рабоче-крестьянского блока, прогрессивных профсоюзов, создавших в 1929 г. Национальную федерацию, органически вливались в общий ход революционного движения 20-х годов. Особенностью этого периода было то, что его участники не смогли установить между собой боевого единства; недоверие и враждебность между различными антиолигархическими силами принимали в отдельные моменты очень острые формы. В результате этого революционное движение 20-х годов не увенчалось успехом. Однако его историческое значение было огромно. Усилиями рабочего класса, революционного тенентизма, городских средних слоев, крестьян устойчивого олигархического режима были серьезно подточены. Центральное правительство В. Луиса потеряло всякое доверие народа. В стране быстро назревала революционная ситуация, которая в 1930 г. вылилась в открытую вооруженную схватку.

Глава III

1930 г. — ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ ИЛИ НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ?

Современные дискуссии о событиях 1930 г.

В новейшей истории Бразилии события 1930 г. занимают особое место. Социальные и политические перемены и, прежде всего, отстранение от власти кофейной олигархии, происшедшее в ходе острого политического и вооруженного конфликта 1930 г., открыли новый этап в истории страны. Буржуазно-националистические преобразования, проведенные в последующие годы, ознаменовали превращение Бразилии в современное капиталистическое государство.

Все исследователи так или иначе связывают качественные изменения в социальной структуре власти, буржуазно-националистические преобразования в экономике, общий сдвиг в развитии бразильского общества именно с событиями 1930 г. Однако это не исключает разноречивых оценок конкретного хода борьбы, форм и характера движения 1930 г., роли отдельных классов.

Существуют три противоположных взгляда на события 1930 г. Точка зрения, высказанная в ходе самой борьбы идеологами буржуазно-либерального блока, сводится к тому, что в Бразилии имела место глубокая, подлинно национальная, социальная революция, в корне перестроившая старую республику и решительно разбившая власть и могущество кофейной олигархии.

Эта концепция была впервые аргументирована в мемуарах одного из буржуазных лидеров движения 1930 г. — Виржилио Аффранио де Мелло Франко — в начале 1931 г. В предисловии к этим мемуарам Освалдо Аранья — главный идеолог и организатор либерально-буржуазного крыла — сравнивал антиолигархическое движение 1930 г. с борьбой «за независимость, за освобождение рабов и установление республики»¹. Вожди буржуазно-либеральных кругов — Ж. Варгас, Ф. да Кунья, Ж. Невес да Фонтоура и др. — с первых же дней борьбы

на власть стали широко пропагандировать идею о том, что речь идет не о верхушечном государственном перевороте, а о глубокой общенациональной революции, призванной осуществить не частичные, а радикальные преобразования общества. В исторической литературе сторонники этой точки зрения часто используют термин «либеральная революция», поскольку во главе движения стоял буржуазно-оппозиционный блок, именовавший себя Либеральным альянсом. Известный бразильский прогрессивный политический деятель и историк Абгуар Бастос называет события 1930 г. «либеральной, республиканской, антиолигархической и антиплутократической революцией»².

Буржуазные историки предпочитают при оценке 1930 г. акцентировать главное внимание на роли Жетулио Варгаса, являвшегося официальным вождем либералов. К. Левенштейн считает, что Ж. Варгас «победил душу простого человека» и «был в целом исключительно популярен среди трудящихся масс»³. Г. А. Филлипс договаривается даже до того, что якобы «народ единодушно восстал в защиту своего диктатора против самого себя»⁴. Подобные восторженные высказывания можно найти у многих буржуазных авторов.

Однако часть исследователей рассматривает движение 1930 г. как «крупную ошибку» и «печальную авантюру». По мнению Аффонсо Энрикеса, автора трехтомного труда «Подъем и падение Жетулио Варгаса», в 1930 г. закончилась эпоха «умиротворения и порядка», вся власть стала принадлежать «одному человеку, причем человеку, не способному к управлению»⁵.

Но даже те, кто негативно оценивает последствия 1930 г., признают, что в антиолигархическом движении участвовали широкие слои населения.

Выступая как против нигилистического охаивания и приречения движения 1930 г., так и против неумеренной, неоправданной идеализации «либеральной революции», и особенно фигуры самого Ж. Варгаса, исследователи-марксисты не могут, разумеется, игнорировать того обстоятельства, что в вооруженном движении 1930 г. народные массы приняли действительно активное участие на стороне Либерального альянса. Бразильский марксист Р. Фако в своей книге «Бразилия XX столетия», вышедшей в 1960 г., прямо пишет: «В 1930 г. началось воору-

женное движение, которое пользовалось беспорной поддержкой масс»⁶.

Аналогичный вывод, впервые еще в 1934 г., был сделан в документах Коммунистического Интернационала, в которых подчеркивалось, что Либеральному альянсу удалось «овладеть властью путем использования стихийного революционного массового движения»⁷.

К сожалению, вопрос о степени и роли участия масс в движении 1930 г. в марксистской литературе не получил должного освещения. Более того, утвердилось мнение о том, что никакого массового движения в 1930 г. вообще не было, а произошел весьма ординарный государственный переворот верхушечного типа.

Следует признать, что и автор данной работы долгое время придерживался этой точки зрения. В соответствующем разделе «Очерков истории Бразилии», вышедших еще в 1962 г., события 1930 г. характеризовались им как государственный переворот, вооруженный конфликт между враждующими буржуазно-помещичьими группировками. Правда, уже тогда отмечалось, что этот конфликт проходил «на фоне развивавшегося одновременно с ним массового стихийного движения против помещичьей диктатуры»⁸. Эта оговорка, однако, носила несколько формальный характер.

В книге «История бразильского пролетариата», изданной в 1968 г., автором была сделана попытка уточнить точку зрения по этой важной проблеме, определить реальное участие пролетариата и непролетарских слоев трудящихся в борьбе против олигархии в 1930 г. Однако тогда не удалось все же определить ту границу, тот уровень, который характеризовал участие масс в «либеральной революции».

Дискуссии о событиях 1930 г. продолжают до сих пор. В современной литературе встречаются самые различные мнения. Одни авторы делают упор на том, что в 1930 г. развернулась схватка за власть между соперничающими олигархическими группировками. Другие видят главное в том, что по форме движение было похоже с государственным переворотом. Третьи абсолютизируют народный характер движения. Четвертые вообще отрицают сам факт участия масс в вооруженной борьбе. Особенно жаркие споры идут вокруг вопроса о социальном характере движения 1930 г., о том, можно ли назвать

вооруженное движение против кофейной олигархии революционным. И если так, то как определить его содержание, движущие силы и цели? Все эти вопросы носят не схоластический характер, а имеют важное значение для выработки общей марксистской концепции новейшей истории Бразилии.

Чтобы разобраться в существе дела, следует учесть, что движение 1930 г. было сложным и многообразным явлением, в котором причудливо переплелись самые различные элементы и факторы: борьба буржуазно-помещичьих блоков между собой, движение масс против господства кофейной олигархии и английского империализма, использование методов государственного верхушечного переворота Либеральным альянсом, активные вооруженные действия мелкобуржуазного офицерства — тенептистов, выступления пролетариата, борьба крестьян и т. д. Именно сочетание самых различных и часто противоречивых факторов характеризует в целом это движение. Оно, таким образом, не сводится ни к деятельности Либерального альянса, ни к соперничеству враждующих олигархических кланов, ни к борьбе масс, а включает в себя и то, и другое, и третье.

При одностороннем взгляде на события 1930 г. можно легко прийти к противоположным выводам и оценкам. Отсюда и такой разноречивость во мнениях, причем разные авторы в общем правильно подмечают те или иные явления. Однако единственно правильным является не рассмотрение отдельных сторон движения 1930 г., а анализ этого сложного политического явления во всей его диалектической цельности. Для этого необходимо, хотя бы кратко, осветить ход событий.

Либеральный альянс

Экономический кризис, разразившийся в 1929 г., с полной очевидностью и драматизмом обнажил всю отсталость и гнилость социально-экономической и политической структуры Бразилии, ее зависимость от иностранного капитала. В то же самое время кризис привел к резкому обострению классовых и политических противоречий общества, вставшего перед острой необходимостью радикальных перемен.

Особенно губительным для страны оказался кризис кофе. Перепроизводство этого главного экспортного продукта стало ощущаться еще в середине 20-х годов. «Излишки» кофе достигли к 1930 г. 23 млн. мешков (по 60 кг)⁹. Чтобы поддержать цены, плантаторы прибегли к варварскому уничтожению первосортного кофе: его сжигали, топили в море, пускали на удобрения, делали асфальт и т. д.

Аграрный кризис немедленно оказал свое влияние на промышленность. Первыми пострадали мелкие и средние предприниматели. Объем производства (по стоимости продукции) за один год сократился на треть, многие фабрики закрылись¹⁰.

Кризис с чрезвычайной силой обострил социальные противоречия. Для пролетариата главную опасность представляла безработица, охватившая 1,5 млн. человек¹¹. Президент В. Луис цинично заявил, что все безработные — «это люди просто ленивые, которые не работают лишь потому, что сами не хотят»¹². Одновременно с ростом безработицы произошло резкое падение заработной платы (в среднем на 30—40%). Тысячи семей буквально умирали от голода. Директор Национального департамента общественного здравоохранения Белизарио Пенна вынужден был признать: «30 миллионов людей не имеют почти никакой собственности, они постепенно умирают от голода, сифилиса и лихорадки»¹³.

Накануне кризиса ведущую роль в экономической и политической жизни страны играла буржуазно-аграрная олигархия штатов Сан-Паулу и Минас-Жерайс, могущество которых определялось, во-первых, их монополией на производство кофе (83% общего сбора), и, во-вторых, постоянной поддержкой английского капитала. С началом кризиса сила олигархии была впервые основательно подорвана.

В этих условиях буржуазно-помещичьи круги, не связанные непосредственно с производством кофе, и, особенно, окрепшие слои промышленной буржуазии, попытались использовать выгодный момент, чтобы захватить власть в свои руки.

Первоначально борьба между двумя соперничающими блоками развернулась в связи с подготовкой к президентским выборам, назначенным на 1 марта 1930 г. Правящая группировка, нарушая свое соглашение с олигархией

штата Минас-Жерайс, намеревалась вторично провести своего личного ставленника на пост президента. «Вероломное» поведение «паулистов» вызвало крайнее раздражение правящей группировки штата Минас-Жерайс, губернатор которого Антонио Карлос де Андрада намерялся сам занять президентское кресло. В качестве переходного этапа к достижению этой цели Антонио Карлос решил блокироваться с буржуазно-помещичьими кругами скотоводческого штата Риу-Гранди-ду-Сул. В июне 1929 г. «минейрас» и «гаушо» заключили тайное соглашение о союзе. Была достигнута договоренность о том, что, в зависимости от обстоятельств, либо Антонио Карлос, либо Жетулио Варгас, бывший в 1928—1929 гг. губернатором штата Риу-Гранди-ду-Сул, будут выдвинуты на пост президента от оппозиционных сил. Спустя месяц в своем письме к президенту В. Луису от 20 июля 1929 г. губернатор Антонио Карлос официально известил его о том, что на пост президента оппозиционный блок выдвинет кандидатуру «гаушо» Жетулио Варгаса, с тем чтобы «избежать серьезных нарушений нормальной жизни страны»¹⁴. Этот шаг являлся вынужденным. Сам Антонио Карлос был известен как отъявленный реакционер и не мог поэтому претендовать на ореол «либерала» и «демократа».

Имя Жетулио Варгаса не было широко известно, хотя одно время он занимал пост министра финансов в правительстве В. Луиса, а затем в течение года был губернатором своего родного штата Риу-Гранди-ду-Сул. По сговору высших политических кругов «минейрас» и «гаушо», неожиданно для себя Варгас стал кандидатом на пост президента от оппозиции. Варгас всеми силами старался держаться в тени, не желая навлекать на себя гнев президента. В своем письме к В. Луису от 11 июля 1929 г. он писал: «Я никогда не претендовал на высший пост. В своих прежних письмах к вашему превосходительству я выражал свое искреннее намерение поддержать любую инициативу вашего превосходительства, но как член своей партии (точнее: персоналистской политической группировки — Республиканской партии штата Риу-Гранди-ду-Сул — во главе с Боржесом де Медейрос. — *Б. К.*) я вынужден подчиняться всем ее решениям, а также приказу моего шефа». В конце своего письма Ж. Варгас заявлял, что он надеется на продолжение с президентом

В. Луйсом «самых дружеских отношений». «Мое имя не станет для вашего превосходительства препятствием на пути осуществления преемственности президентской власти»¹⁵.

Как свидетельствует один из организаторов Либерального альянса Жоао Невес да Фонтоура (именно он подписал от имени «гаушо» секретный договор с Антонио Карлосом), Варгас долгое время опасался ввязываться в борьбу за власть, «отвергал Либеральный альянс», проявлял «политическую трусливость» и «был готов капитулировать»¹⁶. Правящая элита Риу-Гранди-ду-Сул как бы вытолкнула на поверхность этого «ставленника латифундистов и крупных капиталистов, связанных с империализмом США»¹⁷.

В обстановке «политического невроза», как удачно определил ситуацию Жоао Невес да Фонтоура, даже такой честолюбивый политикан, как Антонио Карлос, вынужден был поддерживать Ж. Варгаса, хотя, по словам самого губернатора «минейрас», «его вовсе не восхищали ни личные качества, ни политическая линия Варгаса»¹⁸. Антонио Карлос тем не менее считал, что «главная цель — примирить граждан с властью, национализировать правительство»¹⁹.

С этой целью и был заключен секретный пакт между «минейрас» и «гаушо», положивший начало Либеральному альянсу. Первоначально в его поддержку высказалось 70 депутатов Национального конгресса, затем их число выросло. 3 августа 1929 г. был официально учрежден Либеральный альянс — предвыборный политический блок буржуазно-помещичьих кругов штатов Минас-Жераиса, Риу-Гранди-ду-Сул и Парайбы. Постепенно к нему примкнули и другие группировки, выступавшие против переизбрания на пост президента ставленника кофейной олигархии Сан-Паулу.

В расчеты буржуазных политиканов — Антонио Карлоса, Боржеса де Медейроса, Освалдо Араньи, Жоао Невеса да Фонтоура, Жетулио Варгаса и др. — не входило развертывание социальной активности масс. Более того, по словам Антонио Карлоса, главная задача состояла в том, чтобы отстранить кофейную олигархию от власти прежде, чем это сделает народ, и тем «помешать ему совершить революцию, которая положит конец нашему господству вообще»²⁰.

В письме от 12 августа 1929 г. один из идеологов Либерального альянса Линдолфо Коллор писал Ж. Варгасу, что его волнует не то, что неизбежна борьба, а то, что, поскольку борьба против старой власти назрела и ее жаждет весь народ, встает вопрос, «кто воспользуется плодами победы — ты или Луис Карлос Престес, либералы или экстремисты... Вторая перспектива была бы наиболее ужасна»²¹. Л. Коллор считал недостаточным ограничиться созданием предвыборного блока. Он настаивал на образовании массовой либеральной партии, которая бы взяла политическое руководство страной в свои руки. Однако руководители альянса скептически отнеслись к идее Л. Коллора, полагая, что «трудно образовать партию на основе противоречивых и враждующих группировок». Их волновал другой вопрос — где достать деньги для организации предвыборной борьбы. В одном из своих писем Ж. Варгас писал о том, что надо найти «верного посредника, лично связанного с торговцами и банкирами, который мог бы договориться о финансовой помощи с полной гарантией тайны», чтобы не потревожить публику и не дать повод для нападок противников²².

С целью обеспечить поддержку армии и городских средних слоев либералы установили контакты с руководителями тенентистского движения. Большинство тенентистов охотно вступили в союз с либералами. Упоенные своей популярностью, они ждали событий, которые открыли бы им доступ к политической власти. В итоге между мелкобуржуазным офицерством и либерально-буржуазными кругами сложился политический союз.

Луис Карлос Престес вначале также считал возможным союз с либералами, но затем выступил резко против контактов с ними, полагая, что «если тенентисты, не будучи самостоятельной организованной политической силой (а они ею действительно не были), войдут в правительство Варгаса, то это будет капитуляцией перед господствующими классами, дискредитирует их в глазах бразильского народа»²³. Это предостережение не было услышано. Тенентисты во главе с Мигелом Костой и Жуаресом Тавора вступили в коалицию с Ж. Варгасом, поддержав программу либералов, которая была официально обнародована в сентябре 1929 г.

Ж. Варгас обещал в случае победы на выборах объявить политическую амнистию, защищать «свободу мысли»,

расширить избирательные права трудящихся, реорганизовать систему социального законодательства и просвещения. Главное внимание Ж. Варгас уделил социальным вопросам — и, особенно, необходимости выработки трудового законодательства в интересах «классового спокойствия». Много обещаний было сделано и «славной армии», играющей «столь важную роль в жизни нации и государства». Наряду с этим, он обещал улучшить работу госаппарата, приостановить рост цен на товары первой необходимости, развивать экономику, чтобы «производить больше и дешевле». Без смущения Ж. Варгас объявил себя «кандидатом, которого выдвинул бразильский народ»²⁴.

Предвыборная программа либералов была весьма ограничена, она касалась исключительно вопросов политического усовершенствования общества. Главные вопросы экономического характера — структура землевладения и зависимость от иностранного империализма — Варгасом даже не упоминались. И тем не менее даже курые предложения либералов вызвали всеобщую поддержку. Особенно с большим восторгом их восприняли городские средние слои — мелкая буржуазия, интеллигенция, студенчество.

Средние слои (более многочисленные, чем пролетариат) стремились оттеснить олигархию от власти, с помощью либеральной политики смягчить социальные противоречия и укрепить свои позиции в обществе, защититься от ударов экономического кризиса.

Призывы Варгаса приобрели всеобщую популярность ввиду того, что в стране к этому времени со всей очевидностью обнажился глубокий политический кризис олигархической власти. Старый государственный аппарат, перегрызшиеся между собой политические региональные группировки, застой в экономике, неспособность олигархии управлять страной — все это говорило о глубоком кризисе «верхов». Широкие слои народа, прежде всего пролетариат и городские средние слои, а также либеральная буржуазия требовали перемен, продвижения вперед. В этом смысле можно говорить о назревании кризиса «пизов». Страна быстро приближалась к революционной ситуации. Причем характерно, что на первом этапе ближайшие интересы всех антиолигархических сил совпадали. Буржуазия, естественно, стремилась не допустить выхода революционной энергии масс на поверхность. В то же время Ж. Варгас и

другие лидеры Либерального альянса стремились опереться на массовую поддержку, привлечь народ с помощью тенентистов на свою сторону. И это им в значительной степени удалось. Однако неизбежным следствием такой политики стало то, что Либеральный альянс превратился в своеобразного выразителя интересов широкого по социальному составу антиолигархического движения. Мелкобуржуазное офицерство наполнило верхушечное движение Либерального альянса более глубоким социальным содержанием, создало ему массовую базу в лице антиолигархического движения средних слоев города, буржуазных элементов, части рабочих, крестьян, интеллигенции, студенчества.

Лозунг, выдвинутый тенентистами: «С Жетулио к урам! Если на выборах не победим, вместе с Луисом Карлосом Престесом возьмемся за оружие!», — приобрел широкую популярность. Буржуазные либералы хотели, конечно, ограничиться первой частью лозунга, рассчитывая на мирную победу. Однако события развернулись иначе.

Предвыборная борьба накалялась с каждым днем. Казалось, большинство поддержит на выборах Ж. Варгаса, но подсчет голосов показал, что 1 марта 1930 г. за него было подано на 200 тыс. бюллетеней меньше, чем за кандидата кофейной олигархии — «паулиста» Ж. Престеса. Либералы объявили результаты подтасованными.

Вскоре по инициативе тенентистов, активность которых превзошла все расчеты буржуазных политиканов, началась энергичная подготовка к вооруженной борьбе за власть. Был создан специальный военный штаб во главе с полковником Гойесом Монтейро. В сентябре 1930 г. обстановка в стране настолько накалилась, что возникла опасность самостоятельного выступления масс. В ряде городов прошли антиправительственные демонстрации. В Сан-Паулу вспыхнула схватка между студентами и полицией. Острая критика по адресу правительства развернулась в конгрессе. В этих условиях 25 сентября руководство Либерального альянса приняло решение о начале вооруженной борьбы за власть.

Война с олигархией

Развитие антиолигархического движения рано или поздно должно было привести к вооруженному столкновению. Еще в октябре 1929 г., задолго до президентских выборов, лидер бразильских социалистов Маурисио де Ласерда с убежденностью заявлял о неизбежности массового выступления и отстранении реакционных сил от власти. «Революция, к которой мы стремимся, — говорил он, — будет осуществлена с Жетулио или без Жетулио, с его помощью или против него, поскольку исторически она неизбежна ввиду существования экономической несправедливости и политического террора. Ее цель — покончить с господством международной плутократии. Мы хотим нового общества в новой Бразилии, а для этого надо разрушить старую машину угнетения»²⁵.

Идея о революционном низвержении старой власти была столь популярна, что кое-где начались стихийные вооруженные выступления. В обстановке предреволюционной ситуации, опасаясь потерять свой политический престиж в массах, тенентисты подтолкнули буржуазно-либеральную группировку Варгаса к более активным действиям. По существу, это был вынужденный шаг, ибо массы фактически уже пришли в движение. С конца 1929 г. стало быстро нарастать забастовочное движение; на юге и северо-востоке страны все чаще вспыхивали крестьянские волнения; некоторые плантаторы в страхе покинули свои поместья. Открытое недовольство выражало студенчество, интеллигенция. Началось брожение в армии.

Жетулио Варгас силой обстоятельств должен был сыграть роль идейного руководителя движения. К этой роли он не был готов, но на помощь пришел верный Освальдо Аранья, который помог новоиспеченному вождю составить программное заявление. 4 октября Варгас обратился к народу, призвав «всех сынов Бразилии стать солдатами великого дела». Выборы 1 марта, по его словам, оказались «сплошным фарсом», насилие со стороны правительства помешало избирателям свободно выразить свою волю. «Моральный хаос, экономическая дезорганизация, финансовая анархия, маразм и загнивание, фаворитизм, нарушение законности, смерть представительной демократии» — вот, по словам Ж. Варгаса, что делает неизбежной народную революцию против виновника всех этих бед —

олигархии. Ради «национального возрождения», «восстановления мира, гармонии и социального равновесия в рамках закона» Либеральный альянс в союзе с тенентистами «вынужден прибегнуть к силе оружия и призвать к борьбе всех патриотов»²⁶.

В октябрьские дни 1930 г. было нелегко понять, что лидеры движения стремились таким путем предотвратить развитие революционных массовых выступлений, свести дело к верхушечному государственному перевороту. Лишь немногие сумели распознать подлинный смысл политики либералов. Так, Л. К. Престес еще в марте 1930 г. указывал на опасность того, что буржуазно-помещичья оппозиция пытается организовать «превентивную контрреволюцию против массового движения»²⁷. На эту тенденцию указывал Престес и в своем майском манифесте 1930 г., подчеркивая, что «господствующее меньшинство может быть сметено только действительно всеобщим восстанием самых широких масс города и деревни»²⁸.

Новая политическая установка Л. К. Престеса во многом совпадала с курсом Бразильской коммунистической партии. Еще в конце 1929 г. представители ЦК БКП встретились в Буэнос-Айресе с Луисом Карлосом Престесом, предложив ему дать согласие баллотироваться на пост президента по списку БКП. Как вспоминает Л. К. Престес, он «не мог принять этого предложения, хотя и был согласен с предвыборной программой партии, потому что чувствовал себя связанным моральными обязательствами по отношению к тенентистам, еще не терял надежды привлечь их на революционные позиции, доказать им, что победа Варгаса не изменит к лучшему положение народа, не освободит страну от империалистического гнета...»²⁹.

Однако подавляющее большинство тенентистов — Ж. Тавора, Ж. Алберто, М. Коста и др. — сознательно перешло на сторону Ж. Варгаса, опасаясь революционной активности масс. Они полагали, что в борьбе против олигархии допустимы насильственные действия, но, как и прежде, думали, что для этого «достаточно сил одной армии», «ибо массы способны внести в движение лишь беспорядок и анархию». По словам Ж. Тавора, народу вообще не хватает «внутренней спайки, инициативы, смелости и, особенно, военной подготовки». В условиях Бразилии, утверждал Тавора, «нужен абсолютный диктатор, ибо

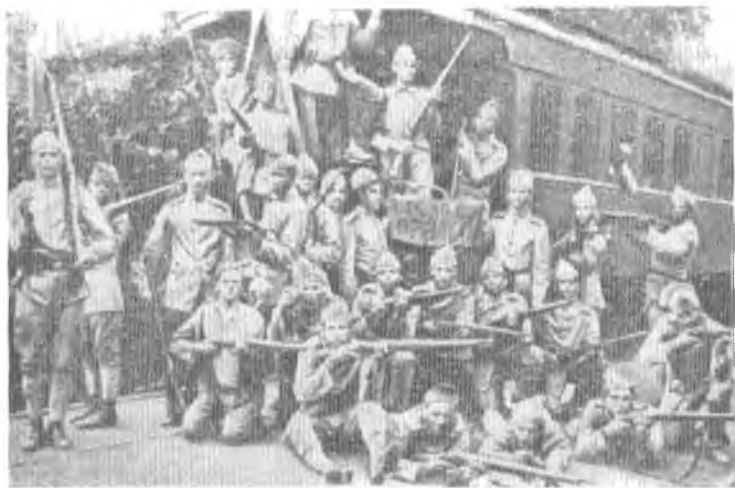
только он может навести в стране революционный порядок и дисциплину»³⁰.

Таким образом, тенентисты, вступив в союз с буржуазными либералами, особенно настойчиво стремились к вооруженным действиям, рассчитывая при этом удерживать под своим контролем инициативу масс, не допустить их самостоятельного вмешательства в большую политику. Некоторые руководящие деятели Либерального альянса — О. Аранья, Ж. Невес де Фонтoura, Ф. да Кунья — склонялись к тому, чтобы принять план тенентистов. Однако старые лидеры — Антонио Карлос, Боржес де Медейрос — опасались, что вооруженная схватка пробудит неуправляемую энергию «низов», что было бы, по словам Боржеса, «самым страшным преступлением против родины»³¹.

Вопреки предупреждениям умудренных политиков и колебаниям самого Ж. Варгаса тенентисты взяли инициативу в свои руки. 3 октября в 5 часов 30 минут утра в разных районах страны одновременно начались военные действия. В штате Риу-Гранди-ду-Сул мятежники быстро овладели арсеналом и стратегическими пунктами в столице г. Порту-Алегри. В ходе боев погибло 20 человек. Общее руководство движением осуществлял здесь Освалдо Аранья. В штате Санта-Катарина части под командованием Мигела Косты вступили в тяжелые бои с правительственными войсками. Ситуация осложнилась в связи с тем, что 5 октября президент В. Луис подписал приказ о мобилизации резервистов, а 9 октября обратился с призывом к народу поддержать устои «нормального конституционного режима». Это обращение посеяло некоторое замешательство среди масс, однако подавляющее большинство продолжало сочувствовать мятежникам. На помощь частям Мигела Косты был выслан полк «гаушо» численностью до 2,8 тыс. солдат.

В штате Минас-Жерайс военными действиями антиправительственных частей командовал Кристиано Машадо. В столице штата, городе Белу-Оризонти, бои носили особенно тяжелый характер. В ходе сражений тенентисты потеряли 16 человек убитыми, несколько десятков были ранены.

На северо-востоке 22-й пехотный батальон под командованием Жуареса Тавора овладел столицей штата Пернамбуку городом Ресифи (в боях погибло 35 человек). В штате Параиба власть взяли в свои руки войска под

Солдаты — участники вооруженного движения 1930 г.

командованием Жураси Магальяеша. В штате Сеара после трех-четырех дней боев войска Либерального альянса также одержали полную победу. Повсюду воинские гарнизоны переходили на сторону революции. Все попытки правительства добиться перелома были безуспешны.

Спустя 10—12 дней после начала военных действий подавляющая часть территории страны вышла из-под контроля центрального правительства. 9 октября Ж. Варгас после нескольких дней беспокойного ожидания решил, наконец, и сам выйти на сцену. Он принял верховное командование движением, надел военную форму и всерьез почувствовал себя настоящим полководцем. По совету О. Араньи он решился даже совершить инспекционную поездку по занятым войсками либералов районам. Повсюду новоявленный вождь встретил поддержку и ликование масс.

Вскоре он наловчился произносить зажигательные речи, патетически восклицать о революции, пароде, олигархии. Все это производило немалое впечатление на возбужденные массы. Популярность Ж. Варгаса росла с головокружительной быстротой. Цветы, знамена, возгласы «ура!» сопровождали его на всем пути. Пока «вождь революции»

произносил речи и «говорил с народом», вооруженная борьба за власть продолжалась. Кто-то стрелял, падал убитым, проливал свою кровь за Жетулио Варгаса, который, не рискуя ничем, с удовольствием принимал почести и признание публики. Он почти не интересовался вопросами военных действий, которые планировали за него другие. Фактически почти ничего не делая, Ж. Варгас, тем не менее, быстро шел к славе и власти, влекомый в нужном направлении законами политической борьбы.

Тем временем с юга к границам сопротивляющегося штата Сан-Паулу подошли воинские части во главе с Ж. Алберто и О. Аранья. С севера к столице подходила колонна под командованием Ж. Тавора. Дни старой власти были сочтены.

Немалую помощь Либеральному альянсу оказали монополии и правительство США, которые надеялись с помощью либералов вытеснить из бразильской экономики английский капитал. С самого начала военных действий госдепартамент объявил запрет на продажу и доставку оружия правительству В. Луиса. В то же время частные фирмы нелегально продали большую партию оружия и боеприпасов инсургентам.

Главной причиной триумфального шествия войск Либерального альянса являлись, конечно, не помощь США и даже не героизм тенентистов или тактические просчеты правящей олигархии, а то, что против нее выступил бразильский народ. Движение, развернувшееся в стране, выражало интересы не только и не столько оппозиционных слоев буржуазии, сколько широких масс народа, которые не хотели больше жить «по-старому», терпеть засилье реакционной кофейной олигархии и английских банкиров. Участие народных масс в движении 1930 г. привело к тому, что оно вышло по своей форме и движущим силам за рамки верхушечного переворота. По меткому замечанию Жозе Онорियो Родригеса, намечавшаяся либералами верхушечная «реформа переросла в революцию»³².

Факты свидетельствуют о том, что массы сыграли главную роль в боях с олигархией. В городах Порту-Алегри, Итаки (штат Риу-Гранди-ду-Сул), Ресифи (штат Пернамбуку), Белу-Оризонти (штат Минас-Жерайс), Жоао-Нейва (штат Эспириту-Санту) гражданское население примкнуло к войскам либералов. Многие раздобыли оружие и сражались в боях против правительственных ча-

стей. В городе Сан-Паулу 25 октября городские низы с оружием в руках овладели тюрьмой Камбуси, освободили всех политических заключенных. Всюду проходили антиправительственные демонстрации. В ряде городов завязались баррикадные бои. Часто еще до прихода войск Либерального альянса народ фактически сметал старую власть. Дело даже не столько в конкретных выступлениях масс против олигархии, сколько в росте общественной активности народа, революционных настроений. С этим фактором уже нельзя было не считаться.

В условиях нарастающей активности «низов» высший генералитет, продолжавший поддерживать старый режим, опасаясь, по признанию генерала Тассо Фрагосо, «повсеместного роста возбуждения», «национальной революции невиданного прежде масштаба»³³, принял решение ускорить события и свести все дело к дворцовому перевороту.

23 октября в Рио-де-Жанейро против центрального правительства по приказу командующего гарнизоном выступил форт Копакабана и 3-й пехотный полк. К ним вскоре присоединился ряд других частей гарнизона. Группа высших генералов предъявила растерянному президенту В. Луису ультиматум о немедленной отставке. Требование поддержал кардинал Леме, по мнению которого, в создавшемся положении это был единственный выход, который бы «умиротворил народ». В. Луису ничего не оставалось делать, кроме как последовать совету кардинала.

Власть в Рио-де-Жанейро 24 октября без какого-либо сопротивления взяла в свои руки военная хунта во главе с генералом Тассо Фрагосо. «Во второй половине дня, — пишет Аффонсо Энрикес, — в Рио-де-Жанейро стихийно начался карнавал... Это была своеобразная форма ликования народа по поводу достигнутой победы»³⁴. Толпы экзальтированных людей подожгли здания правительственных газет. Военная хунта попыталась было противопоставить себя войскам Либерального альянса, выдвинув идею о том, что отставка президента открывает путь к «умиротворению». Фактически хунта призвала прекратить все вооруженные действия и признать ее власть. Однако все попытки хунты стабилизировать положение оказались тщетны.

Жуарес Тавора от имени «революционных войск» либералов заявил, что никто не признает руководителями

новой власти генералов, которые примкнули к движению лишь накануне его победы. 27 октября в Рио-де-Жанейро прибыл О. Аранья, который потребовал немедленной передачи власти Ж. Варгасу. Военная хунта вынуждена была заявить о своей готовности немедленно выполнить все условия Либерального альянса. Спустя три дня в столицу прибыл «верховный вождь революции» Ж. Варгас, которому 3 ноября 1930 г., спустя ровно месяц после начала вооруженных действий, были торжественно переданы полномочия высшей государственной власти.

В своей речи Ж. Варгас в качестве главы Временного правительства охарактеризовал движение 1930 г. как «самую позитивную революцию, которую когда-либо знала Бразилия», как «самое жизненное волеизъявление бразильского народа — главного хозяина своей судьбы и верховного арбитра общественных целей». Он подчеркнул, что в борьбе участвовали гражданские лица, военные, «все социальные слои, как высшие, так и низшие», объединенные единым желанием «построить новую родину». Это было «поистине национальное движение»³⁵.

Смысл речи Варгаса сводился к тому, что революция на этом завершилась, что народ, наконец, имеет свое собственное правительство, а посему следует полностью подчиниться его указаниям и приказам. Демагогический характер подобного заявления налицо, но это вовсе не значит, что массы не были заинтересованы в победе над олигархией. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что именно народ сыграл главную роль в победе Либерального альянса. Это заставляет более подробно охарактеризовать движущие силы и социальный характер движения 1930 г.

Характер и значение движения 1930 г.

Вопрос о социальном характере и значении движения 1930 г. является одним из наиболее спорных. В недавно опубликованной книге «Политика в Бразилии. 1930—1964 гг.» американский историк Томас Э. Скидморе называет события 1930 г. «революцией элиты». В то же время он предлагает различать «революционеров» и «нереволуционных сторонников изменения власти». Под первыми Скидморе подразумевает тенентистов, стремившихся

«к радикальным переменам, а не к частичной либерализации режима». Ко вторым он относит «либеральных конституционалистов», «полуавторитарных националистов», чьим главным лозунгом был тезис о модернизации общества любыми путями вплоть до «недемократических».

Скидморе при этом сознательно исключает из числа «революционеров» какие-либо иные группы. Ни рабочий класс, ни профсоюзы, ни коммунисты, по его мнению, не играли какой-либо заметной роли в борьбе против старой власти³⁶. Делает он этот вывод на том основании, что коммунисты и Л. К. Престес отказались от политической поддержки Либерального альянса, а следовательно, вообще не имеют никакого отношения к революции 1930 г.

В отличие от Скидморе ряд буржуазных ученых, особенно бразильских, исходят из прямо противоположного тезиса, рассматривая движение 1930 г. не как «революцию элиты», а как широкое народное антиолигархическое движение, которое вылилось в «широкую гражданскую войну», «длительную и глубокую гражданскую войну»³⁷.

Какая же точка зрения ближе к истине? Какие социальные силы участвовали в движении и в какой мере они определяли его характер?

Особенность движения 1930 г., на наш взгляд, состояла в том, что в нем участвовали сразу несколько классов и социальных групп, объединенных общим стремлением свергнуть власть кофейной олигархии. Буржуазия и пролетариат, противоречия между которыми уже приобрели огромное значение, тем не менее совместно выступали против старой власти, хотя и по-разному. Либералы стремились всячески ограничить революционную инициативу масс, контролировать все их действия, чтобы избежать чреватой опасными последствиями революционной гражданской войны.

Бразильские коммунисты и левые тепептисты во главе с Л. К. Престесом, выступая против сотрудничества с Либеральным альянсом, наоборот, прилагали максимум усилий, чтобы пробудить энергию народа и «превратить войну буржуазно-помещичьих групп в народную гражданскую войну», а движение против кофейной олигархии — в «революционную борьбу классов»³⁸. Эта тенденция наложила свой заметный отпечаток на весь ход борьбы, придав движению революционные черты. Следует также

иметь в виду, что трудящиеся вели борьбу против олигархии не только в 1930 г., а в течение многих десятилетий. Иначе вела себя буржуазия, которая до 1930 г. фактически стояла в стороне от этой борьбы, выжидая выгодный момент, чтобы выхватить из рук народа победу. Такой момент и наступил в 1930 г., что побудило буржуазию активно вмешаться в ход политической борьбы.

Структура движения 1930 г. в результате такого стечения обстоятельств отличалась внутренней противоречивостью и большой сложностью. Так, по своей форме оно развивалось вначале как парламентское сопротивление, а на втором этапе вполне могло превратиться в обычный государственный переворот. Однако стихийно оно приобрело характер массового вооруженного движения, руководимого тенентистами. По масштабам движение на разных этапах было сначала узкоконспиративным, затем достаточно широким и, наконец, массовым.

Движущие силы его были весьма разнообразны. Буржуазия, помещики, мелкая буржуазия, рабочие, крестьяне, студенчество, интеллигенция — все в той или иной мере оказались втянутыми в политическую борьбу.

В этой борьбе самостоятельно и независимо от Либерального альянса участвовали также авангард пролетариата, руководимый коммунистами, и левые тенентисты во главе с Л. К. Престесом, создавшие в 1930 г. Лигу антиимпериалистического действия. Это было течение, противостоящее Либеральному альянсу, но боровшееся параллельно с ним против олигархии.

Либеральный альянс не был заинтересован в революционном преобразовании общества. Но все дело в том, что он действовал не в вакууме, испытывая нарастающее давление более радикальных участников движения. Как вспоминает Л. К. Престес, он и его товарищи стремились «изменить направление разворачивающейся в стране народной борьбы»³⁹, придать ей более глубокое социальное содержание. Сделать это не удалось, но движение в целом благодаря усилиям левых сил приобрело более массовый и наступательный характер, чем того хотели либералы. Именно поэтому Ж. Варгас и весь штаб Либерального альянса оказались в положении вождей, которые делают то, чего они никогда бы не сделали в нормальной обстановке. Иными словами, главной движущей силой антиолигархической войны в 1930 г. выступали широкие массы

трудящихся. Во главе движения стояли либерально-буржуазные и мелкобуржуазные элементы.

В. И. Ленин подчеркивал, что в критические моменты эксплуататорские классы вынуждены идти параллельно с движением масс, чтобы в удобное время «подкрасться к власти за спиной борющегося народа»⁴⁰. Именно такая ситуация и сложилась в Бразилии в 1930 г.

Встает вопрос о том, каково же было общественно-экономическое содержание движения 1930 г.? Ответ на этот вопрос дает не столько политическая платформа Либерального альянса, сколько все последующее развитие бразильского общества. Речь идет о движении буржуазно-демократического характера, которое отстранило от власти консервативную кофейную олигархию и открыло путь для ускоренного капиталистического развития.

Вооруженная борьба против господства буржуазно-помещичьей кофейной олигархии отличалась не только своей массовостью, но и весьма широким социальным составом участников. В исторической литературе такого рода движения часто именуются популистскими (от слова *populatio* — население). Иногда этот термин употребляется как синоним «народного движения», хотя между ними следует проводить разницу. Для популизма характерны не только поликлассовый состав участников движения, но также наличие буржуазно-реформистского руководства в лице популярного политического лидера.

Буржуазные социологи обычно переоценивают роль лидеров типа Варгаса, приписывая им исключительные качества. Немецкий социолог Макс Вебер еще в начале XX в. разработал целую концепцию о так называемом «харизматическом» лидерстве. Термин «харизма» (*charisma*) был заимствован им из раннехристианских произведений как символ некоего божественного дара, таланта к руководству широкими слоями населения, которые эмоционально возбуждены, но не организованы, и только благодаря «харизматическому» вождю способны подняться на борьбу. Веберовская концепция основывалась на признании надисторической роли «харизматического» лидера, способного якобы по своей прихоти и воле творить, если не постоянно, то хотя бы временно, любые чудеса.

В свое время блестящую отповедь подобному социологическому идеализму дал Г. В. Плеханов, с марксистских

позиций объяснивший подлинную роль выдающихся личностей в истории. Г. В. Плеханов писал: «Характер личности является „фактором“ общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения...»⁴¹

Буржуазные историки и социологи игнорируют эти условия, приписывая политическим лидерам чуть ли не сверхчеловеческие способности гипнотизировать массы и вести их за собой подобно вождю-мессии, прориццу.

Такая оценка часто встречается в западной литературе, посвященной Жетулио Варгасу. Бразильский историк Азеведо Амарал, например, приписывает ему «высшую силу политической интуиции»⁴². Это качество в сочетании с патриотизмом и честностью, о которых также много говорят придворные клеветы, создали вокруг Варгаса ореол супергения, суперруководителя.

Исходя из этого тезиса, буржуазные авторы извращают смысл массового антиолигархического движения 1930 г., приписывая главную роль Жетулио Варгасу, который якобы и поднял народ на борьбу. Массы, по их мнению, просто стремились подражать своему вождю, верили ему и шли за ним, ибо сами неспособны были выступить против кофейной олигархии.

Именно в этом смысле и употребляется в западной литературе термин «популизм». При этом характерно, что ему даются нарочито туманные и общие формулировки, которые не столько объясняют, сколько скрывают или извращают социальный смысл движения, подобного тому, которое имело место в 1930 г. в Бразилии.

В наиболее законченной форме характеристика популизма дана в трудах аргентинского социолога Торкуато С. Ди Телья, который считает его типичной формой «политического движения, опирающегося на поддержку масс городского пролетариата и крестьянства, но которое не является результатом действия автономной организованной силы каждого из них. Это движение пользуется поддержкой и непролетарских секторов, придерживающихся идеологии, направленной против сохранения статус-кво (anti-status quo ideology)»⁴³. Данный тип массовых движений, как считает Т. С. Телья, характерен только для слаборазвитых или «недостаточно образованных» районов и стран, как своего рода «революция растущих ожиданий».

Такова в самой общей форме буржуазная концепция «популизма».

Что в ней правильно, а что нет? Какова позиция марксистов по этому вопросу? Ответить на это непросто, так как сама проблема в марксистской историографии не разработана. С самого же начала возникает вопрос: есть ли вообще такое явление, как «популизм», а если есть, то как оно вписывается в общую канву социального развития и классовой борьбы?

Выступая против всякого рода антинаучных и спекулятивных мифов о «харизматическом» лидерстве и популизме, не следует впадать в противоположную ошибку и вообще отрицать существование популизма как формы массовой психологии, настроения и действия. Данное явление существует объективно и закономерно, его можно игнорировать, но от этого оно не исчезнет. Чтобы понять сущность популизма, определить его подлинную роль в общественном развитии Бразилии, следует исходить из марксистско-ленинской концепции развития классового общества.

Научно-материалистическая теория классов и классовой борьбы не ограничивает социальное развитие общества лишь сферой противоборства классов, а подразумевает возможность самых разнообразных форм массовых и поликлассовых движений. В. И. Ленин указывал, что «противопологать массы и классы можно, лишь противопоставляя громадное большинство вообще, не расчлененные по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства...»⁴⁴. Таким образом, «масса» и «класс» не отрицают друг друга, а означают лишь различные уровни и критерии общественного деления. Само «понятие массы», — писал В. И. Ленин, — изменяется в том смысле, что под ним разумеют большинство, и притом не простое лишь большинство рабочих, а большинство всех эксплуатируемых...»⁴⁵.

Марксизм-ленинизм научно обосновал, а практика подтвердила, что решающую роль в развитии общества играют именно эксплуатируемые массы, рассматриваемые во всей своей совокупности. Единственно действительной силой, вынуждающей социальные перемены, является лишь революционная энергия масс. Ф. Энгельс, оценивая движущие силы истории, писал, что «надо иметь в виду

ле столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы»⁴⁶.

Особое место среди многообразных массовых движений занимает популизм. В марксистской историографии этот термин применительно к Латинской Америке используется довольно часто, но делается это обычно как-то стыдливо, между прочим, нередко в иронических кавычках. Подразумевается при этом, что, вообще-то говоря, никакого популизма в действительности нет, все это хитрая выдумка буржуазных социологов.

Такой подход, на наш взгляд, не соответствует действительности. Популизм является реальным фактом и игнорировать его никак нельзя. Признание этого факта ни в малейшей степени не означает умаления роли классов и классовой борьбы, ибо популизм как раз и является специфической формой проявления этой борьбы. Нежелание признать популизм как закономерное явление, по-видимому, вызывается опасением допустить возможность примирения классов, союза эксплуатируемой массы с буржуазно-националистическими слоями, как это было в 1930 г. в Бразилии.

Такое опасение неправомерно, ибо известно много случаев, когда на том или ином этапе, в той или иной форме подобный союз существовал, хотя бы только временно. Да и сейчас в освободительном антиимпериалистическом движении соучаствуют самые различные классы и социальные слои, нередко даже антагонистические друг другу. И это никого не удивляет, ибо все понимают смысл такого союза, в котором объединяются самые различные социальные силы, совместно выступающие против реакции и империализма.

«Потребность в „человеческой“, культурной жизни, в объединении, в защите своего достоинства, своих прав человека и гражданина охватывает все и вся,— указывал В. И. Ленин,— объединяет все классы...»⁴⁷. Популизм как раз и является подобного рода объединением «всех и вся» против старой власти, старой жизни. Когда же речь заходит о новом устройстве жизни, это объединение тут же распадается и чаще всего вырождается в свою противоположность под влиянием буржуазно-националистического лидерства. Однако на определенных этапах социального

развития становится целесообразным объединение различных классов в борьбе против общего врага, вследствие чего между классами и социальными группами, которые разделены экономическим и идеологическим барьером, может возникнуть общее настроение и общее действие. Такая возможность становится неизбежной при определенной политической ситуации — ситуации, которая обычно именуется кризисной. Такое положение как раз и сложилось в Бразилии в 1930 г.

Популизм в научном понимании, вероятно, может рассматриваться как специфическая форма динамического группового настроения, поведения и действия. Эта форма групповой общности отличается своей массовостью в силу объективных социальных условий ее появления и развития. Она не отрицает, а предполагает наличие классов, слоев, малых групп, партий, с которыми имеет самые многообразные связи и контакты, находясь с ними в сложном взаимодействии.

Иными словами, популизм порождается не отсутствием классов, а определенной, общей для всех ситуаций и, как следствие этого, сходным психологическим состоянием самых различных групп, слоев различных классов. В этом совпадении кроется причина любых массовых движений вообще в отличие от движения отдельных классов. С другой стороны, этот же факт неизбежно порождает внутреннюю противоречивость и временность популизма, который, естественно, не приводит к гармонии классовых интересов.

А. Грамши отмечал наличие таких движений, которые, не будучи подлинно революционными, не являются и «целиком реакционными», имеют относительно прогрессивное значение, хотя бы потому, что «приобщают к государственной жизни и социальной деятельности новые кадры, более многочисленные по сравнению с ранее существовавшими»⁴⁸. Именно эта черта характерна для движения 1930 г. в Бразилии.

Отмечая противоречивую суть популизма, В. Кодовилья подчеркивал, что само движение «подвергается давлению двух противоположных сил: с одной стороны, прогрессивных, а с другой, — реакционных»⁴⁹, а посему может развиваться в разных направлениях.

В. Кодовилья не отрицал и того, что одной из причин популярности буржуазно-националистических лидеров обычно является слепая вера значительной части народа

в этих лидеров и их политику. Исходя из марксистско-ленинских взглядов на роль личности и масс в истории, В. Кодовилья наметил важные методологические позиции для оценки популизма в условиях Латинской Америки. Он подчеркивал, что, даже если националистический лидер руководит «заблуждающимися массами», ни в коей мере нельзя умалять роль самих этих масс, ибо исторические события развиваются «не столько по субъективной воле тех, кто вмешивается в них сверху, сколько, и прежде всего, по воле и под действием народных масс»⁵⁰.

Такой подход в корне отличен от буржуазной социологии политического лидерства и абсолютизации роли «харизматических» героев. Лидеры, как это ни парадоксально, сами находятся в плену у массы, вынуждены учитывать их устремления. Первоначальный стихийный и прежде всего эмоциональный протест масс, выраженный в антиолигархическом движении 1930 г. означал начало разрыва с обыденным, повседневным сознанием, пробуждал социальный инстинкт, а затем и социальный интерес. Узкий кругозор сменялся более широким, происходило накопление собственного социального опыта. Предотвратить этот процесс было не под силу никакому Варгасу, как бы он того ни хотел.

Если оценивать историческую роль популизма как движения, то ее нельзя определить однозначно. В зависимости от условий на том или ином этапе он может играть либо прогрессивную и даже революционную, либо реакционную роль.

Прогрессивные популистские движения, как это было в 1930 г. в Бразилии, как правило, появляются в таких исторических ситуациях, когда, по определению В. И. Ленина, «весь старый строй „переворотился“ и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, *каков* „укладающийся“ новый строй, *какие* общественные силы и как именно его „укладывают“, какие общественные силы *способны* принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам „ломки“»⁵¹.

Иными словами, движение 1930 г. возникло в период общенационального политического кризиса, буквально накануне или во время революционной ситуации. Кризис «верхов» (буржуазно-помещичьей кофейной олигархии),

невозможность для них управлять по-старому становились угрожающими. Кризис «низов» быстро нарастал. Поворот в настроении масс в пользу революции вылился в форму массового антиолигархического движения. Его сила состояла в том, что массы пришли в движение; вихрь борьбы, возбуждение захватили и увлекли широкие слои бразильского народа. Что же касается целей и социальной направленности борьбы, то они еще оставались уделом избранных вождей. Лишь передовая часть рабочего класса и левые тенентисты продолжали занимать самостоятельные позиции и не пошли на поводу у либералов.

Если взглянуть с этих позиций на все движение 1930 г., то можно с определенностью констатировать наличие определяющего влияния «народного элемента» на ход борьбы с олигархией. Рабочий класс, крестьянство, мелкая буржуазия, студенчество, интеллигенция, прогрессивное офицерство — вот та сила, которая предопределила победу над кофейной олигархией. Особенность состояла в том, что идеологическое руководство еще сохранялось за буржуазными и мелкобуржуазными элементами.

Такое своеобразное сочетание активной борьбы народных масс с руководящей ролью буржуазных слоев было обусловлено временным совпадением их антиолигархических интересов. Все это позволяет сделать вывод о популистском характере движения 1930 г. Оно имело в целом исторически-прогрессивное значение. Его главным результатом явилось отстранение от власти реакционной буржуазно-помещичьей кофейной олигархии, расчистка пути для ускоренного развития бразильского капитализма. Важным итогом явился рост местной промышленности и увеличение численности рабочего класса, проведение ряда буржуазно-националистических реформ.

В результате движения 1930 г. к власти пришла средняя и мелкая городская буржуазия (в лице тенентистов) и оппозиционная часть помещиков. Новая власть с помощью военно-диктаторских методов провела ряд экономических и политических преобразований. Немалое значение для судеб страны имела также переориентация новой власти на союз с империализмом США.

В результате всех этих трансформаций в жизни Бразилии наступил новый и сложный этап, характеризующийся дальнейшим обострением и усложнением классовой борьбы и революционного движения.

НАРОДНЫЙ ФРОНТ И «НОВОЕ ГОСУДАРСТВО» (1930—1945 гг.)

«Смутное время»

Важнейшим политическим завоеванием движения 1930 г. явилось отстранение кофейной олигархии от власти. Однако этот успех имел ограниченный характер, ибо социально-экономические позиции крупных землевладельцев и торгово-ростовщической буржуазии сохранились в неприкосновенности. Массы ожидали от правительства Ж. Варгаса радикальных шагов против олигархических кругов, стихийно продолжая революционную борьбу. Страну продолжал лихорадить экономический кризис. Усилились сепаратистские тенденции в ряде районов Бразилии.

В напряженной обстановке экономического хаоса и политической неразберихи победители могли стабилизировать свою власть лишь на путях бонапартистского диктаторского режима. Не случайно характерной чертой постепенного перехода общества от старой олигархической структуры власти к современному капиталистическому государству (1930—1945 гг.) явилось господство именно авторитарных методов правления.

Режим военной диктатуры Ж. Варгаса, установленный в октябре 1930 г., представлял собой сложный механизм идеологического, социального и административного маневрирования и контроля. В основе лежали не только традиции каудилизма, но и введенная в ранг государственной политики идеологическая обработка масс с целью формирования конформистского общественного мнения, во-первых; военно-полицейский террор в отношении инакомыслящих, во-вторых; определенные социальные уступки трудящимся массам, в-третьих.

В ряде случаев новая власть использовала насильственные меры и для подавления оппозиции «справа», однако главной причиной длительного существования диктаторского режима являлась необходимость постоян-

ного удержания в узде широких масс трудящихся, прежде всего, рабочего класса, которые не были удовлетворены результатами революции 1930 г. и продолжали активную борьбу в защиту своих экономических и политических интересов. Политически неопытная и относительно слабая бразильская буржуазия не умела и не могла еще управлять страной «в мягких перчатках», немедленно прибегая к насилию там, где создавалось хоть сколько-нибудь опасное напряжение.

На разных стадиях диктатура имела различные формы, неодинаковое социально-политическое содержание, проводила неоднозначную политику. Так, в первое время важные, а иногда и командные, позиции в структуре новой власти принадлежали средней и мелкой буржуазии города в лице бывших тенентистов. Их сила заключалась не только в том огромном политическом авторитете, который они накопили в годы вооруженной борьбы против кофейной олигархии. Решающее значение имело то, что за ними стояла армия. Изворотливые и опытные политики, вроде Ж. Варгаса, О. Араньи и др., не могли, разумеется, не считаться с реальной силой офицерства и в течение ряда лет были вынуждены делить с ними власть. Многие всевластные каудильо, руководившие политической жизнью отдельных штатов до 1930 г., теперь были отодвинуты в сторону или оказались вообще не у дел. Вместо прежних губернаторов из числа офицеров были назначены правительственные чиновники — интервенторы, сосредоточившие в своих руках огромную власть. Ряд бывших тенентистов вошел в состав центрального Временного правительства.

Интересный анализ роли военных в правительстве Варгаса дается в недавно опубликованной книге бразильского историка Бориса Фаусту «Революция 1930 года». Автор исходит из тезиса о том, что тенентизм как фактор новой власти выступал в роли специфического представителя средних классов, городских слоев и средней промышленной буржуазии, которые в течение ряда лет противостояли кофейной олигархии. Теперь они впервые приблизились к власти, но были еще не способны к самостоятельной политической организации. Тенентисты-чиновники тем не менее образовали активную группу давления, защищающую идею не только представительства классов, но и продолжения диктатуры с целью ней-

трализации олигархии. Однако, как считает Б. Фаусту, роль офицерства в общей структуре власти, будучи важной, являлась все же подчиненной¹. С этим выводом, по-видимому, стоит согласиться.

Мелкобуржуазное офицерство, приблизившееся в ходе антиолигархического движения 1930 г. к власти, более чем кто-либо другой, поддерживало и проводило на практике авторитарные методы управления. По мнению военных, сильная диктатура являлась единственным средством наведения общественного порядка. Политическая группировка офицеров — Клуб имени 3 октября — не только поддерживала Варгаса, но и активно выступала против спешного восстановления конституционного режима. Идею о превосходстве военно-диктаторских методов правления в период политического хаоса четко сформулировал лидер офицеров-чиновников, бывший тепентист Жуарес Тавора. По его словам, только диктатор способен быстро и энергично «обеспечить гармонию трех властей — политической, экономической и духовной»². Исходя из этих позиций, военные активно способствовали укреплению престижа Варгаса и расширению его власти. В итоге это привело к возникновению режима личной власти бонапартистского типа.

Увлечение идеей авторитаризма объяснялось не только тем, что офицерство благодаря революции 1930 г. заняло довольно прочные позиции в государственной машине и не собиралось терять их. Главное заключалось в том, что мелкая городская буржуазия, интересы которой выражали тепентисты в первую очередь, стремилась к установлению сильной власти, которая бы имела непререкаемый авторитет и защищала ее интересы от грабежа и эксплуатации со стороны олигархии, иностранных монополий и крупного местного капитала, с одной стороны, и охраняла бы ее от революционных действий «низов», с другой. Именно стремление обеспечить защиту своих экономических и политических интересов перед лицом более организованных и сплоченных сил справа и слева объясняет особую склонность мелкой буржуазии и примыкающих к ней городских слоев к поддержке сильной государственной власти.

Победа Либерального альянса вызвала у мелкой буржуазии бурю ликования. Она видела в этом начало того коренного поворота в своем положении, о котором долго

мечтала. Так, во всяком случае, воспринимала она официальное заявление новоявленного «вождя нации» Ж. Варгаса о том, что его правительство намерено продолжить революцию путем «морального и физического оздоровления» нации, ликвидации коррупции, защиты интересов национальных производителей, в том числе мелких собственников.

Прикрываясь этими обещаниями, военно-буржуазное правительство Ж. Варгаса издало 12 октября 1930 г. так называемый Органический закон, согласно которому конституция 1891 г. отменялась, федеральный конгресс и местные законодательные ассамблеи объявлялись распущенными, во все штаты были посланы интервенторы, наделенные неограниченной властью и подчиняющиеся только самому Ж. Варгасу.

В первые два года существования диктатуры ее структура носила смешанный характер. Наиболее динамичной силой являлись «офицеры-чиновники» (*tenentistas-estadistas*). Крупная промышленная и торговая буржуазия занимала выжидательную позицию, хотя в целом приветствовала ослабление политических позиций кофейной олигархии. Старые региональные буржуазно-помещичьи группировки вынуждены были признать военный режим и подчиняться приказам интервенторов. Даже кофейная олигархия, учитывая колоссальную популярность Ж. Варгаса и офицерства, скрепя сердце, признала свое поражение и на время затаилась. Страна переживала смутное время. Будущее оставалось неясным. Олигархия сохраняла экономическое могущество. Новая власть еще не стабилизировалась. Эмоциональное возбуждение масс не улеглось. В стране не было, по сути дела, никакой политической структуры. Конгресс не существовал, партии фактически запрещены. Многие успокоились, другие были недовольны, но не знали, что делать; третьи решили занять выжидательную позицию. В этой своеобразной экономической и политической обстановке правительство Ж. Варгаса действовало в соответствии с общими закономерностями бонапартистской политики. Не опираясь прямо и полностью на какую-либо одну социальную силу, на один класс, оно постоянно лавировало между четырьмя главными действующими лицами: кофейной олигархией, быстро крепнувшей буржуазией, мелкобуржуазным офицерством и народом, в первую очередь рабочим клас-

сом. Только путем ловких комбинаций, уступок одним, нажима на других, демагогии в одном случае и насилия в другом, не гнушаясь ни обманом, ни лестью, правительство Варгаса, умело прикрываясь знаменем национализма, честности и прогресса, не только удерживало власть в своих руках, но, более того, постепенно наращивало свою силу, все явственнее превращаясь в некоего надклассового суперарбитра, действующего более или менее автономно и самостоятельно.

Такая типично бонапартистская практика сохранялась в течение довольно длительного периода, поскольку обладала достаточно высокой эффективностью. В этом смысле диктатура устраивала почти всех, но особенно буржуазию.

Лишь небольшая часть пролетариата и студенчества, возглавляемая коммунистами, а также группа левых теңентистов во главе с Л. К. Престесом активно выступили с гневным осуждением диктатуры и продолжали самостоятельную борьбу в защиту демократии и радикальных преобразований в экономической и политической жизни.

В 1930—1934 гг. резко возросло стачечное движение. За период с января 1931 г. по июль 1932 г. в стране бастовало более 220 тыс. рабочих. В ряде городов прошли забастовки политического характера, имели место вооруженные стычки с полицией. В мае 1931 г. в городе Куритиба (штат Парана) вспыхнуло восстание, которое было жестоко подавлено. В июле 1931 г. антиправительственный мятеж начался в городе Терезина (штат Пиауи), в октябре того же года — восстание в гарнизоне города Ресифи (штат Пернамбуку). Все это свидетельствовало о стремлении передового отряда пролетариата и демократического офицерства продолжить революционную борьбу за коренное преобразование общественной системы.

С целью обеспечить новому режиму устойчивую поддержку масс по инициативе ряда «офицеров-чиновников» и О. Араньи были предприняты шаги по созданию политической организации, контролируемой правительством.

В Сан-Паулу интервентор Ж. Алберто, при содействии Мигела Коста и Мендоса Лимы развернул пропаганду, призывая «всех патриотов» поддержать идею о создании партии «Революционный легион». Аналогичная деятельность была развернута и в других штатах. Цель состояла в том, чтобы мобилизовать массы на поддержку

правительства и его политики. В задачу легиона, по словам его защитников, входило прежде всего солидаризироваться с повой властью и таким путем «утвердить победу бразильской революции». Это означало прежде всего борьбу со всеми врагами повой власти.

Борьба с марксистско-ленинским авангардом пролетариата вскоре стала главной. Самое правое крыло легионеров во главе с реакционным журналистом Плинио Салгадо при поддержке правительства Варгаса сумело в 1932 г. основать фашистскую партию — так называемую партию «Интегралистское действие» (Acção Integralista).

Усиление фашистских тенденций и бонапартистские замашки Варгаса вызвали недовольство части армейского офицерства. С другой стороны, буржуазно-помещичьи круги стали требовать от правительства более жесткой линии в отношении рабочего движения. Временный союз буржуазных политиков и мелкобуржуазного офицерства, возглавившего вооруженное движение в 1930 г., все явственнее клонился к упадку. Основной их враг теперь был не справа, а слева. Олигархические буржуазно-помещичьи круги уже становились не врагом, а союзником новой власти в борьбе против революционного движения трудящихся, прежде всего пролетариата. Политическая переориентация началась с разрыва Варгаса с «офицерами-чиновниками» и перенесении точки опоры на чисто армейские круги военных, стоящих на традиционных позициях «армия вне политики».

Бурная политическая деятельность «офицеров-чиновников», их постоянное давление на Ж. Варгаса, излишний радикализм ряда военных министров и интервенторов стали вызывать все большее раздражение буржуазных политиков. Консерваторы из лагеря гражданских чиновников, лидеров местных буржуазно-помещичьих группировок, равно как средняя и крупная буржуазия, начали постепенно ограничивать действия интервенторов, требуя от президента-диктатора большей решительности. Под видом возвращения к конституционным методам правления представители крупной и средней буржуазии развернули кампанию против дальнейшего преобладания военных в правительственных учреждениях в центре и на местах. Офицеры, не желая терять свою долю власти, продолжали настаивать на необходимости продления диктатуры. Однако общественное мнение все больше склонялось в

пользу восстановления конституционного режима. Местные буржуазно-помещичьи олигархии рассчитывали при этом на отзыв интервенторов и восстановление утраченной автопомни. Учитывая интересы эксплуататорских классов и стремясь удержать за собой массы, Ж. Варгас и его окружение предпочли отказаться от союза с бывшими тенентистами, пойти на компромисс с олигархией и «демилитаризировать» правительство, восстановить конституционные гарантии и таким путем сохранить авторитарный режим, замаскировав его псевдодемократическими одеждами.

Окончательное решение проблемы ускорила так называемая «война конституционалистов», которую начали реваншистские группировки Сан-Паулу в июне 1932 г. Под флагом немедленного восстановления конституционного режима «паулистская» олигархия, надеясь на поддержку масс, выступила с оружием в руках против Ж. Варгаса. Военные действия продолжались до сентября, и, хотя Ж. Варгас удержался у власти, в расстановке классовых сил в стране произошли существенные перемены.

Союзу буржуазных политиканов с бывшими тенентистами пришел конец. Прямая военная диктатура заменилась с 1934 г. конституционно оформленным режимом личной власти. Диктатура сохранилась, но ее форма и социальная функция изменились. Офицеры, сыграв свою решающую роль в движении 1930 г., теперь, преследуемые недоброжелательными взглядами, должны были уйти со сцены. Бюрократическая буржуазия, укрепившаяся с их помощью в седле политической власти, была теперь готова без сожаления выкинуть бывших тенентистов из министерских кабинетов и вернуть их назад в казармы.

Изменение в расстановке сил в лагере правящих классов в пользу союза буржуазии с олигархией и отстранение от власти мелкобуржуазного офицерства вызвало резкое обострение недовольства городской мелкой буржуазии и средних слоев вообще. Часть этих слоев качнулась влево, заняв антидиктаторские позиции. Политическая радикализация коснулась и всех других групп трудящегося населения, и прежде всего рабочего класса. Постепенно стали формироваться объективные и субъективные предпосылки для нового подъема массового революционного движения.

С целью предотвращения революционной волны господствующие классы пашли себе нового союзника в лице фашизма. Правое крыло «Революционного легиона» выдвинулось в самостоятельное течение, образовав крайне реакционную антикоммунистическую группировку. На политической сцене появилось новое действующее лицо — фашистское движение.

Интегрализм — бразильский вариант фашизма

Первые профашистские отряды в Бразилии возникли еще в 20-х годах среди итальянских и немецких иммигрантов, обосновавшихся в южных штатах. В 1932 г. при материальной поддержке германских банков и монополий в Бразилии была основана партия «Интегралистское действие». Вождем фашистов стал реакционный журналист Плинио Салгадо. В июле 1930 г. он, будучи в Риме, встретился с Муссолини, который, по признанию Салгадо, «осветил ему путь». Не случайно поэтому интегралисты заимствовали многие принципы итальянского фашизма.

Социальную базу интегралистского движения составляли мелкобуржуазные городские слои, часть служащих, рабочие мелких мастерских, буржуазная интеллигенция, зараженные лозунгами антикоммунизма. Интегралисты пользовались финансовой поддержкой ряда крупных бразильских фабрикантов и банкиров (Матараццо, Креспи), высших сапожников католической церкви, некоторых представителей реакционного офицерства, в том числе отдельных членов кабинета Ж. Варгаса (генерал Гойес Монтейро, начальник генштаба генерал Панталеао Пессоа, начальник полиции Рио-де-Жанейро Филинто Мюллер и др.).

Весьма благосклонно в течение ряда лет относились к интегралистам и буржуазные политики из группировки Варгаса. Бюрократическая буржуазия, высшее чиновничество, аграрно-олигархические круги, иерархия католической церкви видели в интегралистских отрядах ударный кулак в борьбе против массового и, особенно, рабочего движения, против Бразильской коммунистической партии и прогрессивных профсоюзов. Ориентация на использование интегралистского движения в целях укрепления своих позиций органически вплеталась в общее

русло бонапартистской политики Варгаса. Стечение всех этих обстоятельств привело к тому, что фашистское движение быстро приобрело довольно значительные масштабы. По некоторым данным, общая численность партии «Интегралистское действие» в 1933 г. приблизилась к 200 тыс. человек. Они имели свои штурмовые отряды, которые по приказу Густаво Барросо развернули широкую кампанию антисемитских погромов.

Интегралистская партия отличалась жесткой централизацией, военной дисциплиной и субординацией. По всей стране было создано более 400 подразделений. Высшим руководящим органом являлся «Большой совет четырехсот», в который входили лидеры местных подразделений. Они избирали «Совет сорока», который возглавлял Плиньо Салгадо. В «Совет сорока» входили директор Бразильского банка, 7 высших офицеров армии, 2 государственных министра, 9 фабрикантов, бабкиров и торговцев. Один из членов «Совета сорока» Ренато да Роша Миранда выполнял функцию негласного осведомителя самого президента Ж. Варгаса³.

По примеру европейских фашистов интегралисты разработали специальный ритуал по проведению своих парадов, факельных шествий и собраний. Партийная символика — зеленая униформа, особые приветствия, знаки отличия, пароль и др. — все это придавало некий мистический смысл действиям интегралистов, объединяя их между собой крепкими психологическими узами. Весь ритуал был стандартизован и неукоснительно выполнялся. В случае нарушения дисциплины виновный подлежал немедленному исключению из организации, а его партийные документы сжигались в присутствии всех членов подразделения. Особо отличившиеся награждались специальными орденами. Все это создавало особый психологический климат, стимулируя антикоммунистическую активность рядовых членов, создавая видимость надсоциального единства и равенства членов фашистской партии, как бедных, так и богатых. Так, например, в интегралистское подразделение в муниципалитете Капалаго (Рио-де-Жанейро) входили 3 учителя, 9 торговых и банковских клерков, 2 студента, 11 кустарей, 7 транспортных рабочих, 22 фабричных рабочих и служащих, 15 падомников, 9 батраков, 4 безработных, 8 подростков. Столь разношерстный состав свидетельствовал о том, что интегрализм сумел

добиться определенного успеха, втянул в свое русло не только городские средние слои, но и политически отсталых рабочих и люмпен-пролетариат.

Это достигалось не только путем демагогии, обмана или красочности ритуала, но и благодаря определенным практическим действиям среди низших слоев городского населения. Так, интегралисты создали фонд помощи своим членам и симпатизирующим (так называемая «Зеленая помощь»), имели свои стадионы, клубы, издавали газеты, книги, листовки, располагали несколькими радиопередатчиками. Женская федерация интегралистов «Зеленые блузки» в достаточно широких масштабах развернула благотворительность среди бедняков и безработных, организовала в фавелах (так называются трущобы Рио-де-Жанейро, Сан-Пауло, Ресифи и других больших городов) курсы начального образования, кружки кройки и шитья для женщин и т. д. Все это давало немалый эффект для завоевания престижа среди городских слоев. Догмат интегралистов о том, что «сердце национальной жизни сосредоточено в семье и доме» пользовался особой популярностью среди женщин-католичек.

Действуя в интересах наиболее реакционных групп эксплуататорских классов, интегрализм в то же время выступал под личиной защитника наций, ее единения (отсюда и название «интегрализм»), демагогически апеллируя к особенно наболевшим пущам и запросам масс, нагло спекулируя на самых лучших чувствах и традициях народа.

«Превосходя своим цинизмом и лживостью все другие разновидности буржуазной реакции, фашизм,— указывал Г. Димитров на VII конгрессе Коминтерна,— приспособляет свою демагогию к национальным особенностям каждой страны и даже к особенностям различных социальных слоев в одной и той же стране. И массы мелкой буржуазии, даже часть рабочих, доведенные до отчаяния нуждой, безработицей и небезопасностью своего существования, становятся жертвой социальной и шовинистической демагогии фашизма»⁴.

Не случайно поэтому и в Бразилии интегрализм выступил под маской борца за интересы всей нации, вызывая к патриотическому чувству и тем самым привлекая на свою сторону массы. П. Салгадо и другие видные интегралисты весьма резко выступали против англо-американского империализма.

риканских монополий, умалчивая о германском империализме, которому рабски прислуживали.

Газета интегралистов «А Офепсива» («Атака»), названная по аналогии с нацистской «Der Angriff», пропагандировала идею, что интегрализм не признает классов и стремится к единой нации, «сильному и героическому государству». Программа интегралистов включала реорганизацию политической администрации, перестройку экономики на корпоративистской основе, создание единой банковской системы, установление контроля государства над транспортом и связью, пересмотр ряда кабальных договоров, национализацию шахт, водных ресурсов и нефти. Многие лозунги носили чисто демагогический характер и были рассчитаны лишь на то, чтобы привлечь на свою сторону массы.

Как это ни парадоксально, сам факт создания интегралистской партии, популярность фашистских лозунгов, будучи явлением абсолютно реакционным, свидетельствовал о том, что городские средние слои были не удовлетворены политикой Варгаса, стремились занять более радикальные позиции. Но особенность состояла в том, что, отчасти из-за политической неопытности, отчасти из-за того, что они поверили в демагогию интегралистов, этот протест выразился в форме правого радикализма. Важно подчеркнуть, что, следуя примеру Гитлера и Муссолини, «бразильский фюрер» Плинио Салгадо в своих выступлениях на митингах и в печати постоянно старался распространять идею о том, что интегралистская доктрина является новым универсальным учением, которое полностью преодолело «заблуждения» и «слабости» как традиционной буржуазно-представительной демократии, так и «коммунистического тоталитаризма». Интегралисты формально выступали одновременно против двух «равных» зол — империализма и коммунизма. По существу же все их действия имели одну цель — борьбу с революционным пролетариатом и его партией. Обосновывая свой антикоммунистический курс, интегралисты грубо и примитивно фальсифицировали действительность, приписывая социализму «разрушительную силу», которая-де исходит из намерения полностью подавить человеческую личность, семью и общество ради «их порабощения тоталитарным государством». Коммунисты, по словам П. Салгадо, стремятся якобы полностью уничтожить религию, семью и ро-

дину, искусственно усилить классовую борьбу, разрушить культуру, интеллект, моральные устои и т. д. В учредительном манифесте интегралистской партии, опубликованном в октябре 1932 г., прямо указывалось: «Мы выступаем против коммунизма, который ...хочет превратить Бразилию в свою колонию». Чтобы спасти страну от этой «смертельной опасности» — и необходим интегрализм.

Для интегрализма, как и всех других форм фашизма, была характерна, особенно на первом этапе, демагогическая критика капитализма. «Либеральная демократия», или, проще говоря, буржуазное государство, как неоднократно заявлял П. Салгадо, уже не отвечает требованиям современности. Спасение нации и человека поэтому заключается в отказе от вредных и опасных односторонностей капитализма, в создании «органического государства», «корпоративной организации нации», «гармонически единой или интегральной человеческой личности». «Мы хотим создать интегральное государство, свободное от всех принципов разделения подобно политическим партиям, борьбе за гегемонию, соперничеству между классами, региональным противоречиям, каудилизму, антагонизму между армией и народом и внутри самой армии, между правительством и народом». Не деньги, не власть, не сила должны управлять обществом, ибо богом предопределены гармония, братство и единство всех людей как членов одной большой семьи. Для этого, по словам Салгадо, необходимо, чтобы государство служило интересам нации, а борьба классов была прекращена ради высших интересов родины.

Выступая на словах против капитализма, интегралисты, однако, вовсе не собирались отказываться от буржуазных отношений, подчеркивая в своей программе, что право частной собственности является неотъемлемым фундаментом «органического общества, угодного богу». О том, насколько лицемерно интегралисты выступали против капитализма, свидетельствует, например, следующее обращение П. Салгадо: «Буржуа! Я и зеленые рубашки идем, чтобы спасти вас и ваши семьи. Буржуа! Я призываю вас от имени бога и родины! Сатана — это убивающий нацию коммунизм!»

Социальная демагогия интегралистов, их мистико-патриотический лозунг «Бог, родина, семья!» тем не менее встречали сочувствие среди измученных кризисом и

уставших от политической неразберихи людей, которые думали, что интегралисты действительно желают бороться против империализма. Многие и не догадывались, что гитлеровцы рассчитывали с помощью интегралистов установить свой контроль над Бразилией: «В Бразилии, — цинично говорил Гитлер, — мы будем иметь новую Германию... мы имеем право на этот континент... Прошло время, когда мы вынуждены были уступать место Испании и Португалии и играть повсюду роль опоздавших...».

Деятельность интегралистских отрядов, несмотря на перспективу усиления позиций германского фашизма, пользовалась значительной материальной и моральной поддержкой со стороны монополий Англии и США. Часть бразильской крупной буржуазии, землевладельческая олигархия склонялась к тому, чтобы передать власть интегралистам, которые, по их мнению, лучше, чем правительство Ж. Варгаса, могли бы обеспечить подлежащий порядок.

В Бразилии фашизм, разумеется, не был простой копией итальянского или немецкого «оригинала». Г. Димитров в докладе на VII конгрессе Коминтерна подчеркивал: «Никакие общие характеристики фашизма, как бы они ни были верны сами по себе, не освобождают нас от необходимости конкретного изучения и учета своеобразия развития фашизма и различных форм фашистской диктатуры в отдельных странах и на различных этапах. Необходимо в каждой стране исследовать, изучить, отыскать национально-особенное, национально-специфическое в фашизме...»⁵

Как же оценить бразильский фашизм в целом? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить то определение фашизма, которое было дано на VII конгрессе Коминтерна. Г. Димитров в своем докладе на этом конгрессе показал, что фашизм у власти есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных элементов финансового капитала. Фашизм — «это не *обыкновенная замена* одного буржуазного правительства другим, а *смена* одной государственной формы классового господства буржуазии, буржуазной демократии, другой его формой — открытой террористической диктатурой»⁶.

В условиях Бразилии основное содержание политической обстановки после 1930 г. определялось не кризисом

буржуазной власти и, как следствие этого, отказом от буржуазно-демократической формы ее господства, как это было, скажем, в Германии. Введение авторитарных методов правления в Бразилии было обусловлено утверждением господства буржуазии, сломом старого, олигархического режима. Это была определенная восходящая фаза развития бразильской буржуазии как класса и укрепления с помощью антидемократических методов ее экономического и политического господства. Данный процесс протекал в условиях острой классовой борьбы и давления со стороны иностранного империализма и местной олигархии, что придало общей ситуации противоречивые черты. В процессе социально-экономического сдвига собственно фашистская тенденция была характерна лишь для части местной финансовой и промышленной буржуазии и крупных помещиков, которые ориентировались на союз с гитлеровской Германией.

По мнению американского исследователя Роберта Левина, «бразильский интегрализм выглядит как авторитарное и иерархически-организованное движение, во многом заимствованное из иностранных фашистских источников, но уходящее корнями глубоко в бразильский национализм и культуру... Хотя интегралистская доктрина обещала трудящимся иллюзорную интеграцию в органическое национальное общество, городские рабочие и полубезработные массы остались в общем равнодушными, поэтому основу движения составили „белые воротнички“, бюрократы и чиновники, кадровые военные низших рангов и мелкие торговцы. На юге Бразилии интегралисты встретили серьезное соперничество со стороны чисто немецких нацистских групп»⁷.

В этой оценке содержится ряд верных наблюдений. Однако, что касается националистических корней интегрализма, то здесь следует сделать ряд оговорок. Интегрализм, как бразильская разновидность фашизма, действительно широко использовал в своей пропаганде националистические лозунги, но вкладывал в них совсем иное содержание. По существу, для интегралистов был характерен квазинационализм, или реакционный национализм, поскольку «величие Бразилии», ее «освобождение от империализма» — все это мыслилось обеспечить не на позициях укрепления экономической независимости страны, не путем социально-экономических преобразований,

а с помощью полного пресмыкательства перед европейским фашизмом, прежде всего перед Германией и Италией.

Такую антинационалистическую линию, естественно, поддерживала лишь часть эксплуататорских классов. Другая часть, причем более значительная, ориентировалась на буржуазно-националистический курс Ж. Варгаса, на укрепление местного капитализма в партнерстве с США. В рамках этого курса интегрализм мог играть лишь роль дополнительного инструмента в осуществлении ряда антидемократических функций, взяв на себя наиболее грубые обязанности по борьбе с коммунизмом и демократическими силами.

Политический вес интегрализма особенно возрос в 1933—1935 гг., когда П. Салгадо и его зеленорубашечники развернули кампанию массовых погромов. Возникла реальная угроза фашизации политической жизни и в перспективе возможность прямого приближения интегралистов к кормилу государственной власти. Особенно опасным явился тот идеологический и моральный вред, который наносил интегрализм. Увлечение фашистской символикой и демагогией, искреннее желание избавиться от язв капитализма, ложное представление о коммунизме — все это вносило большую сумятицу, открывая путь для дальнейшего укрепления фашизма.

Опасность фашизации усугублялась тем, что режим личной власти нес в себе существенные антидемократические и в принципе профашистские тенденции. Правда, диктатура выражала интересы широких кругов местной буржуазии и не шла слепо на поводу наиболее реакционных внутренних и внешних сил, по тем не менее механизм властвования, формы и методы управления носили авторитарный характер. В этом смысле режим содержал в себе определенные потенции самофашизации. В этих условиях необходимо было поставить заслон как дальнейшему росту интегралистского движения, так и возможности внутреннего перерождения диктатуры Варгаса из буржуазно-националистической в фашистскую. Проще всего вторая задача решалась путем устранения диктатуры вообще.

С этой двойной целью прогрессивные силы Бразилии по инициативе коммунистов развернули борьбу за создание широкого, подлинно народного фронта.

Борьба Бразильской коммунистической партии за создание антифашистского и антидиктаторского, антиимпериалистического и демократического народного фронта началась в 1934 г. После длительной и упорной работы такой фронт был, наконец, создан в марте 1935 г. в лице Национально-освободительного альянса, объединившего под своими знаменами более 1,5 млн. патриотов. Альянс представлял собой политическую коалицию ряда прогрессивных общественных организаций, выступающих за развитие антиимпериалистического и антифашистского движения, за свержение диктатуры и передачу власти в руки народно-революционного правительства.

В манифесте Подготовительного комитета НОА, опубликованном 1 марта 1935 г., говорилось: «Мы боремся за свободную родину! Мы боремся за освобождение Бразилии от империалистического рабства! За социальную и национальную независимость народа!»

Руководящие позиции в движении народного фронта занимали коммунисты и левые тепеисты. Почетным председателем альянса был заочно избран Луис Карлос Престес. К этому времени Престес уже стал членом Бразильской коммунистической партии. Его заочное избрание объяснялось тем, что он долгое время находился в эмиграции и вернулся в Бразилию лишь в апреле 1935 г. В своем письме от 25 апреля 1935 г. Л. К. Престес обратился к альянсистам с призывом встать на защиту демократии. «Только движение масс, — писал он, — может воспрепятствовать наступлению фашизма... Организация этой борьбы — первейшая задача Национально-освободительного альянса»⁸.

По мнению альянсистов, в стране уже сложились все признаки «кризиса господствующей камарильи». В этих условиях для полного разгрома фашизма перед пародом остается только один выход — «забрать власть из рук помещиков, буржуазии и империалистов и создать национально-революционное правительство». В мае 1935 г. был выдвигнут лозунг «Вся власть Национально-освободительному альянсу!» и взят курс на подготовку вооруженного восстания.

Одновременно с этим (май 1935 г.) было достигнуто единство профсоюзов и создана Унитарная профсоюзная

конфедерация Бразилии. В ее рядах объединилось около 300 тыс. человек. Создание объединенного профцентра явилось важным шагом вперед по пути укрепления революционного рабочего движения. Несмотря на то, что по закону профсоюзным организациям категорически запрещалось заниматься какой бы то ни было политической деятельностью, конфедерация заявила о своей полной поддержке Национально-освободительного альянса. Новая профсоюзная организация, по предложению коммунистов, целиком вошла в качестве коллективного члена в состав альянса, образовав его пролетарское ядро.

За короткий срок — с марта по июль 1935 г. — альянс вырос в значительную политическую силу. В стране было создано свыше 1500 ячеек НОА, которые действовали в 17 штатах, 300 городах и населенных пунктах⁹. Организации народного фронта развернули по всей стране широкую политическую агитацию и пропаганду, руководили массовыми антифашистскими митингами и демонстрациями, забастовками. Организованный характер приобрело движение в защиту демократии, за расширение социального законодательства, против реакции и империализма.

С каждым днем крепла популярность альянса в массах. Опасаясь дальнейшего усиления альянса, правительство Ж. Варгаса издало 12 июля 1935 г. декрет о запрещении народного фронта под предлогом подготовки последним «государственного переворота с целью установления советской республики».

Декрет о запрещении альянса свидетельствовал о существенном изменении политической обстановки в стране. На смену периоду легальной деятельности Национально-освободительного альянса пришел период открытой вооруженной схватки.

Особенность ситуации заключалась в том, что революционные силы с самого начала боролись одновременно против интегрализма, диктатуры Варгаса и империализма. При этом ни коммунисты, ни левые тенентисты не проводили разницы между фашизмом и режимом личной власти. Это создавало определенные трудности, ибо Варгас еще пользовался в массах большой популярностью. Введенное им впервые трудовое законодательство, с одной стороны, ореол борца против кофейной олигархии в 1930 г., с другой, вера в обещания, которые он расточал

направо и налево, с третьей, — все это привлекало непскушенных в политике людей на сторону правительства.

В итоге на одновременную борьбу против интегрализма и диктаторского режима были готовы далеко не все. После запрещения альянса многие отошли от активных действий, опасаясь репрессий. Так или иначе на вооруженное восстание против правительства с целью установления народно-революционной власти в ноябре 1935 г. поднялось лишь боевое меньшинство.

Первыми выступили рабочие и революционные солдаты северо-востока, где положение народа было особенно тяжелым. Штат Риу-Гранди-ду-Норти отличался острыми классовыми схватками на протяжении всего 1935 г. Коммунисты и альянсисты имели здесь довольно прочные позиции в профсоюзах, что сыграло немаловажную роль в организации массового движения.

В столице штата (город Натал) в ночь с 23 на 24 ноября 1935 г. восстал 21-й пехотный батальон. Восставшие довольно быстро овладели казармами, арестовали офицеров, в том числе и командира полка, заняли порт, телеграф и вышли в город, где к ним присоединились рабочие, кустари, подмастерья. В разгар боев разнеслась весть о том, что Революционный комитет восставших организовал Народно-революционное правительство, взявшее власть в городе в свои руки и возглавившее вооруженную борьбу масс. Почта и телеграф, городской банк и банк штата были национализированы. На некоторых предприятиях создавались «рабочие комитеты». Для охраны революционного порядка формировались отряды народной милиции. Политические заключенные были освобождены, многие интегралисты арестованы.

Деятельность Народно-революционного правительства города Натала развертывалась в условиях постоянных сражений с правительственными войсками. После четырех дней ожесточенных и кровопролитных боев революционное правительство пало.

После поражения восстания в городе Натале около 500 революционеров погрузились на линкор «Сантос», собираясь скрыться, но спустя день корабль не имея воды и топлива, вынужден был вернуться в порт. Многие из революционеров ушли в глубь страны, надеясь там, по примеру тенентистов 20-х годов, продолжать партизанскую борьбу.

Еще в то время когда шли бои в городе Натале, в столице соседнего штата Пернамбуку городе Ресифи также вспыхнуло вооруженное восстание. 25 ноября в 9 часов утра восстали солдаты 20-го стрелкового батальона. Федеральное правительство срочно направило в район восстания войска, самолеты и военные суда с десантами. После 38-часового боя восстание было подавлено.

Но борьба не прекращалась. 27 ноября 1935 г. вооруженное восстание началось в Рио-де-Жанейро. С лозунгом «Да здравствует революция!» курсанты авиационной школы с оружием в руках выступили против реакционных офицеров. В ходе перестрелки несколько человек было убито. «Борьба длилась всю ночь и все утро 27 ноября, — пишет Ж. Амаду. — Самолеты не могли быть использованы революционерами из-за отсутствия горючего. Авиашколу по приказу правительства окружили части, на поддержку которых первоначально рассчитывали восставшие. Революционные офицеры авиашколы боролись до последнего момента»¹⁰. В результате боев 12 человек было убито, 30 ранено и 230 взято в плен. Контрреволюционные силы с самого начала блокировали восставших в пределах территории школы. Никакой связи с другими частями гарнизона ввиду этого установить не удалось.

Не было контакта и с «рабочими ударными бригадами», которые незадолго до восстания были созданы коммунистами в столице. Рабочие ждали сигнала, чтобы начать всеобщую забастовку, однако такого сигнала они не получили. В итоге правительство смогло быстро подавить восстание в авиашколе.

На другом конце города, также на рассвете 27 ноября, началось восстание в 3-м полку. После ожесточенного трехчасового боя внутри казарм к 7-ми часам утра сопротивление пулеметного взвода 1-го батальона, сохранившего верность правительству, было подавлено. Все реакционные офицеры арестованы. Восставшие стали именовать себя «3-й народно-революционный полк». Во время небольшой передышки, наступившей после первых боев, революционный комитет полка обратился по радио ко всем воинским частям с призывом поднять оружие. Был принят также манифест к солдатам гвардейского батальона, расквартированного неподалеку:

«К товарищам из гвардейского батальона. Луис Карлос Престес, единственный руководитель бразильских сол-

дат, возглавляет народное национально-революционное движение! Весь полк в наших руках. Не стреляйте в своих товарищей — солдат Бразилии, которые хотят лишь хлеба, земли и свободы. Мы боремся за то, чтобы освободить отечество от когтей спекулянтов и клики Варгаса, стремящихся задушить народ голодом... Помогите нам отстранить от власти этих предателей Бразилии! Присоединяйтесь к нам в борьбе за установление народного национально-революционного правительства во главе с Луисом Карлосом Престесом. *Революционный солдатский комитет 3-го пехотного полка*»¹¹.

Однако этот призыв не дал желаемых результатов. Реакционное офицерство столичного гарнизона оказало сильнейшее сопротивление и помешало выступлению солдат других частей в поддержку восставших. Против 3-го народно-революционного полка были выдвинуты артиллерийские батареи, которые открыли огонь по казармам полка. С воздуха казармы забрасывались фугасными и газовыми бомбами. С моря подошли военные корабли, правительственные войска блокировали выход в город. Руководить операцией приехал на броневике сам Ж. Варгас. Положение становилось все более драматическим, приближалась развязка. Несмотря на отчаянные попытки революционеров выйти из окружения, им не удалось добиться успеха. Кольцо неумолимо сужалось, приближая трагическую минуту поражения. Стратегические позиции восставших являлись наихудшими. Казармы полка были расположены в низине, по бокам их стискивали горы, впереди — море, оставалась лишь узкая горловина — выход, куда можно было двигаться, но она вела прямо в центр Рио-де-Жанейро, т. е. в руки правительственных войск. Перспектива для развития восстания, таким образом, с самого начала была иллюзорной. Все это предопределило исход сражения.

К часу дня после кровопролитного боя восстание 3-го полка удалось полностью подавить. В плен было взято около 600 человек. Арестованных участников восстания под конвоем провели в тюрьмы по улицам столицы.

Несмотря на разгром Национально-освободительного альянса и поражение поябрьских восстаний, революционные бои 1935 г. явились крупной вехой в истории революционного движения в Бразилии.

Как отмечает в своей статье, посвященной 50-летию Бразильской коммунистической партии, Генеральный секретарь ЦК БКП Л. К. Престес, героическое выступление альянсистов оставило в истории огромный след. «Впервые в Бразилии патриоты под руководством авангарда рабочего класса взяли за оружие для борьбы за полное национальное освобождение, за демократию и социальный прогресс, против фашизма, империалистического гнета, помещиков. Впервые в нашей стране вооруженным путем решалась проблема ликвидации латифундизма и империалистического господства. Впервые в Латинской Америке власть помещиков и агентов империализма была заменена, хотя всего лишь на несколько дней, как это произошло в Натале, столице штата Риу-Гранди-ду-Норти, народной властью в лице Революционной хунты, выступавшей за осуществление программы национально-освободительной революции. Несмотря на поражение, восстание 1935 г. оказало огромное влияние на последующие события»¹².

Благодаря героической борьбе альянсистов Бразилия была спасена от угрозы полной фашизации. Более того, стремясь умиротворить народ, правительство Варгаса оказалось вынужденным более активно проводить националистический курс, расширить социальное законодательство, отказаться от сотрудничества с гитлеровской Германией, запретить партию интегралистов. Однако все это было сделано по-реакционному, путем провозглашения в ноябре 1937 г. так называемого «Нового государства». В политической истории страны наступил новый этап.

«Новое государство»

Период «Нового государства», растянувшийся на восемь лет — с ноября 1937 г. по октябрь 1945 г. — явился своеобразным этапом политической истории Бразилии. В течение предыдущих семи лет страна пережила ряд крупных катаклизмов. Изменение социальной структуры власти в пользу буржуазии и поляризация классовых сил, в первую очередь выдвижение пролетариата в центр политической жизни, явились главными факторами нового этапа. В первой половине 30-х годов правительство Ж. Варгаса осуществило широкое социальное законодательство по во-

просам труда, стараясь привлечь рабочий класс к общему процессу буржуазно-националистической перестройки общества. После восстаний 1935 г. старый курс на достижение «классового мира» правящие классы пытались проводить несколько иными методами — с помощью «Нового государства» Варгаса.

Обычно события 10 ноября 1937 г., когда Ж. Варгас без санкции конгресса обнародовал корпоративную конституцию, рассматривают как плод неких персоналистских махинаций диктатора, попытку бонапартистской власти укрепить свои позиции. Эти факторы действительно имели место и оказали известное воздействие на ход событий, но причины установления режима «Нового государства» лежали гораздо глубже. Бразильская буржуазия как класс нуждалась в более гибком оформлении своей власти, чем это было в первые годы после 1930 г.

Революционные народные восстания 1935 г., с одной стороны, отток значительной части средних слоев к интегралистам, с другой, усиление соперничества региональных буржуазно-помещичьих группировок, с третьей, поставили перед буржуазией как классом задачу по обеспечению долговременной социальной стабильности. Ни фашистская диктатура интегралистов, ни немедленный переход к буржуазно-демократическим методам власти ее не устраивал. Более всего подходил третий путь — путь сочетания авторитарных методов с буржуазно-реформистским национализмом. Лучшим рецептом обеспечения стабильности на этот раз представлялся националистический корпоративизм, который, с одной стороны, обеспечивал сохранение диктатуры, а с другой, — мог при известных условиях ограничить классовую борьбу трудящихся, установить социальный контроль над массами.

Практика показала, что Ж. Варгас весьма точно почувствовал эту потребность. Объясняя причины отказа от обещанных выборов президента и переход к режиму «Нового государства», Ж. Варгас в своей речи 10 ноября 1937 г. заявил, что целью его решения о роспуске конгресса и взятии всей полноты власти было стремление избежать «угрозы губительной гражданской войны» и «спасти страну от коммунизма». В преамбуле к новой конституции (действовала до 1946 г.) говорилось: «Принимая во внимание состояние тревоги, созданное в стране коммунистическим проникновением, которое изо дня в день

расширяется и углубляется и которое требует применения радикальных средств длительного характера;

принимая во внимание, что прежде существовавшие политические учреждения не давали государству достаточных средств для предохранения и защиты мира, безопасности и благосостояния народа;

опираясь на поддержку армии и уступая стремлениям нации, справедливо встревоженных как опасностями, которые угрожают нашему единству, так и быстротой распада наших гражданских и политических учреждений», президент решил обеспечить бразильскому народу «новые условия, необходимые для его безопасности, благосостояния и процветания!»¹³.

В соответствии с конституцией 1937 г. федеральное правительство получало право вмешиваться в дела штатов не только для предотвращения вторжения иностранных войск в пределы национальной территории, но также и «для восстановления нарушенного общественного порядка». Прерогативы президентской власти были значительно расширены, а срок полномочий увеличен с четырех до шести лет. Полномочия «пышешнего президента», т. е. Ж. Варгаса, были автоматически продлены, причем до созыва нового состава конгресса он получал право издания законов. Таким образом, режим личной власти был значительно укреплен, что в наибольшей степени отвечало интересам бюрократической буржуазии.

Корпоративная система по конституции 1937 г. объявлялась официальной политикой и находилась «под защитой и покровительством государства», в связи с чем Бразилия стала официально именоваться «Estado Novo» («Новое государство»). Корпоративистский курс более всего соответствовал чаяниям торгово-промышленных кругов местной буржуазии, а также профсоюзной бюрократии.

Объясняя причины ноябрьских событий 1937 г., известный бразильский социолог Элио Жагуарибе выдвигает идею, что «Варгас и его сторонники знали, что в случае проведения президентских выборов в 1938 г. победа была бы за аграрной олигархией. Новое государство Жетулио Варгаса явилось прежде всего средством для спасения власти господствующей группы среднего класса и для того, чтобы этот класс продолжил свое участие в обеспечении государственного контроля, хотя он и не имел господства

во владении средствами производства. С другой стороны, «Новое государство» отразило идеологическую трансформацию среднего класса, его переход от радикального либерализма 20-х годов к фашистским тенденциям в конце 30-х годов»¹⁴.

Эта оценка представляется весьма спорной. Прежде всего следует уточнить вопрос о пресловутом «среднем классе». Режим «Нового государства» защищал интересы не городских средних слоев, т. е. в первую очередь мелкой буржуазии, а интересы средней и крупной буржуазии. Правда, при этом Ж. Варгас пользовался поддержкой мелкобуржуазных групп и части трудящихся, но эта поддержка ни в малейшей мере не влияла на характер и функции «Нового государства». В этом состояло коренное отличие диктатуры начала 30-х годов от диктатуры 1937—1945 гг.

Э. Жагуарибе выдвигает проблему «трансформации» среднего класса слева направо. Эта тенденция действительно имела место, но еще важнее было то, что качественно изменилась сама социальная структура власти: господствующие позиции окончательно завоевала националистическая средняя и крупная буржуазия.

За годы, прошедшие после 1930 г., в Бразилии окрепли новые слои буржуазии, связавшие всю свою судьбу с националистической экономической политикой. Эти слои все больше начинали давить на правительство, требуя дальнейшего развития протекционизма и государственной помощи. Некоторые промышленные круги, заинтересованные в государственных субсидиях, поддерживали идею о стимулировании государственно-капиталистических форм производства. В области социальной политики буржуазию в общем вполне устраивал курс на регулирование трудовых отношений сверху, который постоянно проводил Ж. Варгас. В середине 30-х годов отчасти под влиянием интегралистов особой популярностью в предпринимательских кругах стали пользоваться догмы корпоративизма. Эти сдвиги довольно точно уловил Ж. Варгас, который и попытался на практике осуществить устремления бразильской буржуазии с помощью режима так называемого «Нового государства». Вот почему нельзя классовый характер этого режима, как это делает Э. Жагуарибе, свести к пребыванию у власти так называемого «среднего класса». Другое дело, что последний не выступал против дик-

татуры, сохранял политический нейтралитет. Это, по-видимому, объяснялось страхом, который охватил мелкую буржуазию после восстаний 1935 г.

«Новое государство» явилось своеобразным воплощением экономической и политической власти средней и крупной националистической городской буржуазии, которая уже переросла союз с мелкой буржуазией и выступила против ориентации наиболее реакционных групп финансового и торгового капитала на интегрализм, в защиту своих собственных интересов, подавляя революционное движение масс, с одной стороны, и фашистский экстремизм, с другой.

Вначале интегралисты с большим удовлетворением поддерживали режим «Нового государства», полагая, что теперь именно они займут ведущие позиции в политике. Однако их расчеты не оправдались. Одной из важных политических акций «Нового государства» было запрещение и фактический разгром интегралистского движения. Расчеты фашистских европейских государств с помощью интегрализма завоевать ведущие позиции в Бразилии провалились.

По декрету от 3 декабря 1937 г. все политические организации, и прежде всего партия «Бразильское интегралистское действие» были запрещены. Конституция 1937 г. запрещала какие-либо эмблемы, символы, гимны, формы за исключением официально признанных государственных символов. Частные немецкие школы на юге страны были поставлены под контроль государства. Все интегралистские издания подлежали строгой цензуре или конфискации. По справедливому замечанию германского посла фон Риттера, Ж. Варгас и новое правительство «политически выступают теперь против всякой немецкой активности... Эта позиция предопределяется во многом сильной политической зависимостью от США... Президент фактически нарушил свой договор с интегралистами»¹⁵.

Чувствуя себя обманутыми, интегралисты в январе 1938 г. официально изменили свой курс в отношении «Нового государства». «Совет сорока» по предложению П. Салгадо принял решение начать тайную подготовку государственного переворота. Германский посол, сотрудники итальянского посольства, гитлеровские тайные эмиссары активно поддерживали этот курс.

После двух неудачных попыток государственного переворота 10 марта и 10 мая 1938 г. интегралисты как политическая сила окончательно сошли со сцены. Полиция арестовала более 2 тыс. человек по подозрению в участии в заговоре. Ряд интегралистов был приговорен к тюремному заключению, многие высланы из страны. Сам Салгадо был вынужден эмигрировать в Португалию.

Противоречия между интегралистами и «Новым государством» не являлись противоречием разных групп в рамках единого фашистского движения. Речь шла о принципиальном несовпадении интересов бразильского фашизма и «Нового государства». Ж. Варгас и его «Новое государство» представляли националистические слои местной буржуазии, которые, признавая необходимость сотрудничать с иностранным капиталом, стремились к экономической и политической самостоятельности. Не случайно Ж. Варгас подписал декрет о национализации крупнейшей промышленной компании «Ллойд Бразилейро», обращая особое внимание на развитие ряда ведущих отраслей национальной промышленности, железнодорожное строительство.

В апреле 1939 г. был создан Национальный совет по нефти, опубликован пятилетний план экономического развития. «Деловые круги Бразилии,— как справедливо отмечает Роберт Левине,— почти сразу же с симпатией отнеслись к политике «Нового государства» по консолидации власти, корпоративистской структуре режима и его националистическим планам поощрения местного промышленного производства»¹⁶.

Стремясь укрепить власть буржуазии и покончить с регионализмом, «Новое государство» поставило под контроль правительства всю деятельность штатов. Этим был нанесен сильный удар по позициям местных олигархий. Правда, этот курс проводился крайне непоследовательно, ибо, опасаясь активности рабочего класса, правительство Ж. Варгаса постоянно искало компромисса с олигархией и империализмом.

Таким образом, режим «Нового государства» был внутренне противоречив:

1) антидемократическая и диктаторская линия в области внутренней политики, идеология антикоммунизма как официальная государственная доктрина;

2) корпоративистская система регулирования трудовых отношений, активная роль государства в защите интересов капитала;

3) идеология буржуазного национализма и поиски самостоятельного пути развития за счет лавирования между сильными империалистическими хищниками;

4) отказ от поддержки бразильской разновидности фашизма — интегрализма и запрещение его политической деятельности;

5) сотрудничество с «демократическими» государствами Запада в качестве предпочтительной политики в сравнении с отношением к державам «оси»;

6) проведение ряда буржуазно-националистических преобразований в области экономического развития (усиление роли государства, национализация ряда иностранных компаний).

Все это позволяет проводить существенную разницу между режимом «Нового государства» и фашизмом. Главное отличие между ними заключалось в том, что первое защищало интересы страны с позиций антикоммунизма и буржуазного национализма, боящегося народа и поэтому видевшего единственную гарантию успеха в диктатуре. Интегралисты же вообще отказывались от какой-либо защиты национальных интересов страны, полагая, что все следует подчинить гитлеровскому нацизму как руководящей силе мирового антикоммунизма.

Эта разница между политикой «Нового государства» и линией интегралистов уже в те годы ощущалась довольно определенно. Л. К. Престес, находящийся в то время в тюрьме, писал в одном из своих писем по поводу майского путча интегралистов в 1938 г.: «Перед альтернативой — помогать Жетулиу или, сложа руки, присутствовать при аванюре, которая могла бы привести нас к фашистскому террору и иностранной интервенции — ни один демократ не мог бы колебаться. Перед лицом любой фашистской угрозы мы, альянсисты, всегда заявляем, что находимся по другую сторону баррикад и поддерживаем, таким образом, Жетулиу, как если бы он находился на нашей стороне». В то же время, подчеркивал Л. К. Престес, нельзя ни на минуту прекращать борьбы за демократию против существующей тирании¹⁷.

Это же различие проводил между «Новым государством» и фашизмом Г. Димитров. В своей статье, опублико-

ванной в июле 1938 г. Г. Димитров писал, что «даже в странах с реакционными правительствами, как Румыния на Балканах и Бразилия в Южной Америке, попытки совершить фашистский переворот, предпринятые друзьями Гитлера, встретили сопротивление и остались тщетными»¹⁸.

Вопрос об общей политической оценке «Нового государства» весьма важен, ибо в литературе часто между буржуазно-националистическим режимом Варгаса и фашизмом ставится знак равенства. Наряду с отличиями, указанными выше, следует упомянуть также тот факт, что в Бразилии 1937—1945 гг. в структуре власти отсутствовала политическая партия, что сближало «Новое государство» с традиционными формами военно-бюрократической диктатуры. Не было у Варгаса и организованного массового движения поддержки, характерного для Германии и Италии. Разумеется, было бы неверно полностью отрицать огромное воздействие европейского фашизма на политику и методы действия «Нового государства». Заимствований было немало. Главное — это отказ от буржуазной демократии, авторитарный характер власти. И тем не менее, режим «Нового государства», на наш взгляд, должен быть оценен как оригинальное явление, особый тип политической системы общества в период первичного формирования буржуазного механизма власти. Бразильский вариант этого сложного исторического процесса многое заимствовал из опыта фашистских государств Европы, использовал традиции олигархических военных диктатур, умело оперировал приемами бонапартистского лавирования. И все это оказалось необходимым для одного — подавления классовой борьбы трудящихся и укрепления власти буржуазии.

Сочетание прогрессивных и реакционных черт такого режима предопределило противоречивый характер «Нового государства». С одной стороны, с его помощью Бразилия сделала значительный шаг вперед по пути капиталистического прогресса. С другой — это было достигнуто за счет жестокого подавления классовой борьбы, усиления эксплуатации трудящихся.

По мере дальнейшего капиталистического развития в стране обострялись социальные противоречия, а сам режим «Нового государства» в 1943—1944 гг. вступил в полосу кризиса. Он мог лишь на определенное время обес-

печить известную социальную стабильность буржуазной власти, однако бесконечно управлять страной с помощью режима личной власти было нельзя.

Общий подъем демократического международного движения, вызванный разгромом фашизма во второй мировой войне, оказал огромное влияние на Бразилию. Народ уже не мог более терпеть авторитарный режим. В 1945 г. «Новое государство» прекратило свое существование. На этом закончился крайне сложный и противоречивый период, начавшийся после 1930 г., и наступила новая фаза истории бразильского общества.

РАСЦВЕТ И КРИЗИС БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ (1945—1963 гг.)

Формирование партийно-политической системы

Кризис авторитарного режима и переход к парламентарным методам правления свидетельствовал о завершении переходного периода в политическом развитии бразильской буржуазии. Режим личной власти мог существовать лишь до тех пор, пока сама буржуазия как класс была слаба. Укрепление экономических позиций буржуазии, с одной стороны, и рост противоречий между «Новым государством» и народом, с другой, обусловили необходимость срочного оформления стабильной политической системы. В обстановке возрождения массового демократического движения, вызванного победой Советского Союза над фашизмом, все классы и слои бразильского общества, в том числе и правящая группировка во главе с Ж. Варгасом, видели единственный выход в отказе от диктатуры. Развитие классов и классовой борьбы настоятельно требовало своего политического выражения в оформлении партий, которые бы взяли на себя представительство интересов классов. Однако режим «Нового государства» исключал саму возможность политического соперничества. После декабрьского декрета 1937 г. в стране действовала лишь одна партия — Бразильская коммунистическая партия, но она была запрещена и работала в подполье. Однако постепенно, по мере роста буржуазии как класса, укреплялись различные ее слои и группировки, которые стремились политически обособиться друг от друга. В политическую жизнь все активнее втягивались также мелкая городская буржуазия, интеллигенция, студенчество, армия, церковь. Все эти процессы требовали своего логического завершения в создании разветвленной партийно-политической системы.

До 1930 г. в стране действовал ряд буржуазно-помещичьих политических группировок и «партий», хотя они не играли решающей роли в большой политике. Строго го-

вора, все они не являлись политическими партиями в полном смысле слова, ибо выражали, как правило, частные (клановые, групповые, региональные) интересы помещичьих и буржуазных кругов. Цель всей их деятельности ограничивалась захватом выгодного, доходного местечка. Движение 1930 г. нанесло сильный удар по олигархической власти и сопутствующим ей «партийным» декорациям. Попытки восстановить формальную демократию и придать действенность разбитым политическим группировкам, предпринятые в 1932 г. «конституционалистами», а затем при подготовке к выборам 1937 г., были расценены Ж. Варгасом и стоявшими за ним буржуазно-националистическими слоями как преждевременные и опасные. Более того, режим «Нового государства» стал активно внедрять корпоративизм, идеологию «классового мира» и «политической интеграции». Такая новая политика, по мнению Ж. Варгаса, должна была раз и навсегда покончить с классовой борьбой, региональным соперничеством, а следовательно, и с деятельностью всяких партий. Однако эти расчеты не оправдались.

В годы второй мировой войны начался глубокий идеологический и политический кризис «Нового государства». В мае 1945 г. под давлением общественности Варгас был вынужден издать декрет о разрешении свободно создавать политические партии и о их юридическом признании. Для регистрации и получения права участвовать на выборах президента, конгресса и местных органов, о подготовке к которым было объявлено еще в феврале, требовалось только одно — иметь в составе партии не менее 10 тыс. членов. Кланан был открыт. Повсюду, как грибы после дождя, стали появляться политические партии и группировки. Особенно много мелких партий было создано на периферии. Вскоре они распались или вошли в состав более крупных. Так или иначе в результате невиданного политического ажиотажа за короткий срок в 1945—1946 гг. в стране было создано сразу несколько десятков партий. Элемент регионализма, конечно, не был изжит полностью. На новом этапе буржуазия как класс оказалась более всех заинтересованной в оформлении политической системы, с помощью которой теперь только и можно было продолжать управление массами и государством.

Поскольку широкие слои народа также были заинтересованы в демократизации общественной жизни, станов-

ление новой партийно-политической системы протекало исключительно бурно и энергично. Многие тысячи людей охотно и без каких-либо колебаний записывались в любую партию, если ее организаторы упоминали о демократии, о выборах, о реформах. Народ, истосковавшийся за долгие годы диктатуры по самым обычным нормам буржуазной демократии, теперь как бы наверстывал упущенное.

Известный бразильский историк-марксист Р. Фако в книге «Бразилия XX столетия» так оценивает сложившуюся ситуацию: «...Восстановление деятельности буржуазных политических партий относится к середине 1945 г. К этому времени структура этих партий значительно отличалась от той, которая была характерна для них в предыдущее десятилетие. Ранее буржуазные политические партии представляли собой временные и непрочные политические объединения, деятельность которых имела, главным образом, провинциальное значение... с ростом буржуазии, средних слоев населения и пролетариата перестройка буржуазных политических партий на общенациональной основе стала необходимостью»¹.

Наиболее крупными из вновь созданных партий являлись:

1) Социал-демократическая партия, возглавляемая генералом Э. Г. Дутрой, избранным в декабре 1945 г. президентом республики. На выборах Дутра получил 42,7% голосов. Спустя 10 лет в 1955 г. кандидат этой буржуазно-реформистской партии Ж. Кубичек был также избран президентом.

2) Национально-демократический союз, во главе которого стояли реакционеры генерал Э. Гомес и К. Ласерда; в 1945, 1954, 1961 и 1964 гг. эта наиболее правая буржуазно-помещичья партия явилась организатором антиправительственных заговоров.

3) Бразильская трабалистская партия, созданная по инициативе Ж. Варгаса, объединила вокруг себя националистическое крыло мелкой и средней буржуазии, часть рабочего класса, служащих, интеллигенции. Лидером этой партии после смерти Ж. Варгаса стал Жоао Гуларт, свергнутый военщиной в апреле 1964 г.

Бывшие интегралисты воссоздали свою организацию под наименованием «Партия народного представительства».

Одновременно возникли многие другие партии². Всего в стране действовало около 50 политических партий и группировок, причем отличить одну от другой было крайне трудно.

Коалиционные перестановки, показное и реальное соперничество, разветвленная пропаганда, закулисные соглашения, которые вошли в практику каждой из вновь созданных партий, наполнили собой содержание политической борьбы. На ряде этапов широкие слои населения волей-неволей втягивались в этот процесс, выполняя роль «послушной пехоты».

Только организованные отряды трудящихся и прежде всего авангард пролетариата, возглавляемый Бразильской коммунистической партией, проводили свою собственную политическую линию. В 1945—1947 гг. БКП стала массовой партией. В ее рядах в эти годы насчитывалось около 150 тыс. членов. Однако БКП в течение всех лет после войны фактически действовала нелегально, за исключением короткого периода с мая 1945 г. по май 1947 г.

Создание разветвленной партийно-политической системы бразильского общества носило до некоторой степени стихийный характер, служило своего рода эмоциональным ответом на долгий период диктатуры и подавления демократии. Это, хотя и явилось важным шагом вперед, не означало, конечно, изменения социальной структуры власти, а свидетельствовало лишь о дальнейшем усвершенствовании буржуазного государства.

У всех буржуазных партий была одна цель — защита капиталистического строя, хотя выполнение этой задачи мыслилось по-разному. Для правобуржуазных партий (прежде всего, Национально-демократического союза), выражающих интересы крупной финансовой и торговой буржуазии и латифундистов, были характерны линия на отказ от защиты национальных интересов ради союза с империализмом США, усиление репрессий в отношении забастовочного движения, отказ от каких-либо структурных реформ и т. д. Не случайно на выборах Национально-демократический союз ни разу не собрал более 25% голосов, так и не сумев провести своего кандидата на пост президента. Национально-демократический союз, как и другие буржуазные партии, был приспособлен исключительно для парламентской борьбы и не имел постоянных контактов с массами, однако всегда оказывал огромное

влияние на политическую жизнь страны. Лидеры Национально-демократического союза не раз пытались организовать государственный переворот с целью установления военной реакционной диктатуры, провоцировали политические кризисы, возглавляли антикоммунистическую пропаганду и деятельность реакционных группировок.

Другие буржуазные партии занимали в принципе более конструктивную позицию, хоть и они всегда выступали против революционного движения масс. По социальному составу эти партии не были, конечно, исключительно буржуазными, по это не меняло их буржуазно-классового назначения. В свое время В. И. Ленин не раз указывал, что социальный состав партии и ее классовый характер, ее политика не обязательно адекватны друг другу. Так, определяя роль кадетской партии в России, В. И. Ленин подчеркивал, что она была «не связана исключительно с каким-нибудь одним классом буржуазного общества, но тем не менее она насквозь буржуазна»³. Эту характеристику можно полностью отнести и к бразильским буржуазным партиям. Они представляли собой, так сказать, инструменты для выдвижения кандидатов и участия на выборах. В обычное время они существовали в эмбриональном и пассивном состоянии, появляясь на свет лишь с началом избирательной кампании. Мелкие партии при этом занимались сбором голосов для крупных, надеясь таким путем урвать кусочек и для себя⁴.

Бразильская трабалистская партия (БТП) являлась наиболее радикальной из всех буржуазных партий. В основе ее идеологии лежал принцип «социального сотрудничества», впервые введенный в ранг официальной политики в годы правления Ж. Варгаса. После краха «Нового государства» националистические слои мелкой и средней буржуазии, окрепшие в период после 1930 г., не отказались от планов обеспечения «социальной интеграции» между трудом и капиталом. Такую же линию проводила и профсоюзная бюрократия, пышно расцветшая в годы «Нового государства». Результатом политического блока буржуазно-реформистских группировок и правой профсоюзной бюрократии и явилось создание трабалистской партии. Внутри БТП постоянно шла борьба между левым и правым крылом. Разношерстный социальный состав партии и высокий удельный вес рабочих не раз заставляли официальных лидеров трабалистов — Жетулио Вар-

газа, Жоао Гуларта, Сержио Магальяеша, Леонела Бризолу, Мигела Араиса и др. — занимать более радикальные позиции по сравнению с теми, которые они предпочли бы избрать сами. Расхождение между лидерами трабализма и другими буржуазными политиками были неважны и мелки с точки зрения теории классовой борьбы, но имели большое политическое и практическое значение. В документах Бразильской трабалистской партии выдвигалась типично реформистская программа достижения прогресса страны и расцвета человеческой личности при «сохранении частной собственности, ограниченной рамками социального благосостояния коллектива». Трабалисты защищали эволюционный путь изменения общественного устройства совершенно в духе современных лозунгов «демократизации капитализма» и «народного капитализма». При этом они высказывались даже за участие в правительстве представителей рабочих и крестьян — правда, только в общих границах представительной демократии, «равновесия и гармонии классов».

В области экономических преобразований БТП формально выступала за социализм, хотя исходила при этом из сохранения частной собственности. По сути дела, под «социализмом» подразумевалось более справедливое перераспределение доходов — и только, а также развитие госсектора и планирования. «В качестве основной базы экономического освобождения трабализм признает национализм», участие трудящихся в прибылях⁵.

Реформистские установки БТП встретили одобрение среди широких слоев служащих, интеллигенции, рабочих. Особенно сильные позиции трабалисты сумели завоевать в профсоюзах, где почти полностью господствовала бюрократия, вскормленная Варгасом в годы «Нового государства». Создание Бразильской трабалистской партии явилось крупным успехом Варгаса и его сторонников. В основе этого успеха лежала умелая пропаганда идей национализма и показного социального радикализма.

Основная цель Варгаса и его партии, основанной в марте 1945 г., состояла в том, чтобы обеспечить преемственность власти после замены «Нового государства» новым парламентским режимом. Сокровенной мечтой самого Варгаса было остаться на посту президента. Однако этому не суждено было сбыться. В октябре 1945 г. группа генералов при поддержке партии Национально-демо-

Рабочие кварталы Рио-де-Жанейро

кратический союз заставила Варгаса подать в отставку. Спусти несколько месяцев в стране были проведены выборы и президентом стал маршал Дутра.

Удалившись в свое имение, бывший диктатор тем не менее продолжал активную политическую деятельность. В своей речи в ноябре 1946 г. он резко выступил против «старого либерального буржуазного демократизма, который быстро клонится к упадку, ибо основывается на неравенстве». «Я лично, — торжественно объявил Ж. Варгас, — стою за социалистическую демократию трудящихся. Именно за нее я буду бороться от имени народа»⁶. Подобные демагогические упражнения способствовали росту популярности Ж. Варгаса в массах. «Мои друзья, — заявлял, например, Варгас в дни предвыборной кампании 1950 г., — называют меня Отцом бедных и Отцом богатых. Но я никогда не был ни раскольников, ни экстремистом. Прежде всего, я пытался действовать по справедливости и только для того, чтобы осуществить общее благо. Богатые и бедные в равной мере являются бразильцами»⁷. Этот пассаж из выступления Варгаса довольно ярко иллюстрирует его националистическую установку. В сочетании с показным демократизмом такая тактика давала весьма значительный эффект.

На выборах 1950 г. Жетулио Варгас получил абсолютное большинство голосов и вновь стал президентом. Своей победой Варгас был обязан, прежде всего, активной деятельности трабалистской партии, которая сумела органично впитать в себя все надежды и устремления к демократизму и национализму, которые переживали самые широкие круги городской мелкой и средней буржуазии, интеллигенции, рабочих.

Трабалистская партия сумела повести за собой избирателей, объединив их под знаменем «социального партнерства», демократизма и национализма. Во главе трабалистской партии, формально претепающей на защиту интересов трудящихся, стояли буржуазные деятели. Часть крупной буржуазии охотно субсидировала БТП.

По словам депутата Кавальканти, «БТП походила не столько на партию, сколько на агентство по торговым сделкам»⁸. В этой оценке содержится немалая доля правды. Политическая беспринципность, карьеризм, коррупция, кумовство — все эти качества были присущи многим руководящим деятелям БТП. Внутренние распри постоянно

Трущобы (фавелы) в Рио-де-Жанейро

разъедали верхушку партии. Свою основную энергию лидеры трабалистов, как и все другие буржуазные политики, проявляли лишь в период предвыборной борьбы.

В послевоенные годы борьба за голоса избирателей приобрела для всех буржуазных партий центральное значение. И это было естественно. В. И. Ленин, говоря о законах политической борьбы в буржуазном обществе, писал: «Без выборов в наш век нельзя; без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма *нельзя* вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглирования модными и популярными словечками, обещаниями направо и налево любых реформ и любых благ рабочим, — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии»⁹.

Политическая демагогия, заигрывание с избирателями, подкупы и разоблачения своих противников, самая низкопробная реклама и обман — все это без смущения исполь-

зовалось буржуазными политиками в погоне за голосами. Во многих случаях эта тактика была эффективной, поскольку в послевоенный период чрезвычайно расширилась численность избирательного корпуса. Многие избиратели не имели политической закалки, доверчиво относились к любого рода обещаниям, были полны наивных парламентских иллюзий. Многолетний период режима личной власти вызвал огромное и всеобщее увлечение парламентаризмом, до известной степени притупив политическую разборчивость масс. До 1930 г. в выборах принимало участие не более 1,5 млн. человек. В 1945 г. общее число зарегистрированных избирателей превысило 7,4 млн. человек, из которых голосовало 6,2 млн. человек. В последующие годы масса избирателей увеличилась вдвое — до 12,5 млн. голосовавших (в 1960 г.)¹⁰. Основную часть новых групп избирателей составили представители трудовых слоев народа, прежде всего средних городских слоев и рабочих. Именно из расчета на их поддержку и составляли свои предвыборные программы политические партии. Если Бразильская коммунистическая партия в своих программных установках выражала и защищала интересы трудящихся, звала народ к революционной борьбе, то буржуазные и мелко-буржуазные партии без зазрения совести спекулировали демократическими лозунгами, стремясь увести массы в сторону от революции, на путь националистического движения, руководимого буржуазными элементами. Однако каждая буржуазная группировка стремилась занять лидирующее положение.

Главное политическое соперничество развернулось между тремя партиями — Социал-демократической, Бразильской трабалистской и Национально-демократическим союзом. В 1945 г. президентом был избран кандидат первой, Э. Г. Дутра, в 1950 г. — представитель второй, Ж. Варгас, в 1955 г. — вновь кандидат СДП Ж. Кубичек. В 1960 г. победил кандидат Христианско-демократической партии Ж. Куадрос, а в 1961 г., после его отставки, пост президента занял трабалист Ж. Гуларт. Национально-демократический союз ни разу не сумел провести своего собственного кандидата на пост президента. Но позиции этой реакционной партии в конгрессе, особенно в местных ассамблеях, были довольно сильными. Это свидетельствовало о том, что правые силы всегда оказывали свое воз-

действие на политику. Нужно сказать, что правые силы пользовались большим влиянием и внутри тех партий, которые противостояли Национально-демократическому союзу. В итоге расцвет буржуазной демократии в чем-то оказался выгодным и для самых реакционных сил, которые получили возможность в конгрессе и муниципальных органах проводить свою политическую линию.

Однако установление буржуазно-демократического режима было выгодно не только буржуазии. Это было завоевание всех антидиктаторских и антифашистских сил. Крах «Нового государства» открыл для рабочего класса возможность развернуть активные боевые действия в защиту своих экономических и политических интересов. Особенно бурно развивалось стачечное движение. В 1943—1946 гг. число бастующих выросло с 10 до 100 тыс. человек, в 1953 г. оно достигло 1 млн. человек, а к 1960 г. превысило 1,5 млн. человек¹¹. Во главе сознательного пролетариата выступала Бразильская коммунистическая партия. Многими забастовками руководили трабалистские профсоюзы.

Политическая поляризация сил, происшедшая в результате уничтожения «Нового государства», свидетельствовала о совершенно новой исторической ситуации. Партийно-политическая борьба, развернувшаяся в годы расцвета буржуазной демократии, не означала коренных перемен в расстановке классовых сил. Командные высоты по-прежнему занимали эксплуататорские классы, и прежде всего буржуазия. Однако методы ее правления существенно изменились. Установление буржуазной демократии, формирование разветвленной партийно-политической системы, усиление государственного вмешательства в экономику означали значительный шаг вперед в развитии всего бразильского общества. Главным итогом 40-х годов явилось завершение длительного этапа становления государственной и партийно-политической системы капиталистической Бразилии. Начало этому этапу положило движение 1930 г., а его окончание было обозначено установлением буржуазно-демократического строя во второй половине 40-х годов. Около двух десятилетий понадобилось бразильской буржуазии для того, чтобы не только утвердиться у власти, но и создать свой собственный политический механизм властвования, превратить страну в современное капиталистическое государство.

Национализм

Центральной осью политической жизни послевоенной Бразилии стала проблема национализма. Это было вызвано неравноправным положением страны в общей системе мирового капиталистического хозяйства. Национализм в условиях Бразилии носил многоликий характер. В основе лежала буржуазная идеология национализма — самая распространенная и влиятельная сила в идейно-политической жизни общества, в своеобразной форме отражающая антиимпериалистическое самосознание значительных слоев народа. В определенном смысле национализм проявлялся в реформистской политике правящей буржуазии, особенно в области развития экономики страны. И, наконец, национализм выступал в течение ряда лет в форме стихийного массового движения популистского образца, которое стремилось защитить национальный суверенитет, ослабить давление иностранного (главным образом, североамериканского) империализма. Широта социального состава националистического массового движения порождала неоднородность политических устремлений различных его участников и даже борьбу между ними. Сочетание прогрессивных и реакционных сторон национализма, его внутренняя противоречивость и ее объективная неизбежность, переплетение антиимпериалистических и классовых факторов — все это придавало идейно-политической борьбе в стране крайне сложный и запутанный характер.

Особенно яркие формы национализм приобрел в 50-х годах. К этому времени режим представительной демократии окончательно упрочился. В стране сложился более или менее устойчивый аппарат конституционного властвования национальной буржуазии. В новой системе трабалистская партия играла роль своеобразной левобуржуазной оппозиции, которая пыталась при опоре на народ и под флагом национализма провести ряд реформ по усовершенствованию капитализма. Если до этого националистические акции Ж. Варгаса встречали часто осторожное или даже враждебное отношение, что вынуждало правительство рисковать или навязывать свои решения «сверху», то теперь большинство окончательно уверовало в то, что националистическая программа — это панацея от всех бед. Патриотические одежды буржуазного экономического

национализма обеспечили ему поддержку широких слоев, заинтересованных в ослаблении империалистического диктата.

«Националистическое движение, — справедливо отметил Р. Фако, — берет свое начало в кампаниях 40-х годов в защиту нефти и национальной экономики... За этим последовала длительная борьба, завершившаяся поражением трестов, когда в октябре 1953 г. был создан „Петробраз“ (государственная нефтяная компания. — *Б. К.*). Таким образом, непосредственные истоки националистического движения имеют антиимпериалистическую основу»¹².

В течение ряда лет оно развивалось стихийно, представляя собой совпадающие по ближайшим целям выступления различных групп и социальных слоев, борющихся против гнета империализма, за проведение аграрной реформы, укрепление государственного сектора, осуществление индустриализации и т. д.

Бразильская буржуазия с помощью идеологии национализма стремилась укрепить свои экономические и политические позиции, а заодно ограничить, притушить классовую борьбу в стране, поставить патриотические устремления масс на службу своим собственным интересам. Довольно отчетливо эту идею сформулировал Жуселино Кубичек (президент Бразилии в 1956—1960 гг.). Идеологи национализма проповедовали идею о том, что для освобождения страны от диктата иностранных монополий следует обеспечить структурную трансформацию капитализма путем усиления экономической роли государства, проведения ряда реформ с целью модернизации сельского хозяйства, налоговой системы, расширения социального законодательства. Главным условием для достижения быстрого прогресса, по их мнению, должна была стать новая «социальная интеграция нации», отказ от классовой борьбы, т. е. подчинение масс политическому руководству со стороны националистически настроенной буржуазии.

Руководящие идеологи бразильского национализма призывали трудящихся отказаться от стачечной борьбы, которая, по их мнению, лишь вносила в массовое националистическое движение ненужные противоречия и трудности. Национализм при этом нередко выдавался за некую надклассовую идеологию. В действительности эта анти-

империалистическая доктрина имела буржуазный характер и представляла в идеологическом отношении немалую опасность для развития революционного рабочего движения. «Каждый националист, — утверждали буржуазные идеологи, — независимо от общественного положения, частной или общественной деятельности, должен ставить превыше всего национальные интересы и бороться в их защиту»¹³.

На определенном этапе такого рода призывы пользовались популярностью. Однако объективные законы капиталистического развития неизбежно вели к обострению классовых противоречий, исключая какую-либо возможность достижения «социального мира», хотя бы и под флагом национализма.

В середине 50-х годов националистическое движение впервые приобрело массовый характер в связи с борьбой за создание «Петробраза». Антиимпериалистические лозунги Ж. Варгаса, его меры по укреплению государственного сектора получили поддержку не только среди мелкой и средней буржуазии, но также среди широких слоев трудящихся. Все более активно выступал против империализма бразильский пролетариат.

Рост массового движения встревожил иностранный империализм и реакционные силы внутри Бразилии. Опасаясь дальнейшего укрепления националистического курса, они начали подготовку к государственному перевороту. В августе 1954 г. политическое положение обострилось до крайности. Президент Варгас оказался перед решающим выбором — либо при опоре на народ развернуть активные антиимпериалистические действия, либо отступить под давлением реакции и отказаться от националистического курса. Он не мог, конечно, пойти на союз с демократическими силами, против которых боролся всю свою жизнь. Однако у него хватило мужества отказаться и от позорного бегства. 24 августа 1954 г. Жетулио Варгас покончил жизнь самоубийством, застрелившись в своем президентском кабинете.

В своем завещании он писал: «После десятилетий господства и ограблений со стороны международных финансово-экономических групп я был выдвинут на пост вождя революции и победил. Я начал дело освобождения и установил режим социальной свободы. Но меня заставили уйти в отставку. С помощью народа я вновь вернулся и возглавил правительство. Однако против режи-

ма, гарантирующего права трудящихся, развернулась тайная кампания объединившихся международных и местных групп... Они не хотели, чтобы трудящиеся стали свободными. Они были против того, чтобы народ обрел независимость... Прибыль иностранных компаний достигала 500% в год... Месяц за месяцем, день за днем, час за часом я боролся, сопротивлялся постоянному и непрекращающемуся давлению, храня молчание, забыв обо всем, полностью отдав себя делу защиты народа, который теперь остается одиноким. Все, что я могу ему дать, это — моя кровь. Если хищные птицы жаждут чьей-то крови, если они хотят продолжать высасывать соки бразильского народа, я предлагаю им в качестве жертвоприношения мою собственную жизнь»¹⁴.

Завещание-манифест Варгаса, отрывки из которого мы привели, является весьма интересным документом. До сих пор, правда, не выяснено, что написано рукой самого президента, а что дописали за него руководители трабалистской партии Жоао Гуларт, Лоуривал Фонтес, Протазин Варгас (брат покойного) и другие лица из ближайшего окружения президента. Не исключено, что текст завещания был кем-то «отредактирован» с целью укрепления престижа трабалистов в националистическом движении. Но главное не в этом, а в самом содержании завещания. Полусмелые намеки по адресу безымянных международных и бразильских финансово-экономических групп сочетаются с назойливыми заверениями в честности самого президента, его любви к народу, его защите трудящихся и т. п. Недвусмысленно подчеркивается, что Варгас по праву стал «вождем революции», «с помощью народа» возвратился в 1950 г. в президентский дворец. И, наконец, главное в завещании — это идея о том, что в будущем идеи Варгаса, его «кровь», «душа» должны остаться знаменем националистического движения. Каждая фраза, каждое слово завещания были продуманы и взвешены, причем общая тональность должна была убедить всех в искренности, честности и самопожертвовании лидера трабалистов.

Психологический эффект, который произвели на массы самоубийство Варгаса и его завещание, был поистине огромен. Националистическая экзальтация, казалось, достигла предела. В городах и селах прокатилась волна стихийных демонстраций и митингов против империализма

США. Профсоюзы Сан-Паулу 2 сентября объявили всеобщую забастовку, которая охватила более 1 млн. человек.

Постепенно массовое антиимпериалистическое движение стало приобретать организованные политические формы, однако наиболее сильным по-прежнему оставалось националистическое течение, руководимое буржуазными элементами и верхушкой грабалистской партии. Буржуазно-националистические элементы стремились к освобождению Бразилии от диктата иностранного империализма ради роста и укрепления национального капитализма. Этот курс в своей антиимпериалистической части пользовался поддержкой трудящихся. В результате в 1954 г. была создана Лига национального освобождения. Спустя год, в 1955 г. 60 депутатов конгресса образовали Националистический парламентский фронт. Аналогичные группировки стали возникать во многих городах.

Прогрессивные силы стремились придать движению боевой характер, объясняя массам ограниченный характер буржуазного национализма, вред его установки на «социальный мир». Благодаря активным действиям Бразильской коммунистической партии рабочий класс не пошел на поводу у буржуазных националистов, развивая классовую борьбу и самостоятельно выступая в защиту национальных интересов с позиций подлинно революционного антиимпериализма.

Если рассматривать антиимпериалистическое движение как совокупность различных потоков, то именно борьба пролетариата выступала в качестве основного и решающего фактора. Причем чем выше развивались социальные антагонизмы капитализма, тем заметнее была ведущая роль рабочего класса и тем ниже становилась политическая дееспособность местной буржуазии.

Националисты стремились внушить народу мысль о том, что интересы эксплуататоров и эксплуатируемых ввиду зависимости страны от империализма целиком совпадают, поэтому-де речь идет о едином «общенациональном» движении, «общенациональной революции», которой призвана руководить буржуазия. В этой схеме не оставалось места для классов и классовой борьбы. Сложность ситуации состояла в том, что националистическое массовое движение и классовая борьба причудливо переплетались между собой, а не отрицали друг друга. Для побе-

ды антиимпериалистической революции действительно было необходимо объединение всех сил, но возглавить эту борьбу и повести ее революционно национальная буржуазия не могла. Высший взлет ее политической активности был уже далеко позади. Движение 1930 г. явилось первым и последним всплеском энергии бразильской буржуазии. Теперь же она могла вести дело только реформистски. Она возглавляла националистическое движение идеологически, но она же выступала и главным тормозом его развития.

Силу националистического движения 50-х годов представляла не буржуазия, а массы трудящихся, народ, который решительно выступил против империализма и его внутренних союзников. Это означало, что существовала большая разница между идеологией буржуазного национализма, между политикой буржуазных лидеров и боевым антиимпериалистическим движением масс, прежде всего пролетариата.

Даже самостоятельные выступления против империализма и реакции наиболее сознательной части рабочего класса, руководимой коммунистами, формально выглядели как часть более общего националистического движения. Но это было лишь внешнее совпадение, так как устремления масс, чаяния народа и, особенно, политическая ориентация сознательного пролетариата не имели ничего общего с купей реформистской платформой буржуазных националистов. Да и само националистическое движение не отличалось однородностью и лишь условно может быть названо «общенациональным». В. И. Ленин, критикуя мелкобуржуазный взгляд на определение популистских форм движения как надклассового, общенационального, единого, подчеркивал, что «понятие „общенациональная революция“ должно указывать марксисту на необходимость точного анализа тех различных интересов различных классов, которые сходятся на известных, определенных, ограниченных общих задачах. Ни в коем случае не может служить это понятие для того, чтобы *затушевывать*, заслонять изучение классовой борьбы в ходе той или иной революции. Подобное употребление понятия „общенациональная революция“ есть полный отказ от марксизма и возврат к вульгарной фразе мелкобуржуазных демократов или мелкобуржуазных социалистов»¹⁵.

Это ленинское указание позволяет подойти к анализу бразильского националистического движения 50-х годов именно с точки зрения участия в нем различных классов, преследующих свои классовые цели и интересы. Важно при этом видеть не только «общие задачи», совпадающие интересы, но различать и реально существующие противоречия, в первую очередь между буржуазией и пролетариатом.

Значит ли это, что пролетариат должен был, исходя из своих классовых интересов, отказаться от поддержки антиимпериалистических действий местной буржуазии, если они существовали реально, а не ограничивались фразами? Разумеется, нет! Но эту поддержку, подчеркивали коммунисты, нельзя сводить к политическому заигрыванию с буржуазией, к притуплению политической самостоятельности пролетариата, который только своей собственной активностью может подтолкнуть буржуазию к действию, заставить ее на деле выступать против империализма.

Таким образом, в основе массового националистического движения в Бразилии лежала борьба классов, каждый из которых преследовал свои цели. Совпадение интересов было частичным и временным.

Наряду с националистическим движением массовый характер приобрела стачечная борьба. В борьбу против латифундизма все активнее втягивалось крестьянство. Все чаще экономические требования переплетались с политическими. По всей стране проходили митинги, конференции, съезды профсоюзов, политических группировок и объединений. В известной мере националистическая пропаганда способствовала политическому пробуждению масс, вызвав к жизни такую социальную силу, которая стала постепенно выходить из-под контроля. Расчеты трабалистов на «социальный мир», планы буржуазно-реформистских кругов на использование борьбы трудящихся в своих целях провалились. В условиях буржуазной демократии развитие классовой борьбы и националистического движения к 60-м годам приняли столь острые формы и гигантские масштабы, что возникла возможность мощного подъема антиимпериалистического революционного движения.

Особенно острая ситуация возникла в начале 60-х годов, когда реакционные силы с помощью империализма США попытались силой приостановить дальнейший рост революционной активности масс, и прежде всего пролетариата.

К этому времени Бразилия сделала гигантский шаг вперед по пути капиталистического развития. Страна из аграрной превратилась в индустриально-аграрное государство. Удельный вес промышленного производства сравнялся по стоимости с сельским хозяйством (26% против 28%)¹⁶, причем резко возросла доля новых развивающихся отраслей тяжелой индустрии.

Однако в национальной экономике по-прежнему хозяйничали иностранные монополии, и прежде всего монополии США. По подсчетам бразильских экономистов, иностранный капитал в конце 50-х годов контролировал производство в таких отраслях, как автомобильная — на 90%, табачная — на 85%, электроэнергетика — 82%, станкостроение — 70%, фармацевтическая — 70%, химическая — 50%, производство пластмасс — 45%, цемента — 20%¹⁷.

Контроль со стороны монополий США отрицательно сказывался на бразильской промышленности, но уже не мог полностью направлять ее развитие.

Развитие капитализма довольно активно шло и в сельском хозяйстве. Хотя крупные землевладельцы и сохраняли в своих руках монополию собственности на землю, многие латифундии превратились в крупные капиталистические предприятия. В земледелии заметно окреп частно-капиталистический (фермерский) сектор, на долю которого приходилось 44% всей продукции¹⁸.

Основным социальным итогом развития бразильского капитализма явился значительный рост численности рабочего класса. По данным переписи 1960 г., удельный вес лиц наемного труда в самостоятельном населении превысил 72% (16,5 млн. из 22,6 млн. человек). Основную массу составили рабочие. Общая численность пролетариата достигла примерно 13 млн. человек. Рабочий класс превратился в самый крупный класс бразильского общества.

Борьба пролетариата за непосредственные экономические нужды (повышение зарплаты, предоставление широких прав профсоюзам, развитие законодательства о труде и т. д.) все больше переплеталась с движением трудящихся за проведение так называемых коренных реформ (налоговая, аграрная, административная, банковская и другие реформы). Националистические круги местной буржуазии также поддерживали идею преобразований. Борьба за коренные реформы вскоре выдвинулась в центр всей политической жизни страны, придав националистическому движению глубокий социальный характер.

Важную роль в этой борьбе сыграли коммунисты, которые выступали за такие преобразования, которые бы ударили по империализму и латифундизму, «подготовили условия для радикальной перестройки общества с целью достижения подлинного экономического и политического освобождения Бразилии и в перспективе открыли путь для утверждения социализма»¹⁹.

Борьба за коренные реформы настоятельно требовала укрепления единого антиимпериалистического и демократического фронта как главной силы, способной добиться их реального проведения в жизнь. Платформа, разработанная коммунистами, касалась наиболее животрепещущих и насущных интересов всего народа.

Важным звеном в общем комплексе преобразований являлась аграрная реформа. Вопрос о земле и землевладении издавна был наиболее острым. По данным переписи 1960 г., распределение земельной собственности в Бразилии выглядело следующим образом²⁰:

Размеры хозяйств, га	Процент хозяйств от общего числа	Процент земли	Процент обрабатываемой площади
До 10	44,8	1,5	13,3
От 10 до 100	44,6	16,7	44,8
От 100 до 1000	9,4	33,5	30,5
Более 1000	0,95	48,3	11,4

Столь гипертрофированное развитие крупной земельной собственности и низкий уровень культуры земледелия в латифундистском секторе свидетельствовали о том,

что монополия частной собственности на землю стала, говоря словами К. Маркса, «излишней и вредной, даже с точки зрения капиталистического способа производства»²¹. Господство латифундизма вело к тому, что основная часть продуктивной земли не обрабатывалась, хозяйства в своей массе строились на экстенсивной основе, урожайность была крайне низкой, методы эксплуатации во многих районах сохраняли элементы внеэкономического принуждения, оплата труда часто производилась натурой, в деревне царила нищета и неграмотность.

В этих условиях перед страной возникла настоятельная необходимость как можно скорее преобразовать существующие аграрные отношения. В конгресс было представлено 350 проектов земельной реформы, однако ни один из них из-за сопротивления правых кругов не был принят. Такое положение не могло продолжаться долго. В борьбу за аграрную реформу стало активно втягиваться крестьянство, насчитывавшее примерно 7 млн. семей. Особенно энергично боролся сельский пролетариат.

В ряде районов крестьяне и сельскохозяйственные рабочие объединились в боевые организации. На северо-востоке Бразилии под руководством мелкобуржуазных лидеров во главе с Франсиско Жулиао начали создаваться сельские лиги, на юге были организованы профсоюзы батраков. В ряде штатов прошли региональные конференции и общенациональные съезды сельских трудящихся, которые по инициативе БКП выдвинули программу полной ликвидации латифундизма. Самовольные захваты помещичьей земли превратились в одну из основных форм классовой борьбы в деревне.

Одновременно с развитием классовой борьбы в городе и деревне продолжалось нарастать массовое антиимпериалистическое движение, в котором участвовали самые различные слои общества. После нескольких лет упорной борьбы в октябре 1961 г. была создана широкая политическая коалиция — Фронт национального освобождения. Коммунисты приветствовали создание фронта, форум которого собрался в августе 1962 г. в Сан-Паулу, чтобы принять программу действий и призвать народ к активизации борьбы в защиту национальных интересов против «господства доллара и американского империализма». Характерно, что в декларации фронта подчеркивалось, что в союзе всех прогрессивных патриотических сил

решающая роль принадлежит пролетариату, «как наиболее сознательной и последовательной силе».

В декларации фронта выдвигались следующие основные задачи: «единство народа, осознание им нынешних исторических задач, борьба против империализма и латифундизма, защита и расширение демократии, распространение патриотической идеологии среди военнослужащих, поднятие престижа и усиление движения рабочих и крестьян»²².

Спустя год движение было преобразовано в так называемый Фронт народной мобилизации, который явился новой формой сотрудничества патриотических сил. В декабре 1963 г. Фронт народной мобилизации обратился к трудящимся с призывом усилить борьбу за коренные реформы. К этому времени в рядах фронта активно сотрудничали Всеобщее профсоюзное руководство трудящихся, Националистический парламентский фронт (в обоих случаях руководящие позиции занимали трабалисты), сельские лиги северо-востока, Женская лига, студенческие организации и ряд других демократических групп. Наиболее последовательно действовали в движении коммунисты, руководившие борьбой рабочего класса. Все это свидетельствовало о том, что в борьбе за коренные реформы начали создаваться реальные предпосылки для образования боевого единого демократического фронта.

К этому времени президент Ж. Гуларт под давлением левого крыла трабалистских профсоюзов начал склоняться к более решительным действиям против реакции и империализма, надеясь получить поддержку трудящихся.

Все большее влияние на политическую ситуацию оказывал рабочий класс, развернувший невиданные по масштабам выступления. В 1963 г. в забастовочном движении приняло участие более 3 млн. человек, причем боевое наступление пролетариата продолжало нарастать. Трабалистские профсоюзы стали испытывать давление со стороны рабочих и вынуждены были в свою очередь настаивать на более решительных акциях в защиту национальных интересов.

В этих условиях в декабре 1963 г. Ж. Гуларт подписал декрет о государственной монополии на ввоз нефти и нефтепродуктов и одобрил закон об ограничении вывоза прибылей иностранных компаний. Вскоре был соз-

Батраки — подевщики направляются на плантации

дан Административный совет по защите национальной экономики, принят план электрификации и создания государственной компании «Электробраз». Огромное политическое значение имел декрет о запрещении подрывной деятельности проамериканских реакционных организаций — так называемого «Бразильского института демократического действия» и группировки, именующей себя «Народно-демократическим действием». В ноябре-декабре 1963 г. был издан декрет о социальном страховании для сельскохозяйственных рабочих. Ж. Гуларт обратился в конгресс с предложением ввести скользящую шкалу заработной платы государственным служащим и рабочим. В феврале 1964 г. издан декрет о повышении минимума заработной платы.

Все эти меры были предприняты под прямым давлением масс. В марте 1964 г. президент Ж. Гуларт официально признал необходимость проведения коренных реформ, в частности изменения действующей конституции. Левые националисты прямо поставили вопрос о необходимости

ропуска реакционного конгресса. Реакционный губернатор Рио-де-Жанейро К. Ласерда, возглавлявший правую оппозицию, оценил этот факт как «атаку на конституцию» и призвал конгресс «восстать против случайного президента».

Профсоюзный центр, руководимый левыми трабалистами, обратился к рабочим с воззванием перейти к тактике «непрерывной мобилизационной готовности» с целью не допустить паступления реакции. Обстановка быстро накалялась.

В марте 1964 г. Ж. Гуларт под давлением прогрессивных сил издал три новых декрета, которые не на шутку встревожили широкие слои местной буржуазии, — декрет о национализации необрабатываемых земельных владений размером свыше 500 га, расположенных вдоль железных дорог, декрет о введении государственной монополии на переработку нефти и декрет о регулировании цен на жилье.

Последний декрет вызвал особенно большое недовольство крупной городской буржуазии.

Провозглашение этих реформ свидетельствовало о том, что правительство Ж. Гуларта под давлением масс стало все явственнее склоняться влево.

Изменение политической обстановки в стране благоприятствовало дальнейшему росту антиимпериалистической борьбы масс. «Главной тактической установкой антиимпериалистических сил в данный момент, — подчеркивали коммунисты, — является борьба за коренные реформы и формирование националистического и демократического правительства, способного провести их в жизнь»²³. Коммунисты выступали за участие в этом правительстве всех антиимпериалистических и демократических сил.

Такой курс не соответствовал интересам буржуазных националистов. Буржуазный реформист Ж. Гуларт стремился успокоить недовольство масс перед лицом обостряющихся социальных противоречий, «увести их в сторону от революционного пути и удержать в определенных рамках те изменения, которые уже становятся необходимыми»²⁴. Президент признавал, что весь его реформизм был нацелен на то, чтобы «воспрепятствовать коммунистическому проникновению», а точнее говоря, предотвратить самостоятельные действия трудящихся, не допустить революционного взрыва.

В национализме и социал-трабализме, которые переплетались между собой, таким образом, уживались две стороны: во-первых, прогрессивная критика империализма и крупных монополий, готовность пойти на некоторые социальные реформы, защита с мелкобуржуазных позиций экономических интересов трудящихся, позитивная внешняя политика и т. д.; и, во-вторых, защита буржуазного строя, идеологическое одурманивание трудящихся, противодействие росту влияния коммунистических идей, соглашательская политика в отношении империализма и латифундизма.

Линия президента Гуларта и трабалистов в общем была типичной для буржуазных и мелкобуржуазных демократов, которым, по словам В. И. Ленина, «свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтания о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить и примирить, притупить острые углы»²⁵.

Тем не менее наметившийся поворот правительства влево явился важным положительным фактором, открывавшим новые возможности для борьбы демократических сил. На 100-тысячном митинге, состоявшемся по инициативе прогрессивных сил 13 марта 1964 г. в Рио-де-Жанейро, Ж. Гуларт выступил с широкой программой структурных преобразований. По существу президент обещал провести в жизнь все основные требования, которые выдвигали трудящиеся. Коммунисты оценили митинг 13 марта как крупный успех патриотических сил, как одно из свидетельств «нового мощного импульса борьбы бразильского народа за коренные реформы, патриотическую и демократическую политику»²⁶.

Вскоре — 23 марта 1964 г. — после предварительных консультаций была опубликована предварительная программа Народного фронта. Впервые после 1935 г. прогрессивные и демократические силы вновь готовы были объединиться для совместной борьбы. Правда, речь шла еще лишь об образовании Народного фронта, но условия для его создания были наиболее благоприятными. Политическая ситуация в стране в связи с этим сразу же резко обострилась. Подъем рабочего, крестьянского и массового антиимпериалистического движения озаменовал общий кризис представительной демократии, неспособность националистической буржуазии сдержать рост классовой борьбы. Внутренняя реакция, империализм США, правые

силы в армии и государственном аппарате, верхушка католической церкви, политические противники трабалистов из стана правобуржуазных партий не на шутку встревожились. Угроза народной революции обеспокоила также значительные слои городской мелкой буржуазии, интеллигенции. Все правые силы пришли в движение, требуя немедленного восстановления утерянной социальной стабильности.

«Нью-Йорк таймс» в редакционной статье от 1 апреля 1964 г. писала: «Политическая ситуация близка к хаосу... Тактика Гуларта направлена влево, в некоторых пунктах — слишком далеко влево, в стране возможен экономический кризис и даже гражданская война». По утверждению газеты, президент Ж. Гуларт намеревался 1 мая «разогнать конгресс и объявить об установлении синдикалистского социалистического режима». Это был явный призыв к открытому выступлению реакции.

Однако левые силы недооценили угрозу государственного переворота. Окрыленные своими успехами, они впали в явную переоценку сил демократии. По их мнению, «народное движение в стране сейчас настолько сильно, что реакция не в силах сдержать демократическое движение. Попытка реакционных сил совершить государственный переворот привела бы к гражданской войне, исход которой был бы только один — победа народа»²⁷.

27 марта 1964 г. ЦК БКП принял решение о том, что, если не будет немедленно создано новое правительство, которое положит конец политике соглашательства, «пролетариат сам возьмет в свои руки исполнительную власть»²⁸.

Такая установка была преждевременной, вызвав тревогу многих деятелей националистического движения. Реакция подняла бешеную антикоммунистическую кампанию, используя ее как ширму для прикрытия своих приготовлений к мятежу. Левацкие установки, как справедливо отметил пленум ЦК БКП в мае 1965 г., «дали возможность реакционерам обмануть широкие слои населения и запугать их». Тем самым был создан психологический климат для наступления контрреволюции.

31 марта 1964 г. в Бразилии был совершен государственный переворот. Двадцатилетний период буржуазной демократии вновь сменился авторитарным режимом. В стране была установлена военная диктатура.

ВОЕННАЯ ДИКТАТУРА

Переворот 1 апреля 1964 г.

1 апреля 1964 г. останется навсегда одним из самых трагических дней в истории Бразилии. Переворот формально имел своей целью, как неоднократно утверждали его руководители, упорядочить политическое положение и спасти страну от угрозы анархии. В тайном циркуляре, разосланном накануне переворота воинским частям, начальник генерального штаба генерал Умберто де Аленкар Кастело Бранко призвал армию не допустить «подчинения нации коммунизму Москвы»¹.

Подготовка к свержению буржуазно-националистического правительства Ж. Гуларта началась примерно за год до переворота.

В специальном издании для дипломатического корпуса и высшего руководства «Корреспонденсия конфиденсиал» еще в августе 1963 г. отмечалось: «Военные признают, что процесс реформ может быть улучшен и активизирован лишь путем установления нового механизма управления сверху — вниз на основе правительственных декретов-законов, исключая тормозящее влияние демократической болтовни в конгрессе»².

Перед лицом укрепления единства левых сил высшее армейское командование приняло решение немедленно осуществить переворот и поставить заслон на пути революционного подъема. 23 марта 1964 г. состоялось секретное совещание ряда старших генералов с представителями крупной буржуазии и лидерами гражданской оппозиции, на котором было принято решение отстранить Ж. Гуларта от власти. Эти планы получили полное одобрение и поддержку монополий США, которые уже давно надеялись с помощью переворота укрепить свои позиции в Бразилии.

Тактический расчет внутренней и внешней реакции строился на том, чтобы неожиданным ударом осуществить

верхушечный государственный переворот и вместе с тем не допустить развязывания затяжной гражданской войны. Главная роль отводилась армии. Традиционное объяснение, которое генералы использовали для обмана солдат, сводилось к утверждениям о том, что страна ввергнута в политический хаос и только армия может спасти Бразилию от анархии. Первоначально переворот намечался на вторую половину апреля, однако события заставили заговорщиков поспешить.

На рассвете 31 марта 1964 г. губернатор штата Минас-Жерайс Магальяес Пинто, генералы Моурао Филью и К. Л. Гуэдес по тревоге подняли 4 тыс. солдат гарнизона и 18 тыс. полицейских, начав вооруженный мятеж против центрального правительства. Военная полиция установила контроль на железнодорожных разъездах, вокзалах, шоссе, дорогах, бензоколонках и т. д. Все частные автомобили и автобусы были реквизированы, стратегические пункты взяты под контроль военных.

В поддержку мятежа сразу же выступил губернатор штата Сан-Паулу Адемар де Баррос, по приказу которого в городе было введено чрезвычайное положение. В штате Пернамбуку против правительства выступили части 4-й армии. Губернатор Рио-де-Жанейро Карлос Ласерда отдал приказ арестовать левых профсоюзных лидеров, собравшихся на экстренное заседание для выработки решения об отношении к мятежу. В ночь с 31 марта на 1 апреля мятеж поддержал командующий 2-й армией (Сан-Паулу) генерал Крузел.

Для президента Ж. Гуларта известие о начале мятежа означало конец его политической карьеры. С растерянным лицом, запутавшийся в политической игре, он отказывался верить, что все проиграно. Еще день-другой он пытался сопротивляться, но все его действия были вялыми и скорее напоминали желание хоть как-то прикрить свое бессилие, чем решительную борьбу. В ночь на 2 апреля он бежал в Уругвай, куда заблаговременно отправил свою семью и перевел деньги в банк.

Некоторое время казалось, что речь идет лишь о личной судьбе президента, который показал полную неспособность опереться на поддержку народа и предпочел позорно бежать. Но на самом деле проблема была куда серьезнее, ибо решалось будущее всей нации, а вовсе не одного человека, хотя бы и занимающего высший админи-

стративный пост. В чем же заключались причины быстрой победы реакции?

В конце 50-х — начале 60-х годов Бразилия вступила в полосу острого финансового и политического кризиса, вызванного засильем иностранного империализма, сохранением латифундизма и относительной слабостью местного капитализма. Противоречия между отсталой аграрной системой и потребностями развивающегося капитализма в земледелии, между латифундизмом и процессом индустриализации, между потребностями развития общественного производства и гнетом иностранного капитала в совокупности с обострением классовых и политических противоречий с каждым днем усугубляли кризисное состояние. Чем дальше страна погружалась в болото кризиса (экономического, социально-политического и идеологического), тем возможнее становилась революционная альтернатива.

В такой ситуации наиболее реакционные слои крупной буржуазии и связанная с ними верхушка генералитета видели выход в переходе от первоначального этапа госкапиталистического развития к построению государственно-монополистического общества по образцу Западной Европы и США. Для реализации этого пути надо было прежде всего найти более гибкие контакты с иностранным капиталом, подавить националистическое движение и классовую борьбу с целью укрепления утерянной социальной стабильности. Установление авторитарного режима должно было обеспечить ускоренный процесс модернизации бразильского капитализма на путях государственно-монополистических преобразований и интеграции с североамериканским капиталом. Для начала было важно всячески стимулировать инициативу бразильского частного капитала, укрепить позиции местных монополий, которым государство должно было оказать всемерную поддержку. Таким образом, в основе переворота 1964 г. лежала объективная потребность дальнейшего развития бразильского капитализма как системы. Эта потребность была реализована специфическим образом — при помощи военного режима. Страх перед революцией «спизу» заставил бразильскую буржуазию отказаться от представительной демократии. Армейская верхушка, тесно связанная с крупным капиталом, довольно чутко ощущала это, лишь дожидаясь удобного момента для выступления.

Кроме того, имелись и другие причины. В частности, весьма слабо организованным оказался лагерь левых сил. Националистическое массовое движение не отличалось выдержкой и единством. Для него было характерно преобладание вождистских традиций, эмоциональное возбуждение и расплывчатая политическая ориентация.

Революционный авангард пролетариата оказывал все большее воздействие на развитие антиимпериалистического движения и борьбу за коренные реформы, но еще не играл роль гегемона. Не был до конца преодолен и раскол самого рабочего класса. В ряде случаев левые силы занимали ошибочную линию, например в оценке роли армии. Союз рабочего класса с крестьянством практически отсутствовал или был крайне слабым. Довольно широкие слои трудящихся были распропагандированы буржуазной прессой и не имели устойчивого политического сознания, питали иллюзии в отношении правительства Ж. Гуларта. Некоторые почти полностью отождествляли куций реформизм Ж. Гуларта с мирным путем развития революционно-освободительного движения, целиком и полностью уповая на инициативу «сверху».

Борьба за коренные реформы нередко не выходила за рамки революционной пропаганды, не всегда подкреплялась организованными боевыми выступлениями. Разгул «революционной фразы» вместо деловой практической работы в массах явился одним из наиболее вредных проявлений мелкобуржуазной стихии.

VI съезд Бразильской коммунистической партии, состоявшийся в декабре 1967 г., пришел к выводу, что военный переворот явился прежде всего следствием изменения политической позиции национальной буржуазии и мелкой городской буржуазии. Перед национальной буржуазией встала дилемма: либо встать на путь коренного решения проблем страны, либо капитулировать перед империализмом и его местными союзниками. Испытывая страх перед подъемом массового движения и ростом влияния идей социализма, не веря в способность правительства Гуларта «контролировать положение и сохранить классовую власть в условиях революционной ситуации», писал в одной из своих статей Л. К. Престес, — национальная буржуазия предпочла пойти по второму пути и перешла в основном на позиции путчистов, увлекая за собой мелкую городскую буржуазию, также напу-

ганную непосредственной опасностью коммунистической или „синдикалистской“ революции...»³.

Изохренная демагогия, развернутая реакционерами, дала свой эффект: довольно широкие массы городских средних слоев, крестьянства и часть рабочих, не говоря уже о буржуазии, заняли враждебную позицию в отношении правительства Ж. Гуларта. Особенно большие опасения у обывателя вызывала активность рабочего класса, укрепление единства действий профсоюзов, союз коммунистов и трабалистов-синдикалистов в борьбе за коренные реформы.

Идейным вдохновителем и организатором переворота явились самые реакционные круги местной крупной буржуазии и помещиков, а также высший армейский генералитет, руководящие чиновники госаппарата (губернаторы, префекты и т. д.). Недовольство «излишним радикализмом» Ж. Гуларта выражали также мелкобуржуазные круги, средняя национальная промышленно-финансовая буржуазия, непосредственно не связанная с государственным сектором.

Непоследовательность правительства Ж. Гуларта в борьбе с империализмом, его неспособность покончить с инфляцией и ростом цен, стремление влиять на рабочее движение «сверху» вызывали и растущее недовольство организованного пролетариата. В итоге основная часть рабочего класса, в том числе профсоюзы, руководимые трабалистами, оказалась не в состоянии защищать правительство Ж. Гуларта от ударов «справа», осталась в период переворота безучастной.

Исключительно важным, а может быть, даже и решающим фактором, способствовавшим победе правых сил, явилось капитулянтское поведение местной буржуазии и ее политических лидеров. Необыкновенная легкость проведения реакционного переворота весьма отчетливо подтвердила сделанный еще К. Марксом вывод о том, что часто буржуазия «слишком труслива, чтобы отстаивать свои собственные интересы»⁴. Не случайно, что в первые же минуты переворота Ж. Гуларт, Л. Бризола и другие «вожди» национализма поспешили сделать вывод о том, что «объективные условия свидетельствуют о невозможности сопротивляться с какими-либо шансами на победу», что «сопротивляться в этих условиях было бы предательством народа». Так «герои» буржуазного национализма

оправдывали свое трусливое поведение. Распад националистического массового движения, отказ его лидеров от дальнейших действий, переход реакции в наступление в корне изменили политическую обстановку в стране. Особенно неблагоприятным для организации сопротивления был тот фактор, что фактически вся армия выступила на стороне реакции и империализма, полагая, что защищает страну от «коммунистической анархии». В этих условиях любое вооруженное сопротивление могло привести к кровопролитной гражданской войне. Рабочий класс, вообще широкие слои трудящихся не были готовы к вооруженной борьбе и не собирались с оружием в руках защищать буржуазно-реформистское правительство Гуларта. Ситуация, таким образом, оказалась выгодной для реакции и крайне неблагоприятной для прогрессивных сил. Бразильская коммунистическая партия после трезвого анализа обстановки сочла невозможным организовать массовое вооруженное сопротивление. Начинать войну в одиночку, не имея поддержки масс, было бы катастрофой для авангарда рабочего класса и его партии. Коммунисты были вынуждены вновь уйти в подполье, взяв курс на политическую перегруппировку революционных сил с целью перспективного развития массового движения сопротивления.

В итоге победы правых сил эпоха буржуазной демократии и национализма вновь сменилась длительным периодом авторитарной власти. В первое время обязанности президента были возложены на председателя палаты депутатов, но фактически военно-политические группировки на местах действовали по своему усмотрению.

Спустя неделю, 9 апреля 1964 г. три военных министра, образовавшие так называемое революционное командование, издали свой первый институционный акт, который заменял конституцию 1946 г. Задача «демократической революции», по словам институционного акта, состояла в том, чтобы «восстановить порядок в экономике и финансах и уничтожить коммунистический нарыв, который заразил не только правительство, но и его административные органы»⁵.

Все конституционные гарантии в связи с этим были приостановлены на шесть месяцев. Генералы объявили о том, что отныне по их приказу могут быть отменены политические права сроком на десять лет в отношении каж-

дого, кто выступят против новой власти. По словам генерала Коста-э-Силва, «армия сегодня является самой сильной партией правительства», с помощью которой оно борется против «коммунистической интоксикации масс»⁶.

Репрессии и террор были пущены в ход как основной метод стабилизации власти. В качестве первой меры были арестованы лидеры Всеобщего профсоюзного руководства трудящихся. Арестам подверглись также ближайшие сторонники Ж. Гуларта, главным образом члены трабалистской партии и Националистического парламентского фронта, которые были лишены политических прав сроком на десять лет. Новые власти провели чистку в армии. За две недели по всей стране было арестовано 8 тыс. человек, 40 членов парламента лишены мандатов.

Особенно тяжелый удар был нанесен по организациям рабочего класса — Бразильской коммунистической партии и прогрессивным профсоюзам. Партия была загнана в глубокое подполье, против ее лидеров возбуждено судебное дело. Многие профсоюзы объявлялись распущенными.

На какое-то время страна погрузилась в свинцовую тишину. С маниакальной решимостью реакция всячески старалась умертвить все вокруг себя, превратить страну в гигантскую военную казарму: была введена строжайшая цензура печати, отменена неприкосновенность частной переписки, закрыты демократические газеты и журналы, запрещена деятельность всех политических партий, изъяты из продажи произведения прогрессивных писателей. По приказу вооруженных сил Национальный союз студентов и руководство студенческих центров на факультетах было распущено, а многие члены руководства арестованы. Преследованиям подверглись видные деятели культуры.

По примеру американских маккартистов была создана центральная комиссия по расследованию, которой руководили военные. Лицам, занимающимся расследованием, предоставлялось право «арестовать на пужный срок любого человека, если это необходимо для выяснения фактов». По заявлению двух французских юристов, посетивших Бразилию, диктатура ввела в широкую практику физические пытки⁷.

Полицейская слежка, эскалация террора имели целью запугать население, заставить народ смириться,

встать на колени. Никогда еще Бразилия не знала столь неограниченного насилия. По словам бывшего депутата конгресса М. Говаса, «страна превратилась в огромный полицейский участок»⁸.

Удалив главных противников с политической арены, реакция обеспечила себе свободу действий. 15 апреля 1964 г. на пост временного президента республики был «избран» маршал Кастело Бранко, который управлял страной до 15 марта 1967 г. Затем пост президента занял маршал Коста-э-Сипва, а с октября 1969 г. до 1974 г. — маршал Гаррастазу Медиси. В марте 1974 г. президентом стал генерал Эрпесто Гейзел. Некоторая разница в политике четырех военных президентов не меняет единой социальной функции режима. Главное состоит в том, что самые реакционные слои местной монополистической буржуазии усилили свою власть за счет передачи управленческих функций в руки высшего офицерства. В стране возникло нечто вроде военно-государственного капитализма. На определенных этапах милитаристы могли «сверху» навязывать свою волю всем, в том числе и буржуазии, возвыситься над ней, пользуясь рычагами политической власти. Но эти моменты были всегда преходящи и недолговременны, ибо экономическая мощь концентрировалась в руках наиболее реакционных групп крупной бразильской буржуазии и иностранных монополий. Защита их интересов и служит диктатура прежде всего.

Идеология и политика военного режима

Военный режим, утвердившийся в 1964 г., имеет свою собственную идеологическую платформу. Ее корни уходят в эпоху 30-х годов, когда лидеры правого крыла офицеров-чиновников выступили в поддержку авторитарных методов правления. В последующие десятилетия армия неоднократно вмешивалась в большую политику, отводя себе роль суперарбитра. В период администрации Ж. Гуларта среди высшего генералитета окончательно выкристаллизовалось мнение о необходимости сильной авторитарной власти. Главные задачи, которые она должна была бы в первую очередь решить, сводились к следующему:

1) гарантировать национальное единство и безопасность как против внешнего, так и против внутреннего врага, чтобы не допустить установления «синдикалистско-коммунистической диктатуры», для чего силой подавлять всякое массовое движение, прежде всего рабочее движение;

2) «восстановить дисциплину, иерархию, общественный порядок, моральные ценности, права частной собственности»;

3) стимулировать деловую активность, гарантировать вклады иностранных инвесторов, стабилизировать валюту⁹.

По справедливой оценке известного политического деятеля конгрессмена Жозе Мартинс Родригеса, военный режим исходит «из философии авторитаризма, стремясь полностью подавить какую-либо инициативу по усовершенствованию политической и социальной системы»¹⁰.

Защищая прежде всего интересы местных и иностранных монополий, реакционная военщина выдвинула свою особую идеологическую платформу, так пазываемую «идеологию национальной безопасности».

Эту идеологию наиболее полно сформулировал журнал «Вооруженная нация» («Nação Armada»), первый номер которого вышел в марте 1968 г. в честь четырехлетней годовщины со дня переворота. Генерал Оснелли Мартинелли, один из руководителей журнала, так объяснил название издания: «Вооруженная нация — это современное государство, способное гарантировать процветание своего народа и осуществить свой суверенитет в международной стратегии»¹¹.

Характерной чертой идеологии современного бразильского милитаризма является спекулятивное утверждение о логической взаимосвязи движения тенентистов в 20—30-х годах с переворотом. «Движение 1964 г., — подчеркивал журнал, — явилось фактором обновления и актуализации революционного процесса, начатого восстаниями 1922, 1924 и 1930 гг.»¹²

Многие руководители военного режима в свое время действительно участвовали в тенентистском движении, некоторые активно боролись против паулистской кофейной олигархии, поддерживали диктаторский режим Ж. Варгаса. За истекшие годы они, однако, полностью переродились, установили тесные контакты с монополиями, лати-

фундистами, банками, превратились в буржуазную военную элиту. Идеалы революционного тепеэтизма, которыми они так охотно спекулируют, в корне противоречат идеологии современного режима, который выступает против революционно-освободительного движения.

Милитаристская идеология тем не менее трактуется как «теоретическая концепция бразильской революции», под которой подразумевается общий прогресс экономического, социального, политического и культурного развития страны «с целью удовлетворения национальных задач в борьбе с экономическим хаосом, коммунистической угрозой, политическим, административным и моральным разложением». Сила бразильской «революции», по мнению генералов, заключается в «единстве военнослужащих и гражданских лиц в управлении обществом и государством». При этом выдвигается идея о создании на этой основе некой новой «военно-революционной власти», так как чисто «милитаристская автократия по своей сути противоречит духу бразильской революции»¹³. Милитаристская концепция исходит из того, что «военно-революционная власть» необходима для того, чтобы прекратить борьбу классов и подготовить условия для «новой и истинной гражданской власти», создания «нового революционного государства». Цель «военно-революционного» этапа, который может быть продолжительным, состоит в том, чтобы обеспечить «единство развития и национальной безопасности».

Официальную интерпретацию проблемы национальной безопасности дал маршал Кастело Бранко. В марте 1967 г. он, будучи президентом республики, выступая в Высшей военной школе, сформулировал основные принципиальные положения новой концепции безопасности. Прежде, заявил он, под национальной безопасностью подразумевалась исключительно оборона от внешнего вторжения. В современных условиях этого недостаточно, ибо безопасность — это «глобальная оборона всех институтов, включая и психосоциальные аспекты, с целью обеспечения развития и внутренней политической стабильности... она включает защиту от внутренней агрессии, выраженной в проникновении и распространении враждебной идеологии или партизанском движении, которые ныне являются более возможными формами конфликта, чем внешнее вторжение»¹⁴.

В основе идеологии и политики военного режима лежит стремление не только сохранить Бразилию в капиталистической системе и пресечь любые проявления революционной борьбы, но и превратить страну в своеобразного жандарма Латинской Америки, который встал бы на пути пресловутой «агрессии международного коммунизма». По словам Кастело Бранко, национальный суверенитет — это понятие, утратившее прежний смысл, ибо речь-де идет о защите всего «христианского Запада». Развивая эту идею, тогдашний министр иностранных дел Ж. Магальяеш говорил: «Бразилия признает Соединенные Штаты лидером свободного мира и стражем принципов, вдохновляющих западную цивилизацию». Отсюда делался вывод о том, что «в наше время необходимо жертвовать частью национального суверенитета; взаимозависимость должна заменить независимость»¹⁵.

Таков был один из постулатов военно-политической концепции защиты капитализма и поддержки неокOLONиалистского курса США в новых исторических условиях, когда под влиянием кубинской революции в Латинской Америке развернулись боевые демократические и антиимпериалистические движения, которые открывали путь к социализму. Бразилии в стратегии империализма отводилась особая роль. В своей политике бразильская диктатура всегда следовала и следует в фарватере империалистической политики США: она разорвала отношения с Кубой, отправила войска для участия в преступной агрессии против народа Доминиканской Республики, официально поддерживала вооруженные акции империализма во Вьетнаме и Конго, преступные действия салазаровского режима против народов Анголы и Мозамбика. Бразильская военщина непосредственно участвовала в свержении националистического правительства Торреса в Боливии, в организации свержения правительства Народного единства в Чили¹⁶.

Подлинный характер режима, установленного в 1964 г., проявляется и в сфере внутренней политики, особенно в организации антидемократической системы государственного управления.

Отменив конституцию 1946 г., диктатура основным методом управления избрала чрезвычайное законодательство. Возникла целая цепь так называемых институционных актов, заменяющих собой конституцию, а после принятия

нового основного закона в 1967 г. дополняющих или уточняющих его.

Первый институционный акт от 9 апреля 1964 г. ставил вне закона любую оппозицию. 27 октября 1965 г. был издан второй институционный акт, направленный на дальнейшее подчинение законодательной и юридической власти военному правительству, которое получило право издавать декреты-законы. Процесс усиления авторитарных методов управления особенно углубился в связи с принятием институционного акта № 5 (декабрь 1968 г.), который ставил конгресс фактически в бесправное положение. Кульминационным моментом в эскалации террора явилось издание закона о введении смертной казни, которая была отменена в Бразилии еще в 1817 г.

С целью замаскировать авторитарный характер военного режима в Бразилии был созван конгресс, а с 1965 г. разрешено действие двух политических партий: правительственной — Национальный союз обновления (АРЕНА) и оппозиционной — Бразильское демократическое движение (МДБ). Первая объединила представителей самых различных партий и группировок, которые полностью поддержали переворот 1964 г. Первоначально партия АРЕНА представляла собой проправительственную фракцию в конгрессе — так называемый Революционный парламентский блок. Его большинство составляли члены прежней буржуазной реакционной партии Национально-демократический союз и так называемой Социал-демократической партии. Блок поддержали и представители других партий.

По словам газеты «Коррейо да Манья», партия АРЕНА не обладает монолитностью, ибо «состоит из различных, подчас антагонистических групп, которые объединены лишь обязанностью поддерживать правительство и надеждой получить подачку от президента в обмен на поддержку его политики». Руководящие позиции среди «обновленцев» захватили реакционные деятели: Филинто Мюллер, Пераччи Барселос, Мурило Бадарб, Марко Антонио Масиэл, Даниэл Фарако и др.

Национальный президент партии «обновленцев» сенатор Филинто Мюллер (в 30-е годы тесно связанный с движением интегралистов), защищая военную диктатуру, выдвинул тезис об «исторической смерти либерализма», на смену которому, дескать, закономерно приходит тотали-

таризм¹⁷. Чтобы оправдать политику своей партии в глазах народа, Ф. Мюллер доказывал, что «обновленцы» играют особую роль, ибо являются «партией внутри революции», которая под руководством военных якобы продлится до 2000 г. Лишь после этого можно будет приступить к реорганизации политического управления жизнью нового поколения.

Демагогия Ф. Мюллера и других лидеров партии «обновленцев» не знает границ. Так, вопреки очевидным фактам, в специальном обращении к конгрессу 2 августа 1971 г. Ф. Мюллер следующим образом оценивал ситуацию: «Реальность говорит о том, что страна живет в мире, бразильский народ целиком удовлетворен, поглощен нормальным трудом, демократические институты активно функционируют... Правительство поэтому не видит смысла в каком-либо изменении политической системы. Наша партия полностью поддерживает правительство»¹⁸.

Активная псевдорадикальная пропаганда «обновленцев» способствовала тому, что на выборах в конгресс (1966 г.) они получили 8,7 млн. голосов, а в 1970 г. еще больше — 10,8 млн. голосов. Однако в 1970 г. из 29,2 млн. избирателей 13,6 млн. человек «проголосовали» пустыми бюллетенями или вообще уклонились от голосования. Если же к этому присоединить 4,7 млн. голосов, собранных «демократами», то окажется, что правительственная партия оказалась в проигрыше. В 1974 г. АРЕНА потерпела новое поражение на выборах, собрав лишь меньшинство голосов. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о сужении социальной базы военного режима и ослаблении политического влияния «обновленцев».

В этих условиях постепенно стала набирать силу легально-оппозиционная буржуазная партия «Бразильское демократическое движение». Правда, в течение ряда лет она фактически себя никак не проявляла. В своем большинстве эта партия состоит из бывших трабалистов. Вначале в отношении «демократов» почти официально употреблялся термин «невидимая оппозиция», «карманная оппозиция» и т. п. Как писал журнал «У Крузейру», «никто не знает точно, кто ее лидеры, какова ее ориентация в отношении правительства и режима»¹⁹. Тем не менее даже и такая ситуация не устраивала диктатуру. Стоило нескольким членам оппозиции высказать критические замечания в адрес правительства, как тут же после-

довали чрезвычайные меры: из конгресса были изгнаны наиболее «опасные критики» режима. Однако преследования привели лишь к дальнейшему обострению отношений между военным правительством и буржуазно-либеральными демократами. Демократическая партия, стремясь повысить свой престиж в глазах широких масс, заметно изменила свои программные установки. Первоначально в учредительном манифесте, зачитанном в конгрессе 10 февраля 1966 г., еще очень туманно и завуалированно высказывалась идея протеста против диктатуры в защиту «правового метода урегулирования хаоса путем восстановления системы представительной демократии». Манифест кончался призывом к еданию сторонников «демократии, мира, развития и прогресса»²⁰. «Демократы», по словам их лидера в сенате Нелсона Карнейро, стремились использовать только легальные средства в достижении своих целей по восстановлению демократии. Депутаты МДБ в конгрессе весьма осторожно выступали с обличительными речами против режима, политических заключений, нарушений демократии, но даже и эти робкие попытки критики играли положительную роль, способствуя постепенному формированию общественного мнения. Постепенно наиболее радикальные элементы демократической партии заняли более репительную позицию.

Все усилия диктатуры предотвратить обострение социальных и политических противоречий в стране «на путях обеспечения национальной безопасности» провалились. Социальная база режима неумолимо сужалась.

Не дало ожидаемого эффекта и так называемое «бразильское чудо», о котором до сих пор трубят буржуазная пропаганда.

За фасадом «бразильского чуда»

Под «бразильским чудом» подразумевается обычно ускорение темпов экономического роста (с 1967 г. примерно на 10% в год), снижение инфляции, удвоение экспорта, рост валютных запасов, успехи в индустриализации и т. д. При этом буржуазные ученые объясняют экономический бум тем обстоятельством, что для него были созданы в годы диктатуры наиболее благоприятные условия и долгосрочные стимулы. По их мнению, ориентация на со-

трудничество с иностранным капиталом, поддержка со стороны государства крупного национального капитала, развитие внешней торговли, привлечение иностранных вкладчиков капитала, прочная социальная стабильность, создают наиболее благоприятный климат для экономической стабилизации. Это в свою очередь позволяет укрепить «национальную безопасность» и политическую устойчивость.

Отсюда делается вывод о заинтересованности бразильского народа в дальнейшем осуществлении данной «модели» экономического развития, блага которого якобы достаются всем классам и слоям с помощью так называемой политики «социального соучастия». При этом подразумевается, что дальнейший рост экономического потенциала страны будет зависеть от укрепления «социальной интеграции» общества. Экономическое «чудо», таким образом, оказывается тесно связанным с «чудом» социальным: Бразилия быстро развивается экономически потому, что после 1964 г. в стране достигнут «социальный мир», «партнерство», «соучастие». Буржуазная пропаганда стремилась и стремится «убедить» трудящиеся массы, что сегодняшние лишения будут вознаграждены в будущем процветанием и гарантией строительства лучшей Бразилии для новых поколений»²¹. Социальная демагогия и обещания, призывы к классовому сотрудничеству, пугание «тоталитарным коммунизмом» были призваны дезориентировать массы, привлечь их к поддержке диктатуры, заставить трудящихся интенсифицировать свой труд до предела.

В то же самое время по июньскому декрету 1964 г. все стачки по политическим, партийным, религиозным или социальным мотивам, а также стачки солидарности объявлялись запрещенными. Многие отрасли были отнесены к категории «основных» и на них забастовки также не разрешались.

В апреле 1965 г. была объявлена «новая политика» в отношении профсоюзов. «Бразильский профсоюз,— как заявил министр труда,— представляет только профессиональные или экономические интересы, но ни в коем случае не политико-партийные, не философские и не религиозные...»²². По случаю «Дня труда», который в Бразилии отмечается 1-го мая, министр ничтоже сумняшеся заявил, что «бразильский рабочий класс отмечает теперь этот

день в обстановке полной демократии и свободы, защищая вместе с правительством порядок и свободу»²³.

«Синдикализм нового типа», который провозгласили военные, фактически означал установление самого строгого полицейского контроля над профсоюзами и подавление рабочего движения.

Чтобы не допустить обострения противоречий между рабочими и предпринимателями, в конце 1970 — начале 1971 г. был разработан правительственный план социальной интеграции. Цель состояла в том, чтобы осуществить программу «объединения рабочих и предпринимателей». Речь шла об участии рабочих в прибылях, создании за счет отчислений от их зарплаты и прибылей предприятия специального фонда участия. С помощью этих мер предполагалось привязать рабочего к предприятию, заставить его работать еще более напряженно, не прибегать к забастовкам, т. е. отказаться от борьбы в защиту своих интересов.

Социальная политика военной диктатуры привела к ликвидации многих важных завоеваний, достигнутых трудящимися в предшествующие годы. «Диктатура в глазах миллионов бразильцев, — подчеркивала коммунистическая газета «Воз Операриа», — показала себя как главный враг трудящихся»²⁴.

В своей экономической политике военные правительства стремились всемерно стимулировать развитие государственно-монополистических тенденций. Эта операция, разумеется, оказалась весьма болезненной для значительной части местной буржуазии, однако монополистическая верхушка, стоявшая за спиной армии, нисколько не смущалась этим обстоятельством. Более того, она поставила себе на службу государственно-капиталистический сектор, контролировавший примерно треть национальной промышленности.

В итоге такой политики в Бразилии резко повысилась концентрация производства и капитала, сотни мелких фирм разорились или были поглощены более крупными. Усилилось слияние банковского и промышленного капиталов, укрепилась местная финансовая олигархия. Всего 400—500 самых богатых семейств образовали господствующую элиту²⁵. Интересы этой верхушки бразильской буржуазии и землевладельческой олигархии в первую очередь защищал военный режим. При этом была оказана все-

мерная поддержка крупному частному капиталу, в ряде случаев правительство прибегало к денационализации, хотя и не отказывалось от предпочтительного развития ведущих отраслей государственного сектора (нефть, атомная промышленность, металлургия, энергетика и др.). Главной экономической функцией диктатуры стала перестройка хозяйственной структуры страны на государственно-монополистический лад за счет усиленной эксплуатации трудящихся.

Политика правительства в области заработной платы привела к падению реальных доходов рабочих с 1965 г. по 1968 г. на 40%, стоимость жизни резко возросла, доля трудящихся в национальном доходе сократилась. Одновременно еще более массовые масштабы приняла безработица, достигнув почти 15 млн. человек²⁶. В результате «чуда» Бразилия оказалась в еще большей экономической и военно-политической зависимости от империализма США. По словам буржуазной газеты «Корейо да Манья», ситуация в стране в результате военного правления ухудшилась: «После того как было сломлено сопротивление националистической буржуазии, разорены средние классы, отменены права профсоюзов на забастовку, с помощью полицейского террора подавлена борьба трудящихся, страна фактически оказалась на положении колонии»²⁷.

Военная диктатура не решила и не могла решить ни одну из экономических, социальных и политических проблем. Она не сумела вырвать страну из тенет зависимости, не смогла обеспечить «социальную интеграцию». В бразильском обществе еще больше углубились классовые противоречия, что неизбежно привело к возрождению демократического движения и консолидации антидиктаторских сил.

Борьба продолжается

В первые месяцы после переворота 1964 г. прогрессивные силы находились в состоянии крайней подавленности. По словам буржуазной газеты «Жорнал до Бразил», в течение первых шести месяцев после переворота «ничто не мешало властям проводить намеченные меры. Конгресс был бессилен. Политические партии погрузились в зимнюю спячку. Профсоюзы были лишены права голоса.

Пресса в общем и целом приумолкла. Правосудие ослепло. Студенты не создавали затруднений. Политическая оппозиция не проявлялась даже во время богослужений... Не было зарегистрировано ни малейшего слуха об антиправительственном заговоре среди военных, не было никаких забастовок»²⁸.

Эта оценка соответствовала действительному состоянию. Однако такое положение не могло продолжаться долго. Антидемократическая политика военного режима, ухудшение экономического положения народа вызвало резкое обострение классовых антагонизмов.

Наиболее организованные отряды рабочего класса выступили против диктатуры вскоре после переворота, хотя вначале это были локальные эпизоды. Примерно спустя год в стране стало постепенно возрождаться рабочее движение. Отдельные отряды рабочих вновь использовали оружие забастовки, добиваясь увеличения заработной платы, выполнения коллективных договоров и уплаты задерживаемого жалования.

Развитие рабочего движения было крайне затруднено ввиду установления правительственного контроля над профсоюзами. Многие после 1964 г. потеряли веру в свои силы, заняли позицию пассивного ожидания. И тем не менее рабочее движение шаг за шагом набирало силы, преодолевая растерянность и дезорганизацию.

Первое крупное выступление пролетариата произошло в сентябре 1965 г., когда забастовали 80 тыс. металлургов Рио-де-Жанейро. В январе 1966 г. 60 тыс. служащих коммунального хозяйства в штате Гуанабара начали кампанию с требованием повысить минимум зарплаты. Военная полиция штата выступила против бастующих. В поселке Маже рабочие дали отпор полицейским, но были забросаны бомбами со слезоточивым газом.

Вместе с прогрессивными рабочими организациями против диктатуры активно выступили бразильские студенты. В июне 1965 г. на улицу вышло 10 тыс. студентов Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и других городов с требованием прекратить политический террор. В марте 1966 г. студенты вновь организовали антиправительственную демонстрацию. В штате Риу-Гранди-ду-Сул, в апреле 1967 г., молодые патриоты прошли по улицам городов с завязанными ртами в знак протеста против произвола военных властей.

Все более решительно выступали против диктатуры городские средние слои, особенно прогрессивная интеллигенция. Критика диктатуры становилась все более решительной и со стороны оппозиционной партии «Бразильское демократическое движение». Третий национальный съезд этой партии, состоявшийся в июне 1967 г., выдвинул весьма широкую платформу требований. «Демократы» выступали за политическую реорганизацию власти и демократизацию общества, свободу деятельности партий, восстановление конституционных прав личности и ассоциаций, приоритет гражданской власти. По существу речь шла об отказе от режима военной диктатуры.

В области экономики «демократы» выступали за планирование, принятие мер против голода и нищеты, обеспечение занятости, стимулирование частной национальной инициативы, развитие госсектора и т. д. Средством для достижения цели выдвигалась национализация энергетики, транспорта, добывающей промышленности и главных институтов инфраструктуры, введение государственной монополии на атомную энергетику, ее использование в мирных целях. В области труда и занятости демократы защищали идею о свободе профсоюзов, праве на забастовку, участии рабочих в прибылях и управлении²⁹.

Спустя некоторое время, в новой декларации, принятой в апреле 1971 г., «демократы» южного штата Риу-Гранди-ду-Сул выступили за восстановление права, справедливости и свобод для бразильского народа. «Главная задача — восстановление правового государства, экономически сильного, политически свободного и социально справедливого». В декларации выдвигалась цель объединить оппозицию, создать крепкую партию во главе с единым национальным политическим центром. Конкретные требования «демократов» представляли собой перечень из 20 пунктов, которые включали объявление широкой амнистии, восстановление конституционности, свободу печати, участие трудящихся в политической жизни, проведение аграрной реформы, контроль над внешними займами, осуществление независимой внешней политики³⁰. «Демократы» штата Пернамбуку в июне 1971 г. в своем обращении к народу писали: «Мы выступаем за союз гражданских лиц и военных, национальных предпринимателей, священников, городских и сельских трудящихся, студентов, интеллигенции, всего народа с целью установления

демократического и националистического государства»³¹. Такую позицию занимали отнюдь не все члены оппозиционной буржуазно-реформистской партии. Многие из них защищали верноподданнический курс. В итоге в апреле 1972 г. партия «Бразильское демократическое движение» раскололась на два течения: «умеренное» во главе с депутатом И. Гимараешом, собравшее на съезде партии 200 голосов, и «истинное» во главе с депутатами конгресса Ж. Мариньо и Н. Карнейро. В конце 1972 г. намечалось даже третье течение — так называемых «приспособленцев» во главе с О. Керсиа. В декабре 1972 г. последние на своем совещании приняли особую декларацию принципов. Ее суть сводилась к политике «сосуществования с революционным (т. е. военным.— *Б. К.*) режимом»³².

Расслоение МДБ открыло определенные возможности для консолидации антидиктаторских сил, в том числе между коммунистами и наиболее прогрессивными представителями демократической партии. Этот процесс приобрел реальные очертания еще в 1968 г. 26 июня 1968 г. в Рио-Жанейро состоялась 100-тысячная демонстрация против диктатуры. Первыми выступили студенты университета. Полицейские репрессии и убийство одного из студентов вызвали негодование широких масс городского населения — рабочих, служащих, интеллигенции. В знак солидарности начались манифестации в других городах страны.

С целью подорвать возрождение массового движения реакционные силы главный удар направили против коммунистов, стремясь любыми силами изолировать их от масс. В Сан-Паулу и ряде других центров резко активизировалась кампания антикоммунистического террора. Здесь были созданы две террористические группы — Антикоммунистическое движение и Команда по преследованию коммунистов.

В резолюции ЦК КПБ, принятой в сентябре 1968 г., указывалось: «Диктатура стремится всячески использовать акты террора в своих интересах с целью деморализации и запугивания масс, изоляции коммунистов от других антидиктаторских течений... ультрареакционные группы господствующей военщины стимулируют и развивают эти террористические акты». От руки наемных убийц погибло несколько героев-патриотов. Но цель, которую ставила

реакция, не была достигнута. Ряды БКП не только не ослабли, а, напротив, окрепли.

В 1967 г. из БКП были исключены ультралевые элементы, создавшие свою группировку под названием «Компартия Бразилии». Вследствие ее откровенного антисоветизма эта группировка не завоевала популярности среди трудящихся. Ряд ультралевых элементов попытались развязать партизанскую войну в городах силами небольших вооруженных групп, в полном отрыве от масс. Этот авантюристический курс «заблуждающихся патриотов» полностью провалился.

Бразильская коммунистическая партия выдвинула в качестве главной задачи борьбу за «свержение диктатуры и создание нового правительства всех антидиктаторских сил, которое обеспечит свободу народу и гарантирует возрождение демократического процесса»³³. Успех этой борьбы, справедливо подчеркивали коммунисты, будет обеспечен лишь при условии единства всех политических течений и групп, противостоящих диктатуре. Таким образом, была выдвинута идея формирования широкого оппозиционного фронта демократических сил.

Шестой съезд Бразильской коммунистической партии, состоявшийся в декабре 1967 г., всесторонне охарактеризовал новую расстановку классовых сил, определил цели и задачи борьбы. Только при условии боевого единства всех прогрессивных сил, и прежде всего единства рабочего класса, мелкой городской буржуазии и крестьянства, «борьба против диктатуры,— по словам Л. К. Престеса,— может пойти по такому направлению, что ее свержение приведет к крушению самого существующего социального строя»³⁴. Съезд указал, что уничтожение диктатуры возможно как через невооруженную борьбу, так и с помощью вооруженного восстания или гражданской войны. «Может случиться так, что партия и массы должны будут прибегнуть к другим, более элементарным формам вооруженной борьбы или просто к самозащите. В этом случае будут сочетаться мирные — легальные или подпольные — формы борьбы и формы вооруженной борьбы с ограниченными целями»³⁵.

Курс на объединение антидиктаторских сил способствовал тому, что все более широкие слои стали втягиваться в движение за восстановление демократии. Под влиянием масс против диктаторского режима выступили 230

(из 245) католических епископов, тысячи профессоров, учителей. В 1968 г. левые католики основали Движение за справедливость и мир. Углубление конфликта между католической церковью и диктатурой свидетельствовало о нарастании серьезных противоречий между властью и большинством народа. Отвечая на вопрос о путях борьбы с диктатурой, архиепископ Э. Камара высказался за тактику «мирного насилия»: «Это не тот путь, на который вступила молодежь, взявшись за оружие. Если хотите, это — насилие в духе учения Ганди и Мартина Лютера Kinga. Я называю его насилием, потому что оно не довольствуется малыми реформами, а требует коренной структурной перестройки, переделки заново всего общества на социалистической основе и без излишнего пролития крови»³⁶.

Такая позиция «мятежной церкви» в Бразилии способствовала политической изоляции диктатуры. Коммунисты в новых условиях выступили за союз с левыми католиками с целью совместной борьбы за восстановление демократии.

Несмотря на то что тогдашнее соотношение сил не позволяет еще рассчитывать на свержение диктатуры в короткий срок, указывалось в одной из резолюций ЦК БКП, реалистическое изучение социально-политического положения показывает существование потенциальных социальных и политических сил, которые способны нанести поражение военной диктатуре.

Важным шагом на пути консолидации антидиктаторских сил стали парламентские выборы, состоявшиеся в конце 1974 г. Впервые после переворота 1964 г. силы, противостоящие режиму, объединились в конкретной форме борьбы, образовав, как говорил Луис Карлос Престес, «зародыш патриотического антифашистского фронта». Оппозиционная партия «Бразильское демократическое движение» собрала 61% всех голосов, тогда как проправительственная АРЕНА — лишь 39%. Одной из причин такого исхода голосования является политическая активизация рабочих крупных городов. Об этом, в частности, свидетельствует рост забастовочной борьбы. В 1971 г. в штате Сан-Паулу, например, не зарегистрировано ни одной забастовки, в 1972 г. их было 12, в 1973 г. — 23, в 1974 г. — 35. Неожиданное поражение на выборах побудило диктатуру начать новую волну репрессий. В тюрьму были бро-

шены ряд руководителей коммунистической партии, прогрессивных профсоюзов. Начались преследования и в отношении некоторых «демократов». Новая эскалация террора свидетельствует о нарастании внутренней слабости военного режима, начавшемся кризисе политического престижа правительственной партии АРЕНА. Иллюзии и надежды, которые еще сохранялись среди значительных масс городского населения, рассеиваются. На их место приходит разочарование и протест. Правда, пока этот сдвиг в сознании масс носит в основном стихийный и эмоциональный характер. Более медленно процесс пробуждения идет в деревне, где крестьянство пока остается политически пассивным. Но и здесь наметились позитивные изменения, особенно в северо-восточных районах страны.

Успехи оппозиционной партии «Бразильское демократическое движение» на выборах 1974 г. объясняются не случайным стечением обстоятельств, а воздействием глубоких процессов. Важнейшими из них являются: ухудшение экономического и политического положения трудящихся, усиление зависимости страны от империализма, рост внутренних социальных противоречий, в первую очередь между военной диктатурой и монополистической верхушкой, с одной стороны, и всем бразильским народом, включая немонополистические группы местной буржуазии, — с другой. Спать нарастающее политическое напряжение диктатура не в силах. Она может лишь с помощью насилия на время подавить протест. Но это будет означать в конечном счете лишь дальнейшее углубление существующих противоречий, расширение, а не уменьшение, кризиса власти. Никакое «чудо» не может отменить объективные законы общественного развития. Тем более, если это «чудо» сводится к исторически изжитым формам авторитарной власти реакционной верхушки монополистического капитала. Как писал в своем манифесте к народу Генеральный секретарь БКП Луис Карлос Престес (манифест был опубликован в нелегальной газете БКП «Воз Операриа» в январе 1975 г.), «диктатура не вечна и не всемогуща... ее антинародный и антинациональный характер объясняет, почему она одновременно и жестока, и слаба, и непрочна».

События подтверждают правильность политической и тактической ориентации БКП. Бразильский народ не

стал на колени перед реакцией и империализмом. В стране ускоряется процесс консолидации антидиктаторских сил, которые продолжают свою борьбу. Эта борьба в современных условиях имеет особое значение, ибо империализм и местные монополии стремятся превратить Бразилию в политического жандарма Латинской Америки. В стране еще не наблюдается подъема массового революционного движения, пока продолжается процесс накопления и консолидации антидиктаторских сил. Однако диктатура не смогла создать себе опоры в массах, не смогла уничтожить Коммунистическую партию.

Бразильская коммунистическая партия — это единственная организованная и революционная партия в стране. Она стремится укрепить связи с массами и мобилизовать их на борьбу против диктатуры, за интересы трудящихся и восстановление демократии. Борьба бразильского народа против диктатуры — это составная часть борьбы всех латиноамериканских народов против империалистического угнетения, за полное национальное освобождение, за мир, демократию и социализм.

Все прогрессивные силы в мире выражают свою горячую солидарность с борьбой бразильских патриотов за демократию и социализм, с борьбой героического чилийского народа против военной хунты, со всеми народами Латинской Америки, которых вдохновляет пример Кубинской революции.

Впереди много трудностей и жертв, путь к победе тяжел и тернист, но нет сомнений в том, что победа будет за бразильским народом.

Глава I

- ¹ Р. Помбу. История Бразилии. М., 1962, стр. 31.
- ² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 408.
- ³ «Recenseamento do Brasil... de 1920», vol. 1. Rio de Janeiro, 1922, p. 407.
- ⁴ G. Freyre. Uma cultura ameasada. Recife, 1940.
- ⁵ Р. Помбу. История Бразилии, стр. 73—74, 86.
- ⁶ У. З. Фостер. Очерки политической истории Америки. М., 1953, стр. 65.
- ⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 597.
- ⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 724.
- ⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 329.
- ¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 729.
- ¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 769.
- ¹² Oliveira Lima, Formação História da Nacionalidade Brasileira. Rio de Janeiro, 1944, p. 127.
- ¹³ Ibid., p. 130.
- ¹⁴ «Очерки истории Бразилии». М., 1962, стр. 42—43.
- ¹⁵ Этой теме посвящена статья А. М. Хазанова (сб. «Латинская Америка в прошлом и настоящем». М., 1960) и книга О. Игнатъева «Тирадентис», выпущенная в свет в серии «Жизнь замечательных людей» (М., 1966).
- ¹⁶ «História Geral da civilização Brasileira. T. I. A Época Colonial. 2º vol. Administração. Economia, Sociedade», São Paulo, 1960, p. 415—416.
- ¹⁷ J. H. Rodrigues. Conciliação e Reforma no Brasil. Un Desafio Histórico-Cultural. Rio de Janeiro, 1965, p. 29.
- ¹⁸ О революции 1817 г. см. подробнее: Война за независимость в Латинской Америке (1810—1826). М., 1964.
- ¹⁹ J. H. Rodrigues. Conciliação e Reforma no Brasil, p. 35.
- ²⁰ Р. Помбу. История Бразилии, стр. 344, 362, 365.
- ²¹ Цит. по «Очеркам истории Бразилии», стр. 121.
- ²² C. Prado Junior. Evolução Política do Brasil e Outros Estudos. São Paulo, 1961, p. 65.
- ²³ См. «Очерки истории Бразилии», стр. 137.
- ²⁴ C. Prado Junior. Evolução Política..., p. 77.
- ²⁵ Ibid., p. 81.
- ²⁶ A. Ramos. The Negro in Brasil. W., 1939, p. 6.
- ²⁷ J. Linhares. O Operariado Brasileiro no Século XIX.— «Revista Brasileira», 1963, N 49, p. 27.

- ²⁸ «Novos Rumos», 7—13.XII 1962.
- ²⁹ «История философии», т. 4. М., 1959, стр. 420—421.
- ³⁰ S. Romero. História da Literatura Brasileira. Rio de Janeiro, 1953, p. 161.
- ³¹ St. J. Stein. Vassouras. A Brazilian Coffee County, 1850—1900. Cambridge (Mass.), 1957, p. 251.
- ³² К. Прадо Жуниор. Экономическая история Бразилии. М., 1949, стр. 197.
- ³³ А. Б. Томас. История Латинской Америки. М., 1960, стр. 318.

Глава II

- ¹ J. H. Rodrigues. Conciliação e Reforma no Brasil, p. 114.
- ² II. Jaguaribe. Brasil: um análise político.— «Desarrollo Económico» (Buenos Aires), 1968, № 30-31, p. 353—357.
- ³ II. Jaguaribe. Condições Institucionais do Desenvolvimento. Rio de Janeiro, 1958, p. 22.
- ⁴ J. C. Oliveira Torres. A Formação do Federalismo no Brasil. São Paulo, 1961, p. 239.
- ⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 130—131.
- ⁶ Р. Фако. Бразилия XX столетия. М., 1962, стр. 60.
- ⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 53.
- ⁸ M. Bandeira, C. Mello, A. T. Andrade. A Ano Vermelho. A Revolução Russa e seus reflexos no Brasil. Rio de Janeiro, 1967, p. 332.
- ⁹ «La Correspondencia Sudamericana», 1926, № 16, p. 26.
- ¹⁰ О восстании 1918 г. см. документы в кн.: «Ano Vermelho».
- ¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 421.
- ¹² Hélio Silva. 1922 — Sangue na Areia de Copacabana (O Ciclo de Vargas), vol. 1. Rio de Janeiro, 1965, p. 63.
- ¹³ J. W. F. Dulles. Vargas of Brazil. A Political Biography. New York — London, 1967, p. 23.
- ¹⁴ Hélio Silva. 1922 — Sangue na Areia de Copacabana, p. 364.
- ¹⁵ Ibid., p. 528—530.
- ¹⁶ Ibid., p. 365.
- ¹⁷ «Колониальные проблемы», сб. II. М., 1934, стр. 232.
- ¹⁸ «Колониальные проблемы», сб. II, стр. 236—237.
- ¹⁹ Л. К. Престес. Выбор, сделанный полвека назад.— «Проблемы мира и социализма», 1973, № 1, стр. 78.
- ²⁰ «Колониальные проблемы», сб. II, стр. 243—244.
- ²¹ Там же, стр. 242.
- ²² A. Pereira. Formação do PCB. Notas e Documentos. 1922—1928. Rio de Janeiro, 1962, p. 93.
- ²³ Distrito Federal. Annâes do Conselho Municipal. Sessões de I de Outubro a 30 de Novembro de 1929. Rio de Janeiro, 1930, p. 516.
- ²⁴ Ibid., p. 522, 524.

Глава III

- ¹ V. A. de Mello Franco. Outubro 1930. Rio de Janeiro, 1931, p. XI.
- ² A. Bastos. Prestes e a Revolução Social. Rio de Janeiro, 1946, p. 213.
- ³ K. Loewenstein. Brasil under Vargas. New York, 1942, p. 339.
- ⁴ H. A. Phillips. Brazil Bulwark of Inter-American Relations. New York, 1945, p. 119.

- ⁵ A. Henriques. Ascensão e Queda de Getúlio Vargas. Vargas O Maquiavélico, vol. 1. Rio de Janeiro, 1966, p. 23, 25.
- ⁶ Р. Фако. Бразилия XX столетия, стр. 61.
- ⁷ «Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом (Материалы)». М., 1935, стр. 399.
- ⁸ См. «Очерки истории Бразилии», стр. 315.
- ⁹ «O Governo e a Produção», vol. 1. Rio de Janeiro, 1935, p. 103.
- ¹⁰ A. Bastos. A Marcha do Capitalismo no Brasil. São Paulo, 1944, p. 170.
- ¹¹ См. «Колониальные проблемы», сб. I. М., 1933, стр. 243.
- ¹² A. Bastos. Prestes e a Revolução Social. Rio de Janeiro, 1946, p. 254.
- ¹³ «El Trabajador Latino Americano», 1931, № 42-43, p. 15.
- ¹⁴ A. Henriques. Ascensão e Queda de Getúlio Vargas, vol. 1, p. 71.
- ¹⁵ Ibid., p. 74.
- ¹⁶ Ibid., p. 81.
- ¹⁷ Л. К. Престес. Выбор, сделанный полвека назад, стр. 79.
- ¹⁸ Ibid., p. 252.
- ¹⁹ Aliança Liberal. Documentos da Campanha Presidencial. Rio de Janeiro, 1930, p. 12.
- ²⁰ «La Correspondencia Sudamericana», 15.XI 1930, p. 10.
- ²¹ Hélio Silva. 1926 — A Grande Marcha (O ciclo de Vargas), vol. II, p. 446.
- ²² Ibid., p. 314.
- ²³ Л. К. Престес. Выбор, сделанный полвека назад, стр. 78.
- ²⁴ G. Vargas. A Nova Política do Brasil, vol. 1. Rio de Janeiro, 1938, p. 19—54.
- ²⁵ Distrito Federal. Annaes do Conselho Municipal. 1930, p. 22.
- ²⁶ G. Vargas. A Nova Política do Brasil, vol. 1, p. 59—63.
- ²⁷ A. Bastos. Prestes e a Revolução Social. Rio de Janeiro, 1946, p. 257.
- ²⁸ Текст Майского манифеста полностью опубликован в кн.: A. Bastos. Prestes e a Revolução Social, p. 225—228.
- ²⁹ Л. К. Престес. Выбор, сделанный полвека назад, стр. 79.
- ³⁰ См. «Очерки истории Бразилии», стр. 308.
- ³¹ A. Henriques. Ascensão e Queda de Getúlio Vargas, vol. 1, p. 94.
- ³² J. H. Rodrigues. Conciliação e Reforma no Brasil, p. 87.
- ³³ Thomas E. Skidmore. Politics in Brazil, p. 6.
- ³⁴ A. Henriques. Ascensão e Queda de Getúlio Vargas, vol. 1, p. 126.
- ³⁵ G. Vargas. A Nova Política do Brasil, vol. 1, p. 69—74.
- ³⁶ Thomas E. Skidmore. Politics in Brazil, p. 3—9.
- ³⁷ D. Jobim. A Experiência Roosevelt e a Revolução Brasileira. Rio de Janeiro, 1940, p. 44; J. Pandia Calogeras. A History of Brasil. Chapel Hill, 1953, p. 340.
- ³⁸ «A Classe Operária», 1930, № 96.
- ³⁹ Л. К. Престес. Выбор, сделанный полвека назад, стр. 80.
- ⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 168.
- ⁴¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 322.
- ⁴² «Desarrollo Economico», 1968, vol. 8, N 30-31, p. 334.

- ⁴³ Torcuato S. Di. Tella. Populism and Reform in Latin America.— In: «Obstacles to Change in Latin America». Ed. by Claudio Véliz. London, 1965, p. 47.
- ⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 24.
- ⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 31—32.
- ⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 307—308.
- ⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 136.
- ⁴⁸ А. Грамши. Избранные произведения, т. 3. М., 1959, стр. 190.
- ⁴⁹ В. Кодовилья. Избранные статьи и речи. М., 1970, стр. 245.
- ⁵⁰ Там же, стр. 547.
- ⁵¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 102.

Глава IV

- ¹ B. Fausto. A Revolução de 1930. Historiografia e Historia. São Paulo, 1970, p. 71, 73.
- ² A. Henriques. Ascensão e Queda de Getúlio Vargas, vol. 1, p. 178.
- ³ Сведения о структуре интегралистской партии, ее составе и деятельности почерпнуты из книги: Robert M. Levine. The Vargas Regime. The Critical Years, 1934—1938. New York, 1970, p. 80—95.
- ⁴ Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. Статьи и речи 1935—1939 гг. М., 1939, стр. 9.
- ⁵ Там же, стр. 67.
- ⁶ Г. Димитров. Избранные произведения, т. I (1930—1937). М., 1957, стр. 378.
- ⁷ Robert M. Levine. The Vargas Regime, p. 99.
- ⁸ «Diário de São Paulo», 14.V 1935.
- ⁹ Фонды ГМР СССР, ед. хр. Л-406-15Г; 133 17/4-2; Л-404-15е.
- ¹⁰ J. Amado. Vida de L. C. Prestes, el caballero de esperanza. Buenos Aires, 1942, p. 278.
- ¹¹ A. Bastos. Prestes e a Revolução Social, p. 332.
- ¹² Л. К. Престес. 50 лет Бразильской коммунистической партии.— «Коммунист», 1972, № 5, стр. 78.
- ¹³ «International Conciliation», 1939, № 346, p. 30-31.
- ¹⁴ «Desarrollo Económico» (Buenos Aires), 1958, № 30-31, p. 357.
- ¹⁵ «Documents on German Foreign Policy. 1918—1945. Ser. D (1917—1945)», vol. 5. W. 1953, p. 825, 827, 837.
- ¹⁶ Robert M. Levine. The Vargas Regime, p. 155.
- ¹⁷ «Documentos de L. C. Prestes». Buenos Aires, 1947, p. 30.
- ¹⁸ Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны, стр. 202.

Глава V

- ¹ Р. Фако. Бразилия XX столетия, стр. 195—196.
- ² Подробную характеристику каждой из политических партий см.: «Политические партии стран Латинской Америки». М., 1965.
- ³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 144.
- ⁴ Н. Н. Разумович. Кто и как правит в Латинской Америке. М., 1967, стр. 89.
- ⁵ «Revista Trabalhista», 1963, N 320, p. 3—20.
- ⁶ J. W. F. Dulles. Vargas of Brasil, p. 283.
- ⁷ Ibid., p. 297.
- ⁸ A. Henriques. Ascensão e Queda de G. Vargas, vol. III, p. 36.

- ⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 176.
- ¹⁰ L. C. Graham. Civil Service Reform in Brazil. Principles versus Practice. Austin (Texas), 1968, p. 117.
- ¹¹ См. подробнее: Б. И. Коваль. История бразильского пролетариата. М., 1968.
- ¹² Р. Фако. Бразилия XX столетия, стр. 252.
- ¹³ «O Semanario», 22.IV 1959.
- ¹⁴ А. Henriques. Ascensão e Queda de Getulio Vargas, vol. III, p. 373—374.
- ¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 276—277.
- ¹⁶ «Anuario Estatístico do Brasil — 1965». Rio de Janeiro, 1965, p. 311.
- ¹⁷ «Revista Brasiliense», 1960, N 3, p. 17.
- ¹⁸ «A Estrutura da Economica Agropecuaria do Brasil...». Rio de Janeiro, 1950, p. 24—30.
- ¹⁹ «Novos Rumos», 1—9.V 1963.
- ²⁰ «Anuario Estatístico do Brasil — 1965». Rio de Janeiro, 1965, p. 87—89.
- ²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 172.
- ²² «Novos Rumos», 12—18.VII 1963.
- ²³ «Novos Rumos», 27.III 1964.
- ²⁴ «Novos Rumos», 14—20.XII 1962.
- ²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 272.
- ²⁶ «Novos Rumos», 20—26.III 1964.
- ²⁷ См. «Правда», 8.II 1964.
- ²⁸ «Boletín de Información». — «Paz y Socialismo» (Praga), 1965, N 12.

Глава VI

- ¹ М. Victor. Cinco Anos que Abalaram o Brasil. Rio de Janeiro, 1965, p. 486—491.
- ² «Correspondencia Confidencial» (Rio de Janeiro), 1963, N 2, p. 2.
- ³ Л. К. Престес. Политическая линия и тактика бразильских коммунистов в новых условиях. — «Проблемы мира и социализма», 1968, № 6, стр. 37—38.
- ⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 408.
- ⁵ М. Victor. Cinco Anos que Abalaram o Brasil, p. 597—600.
- ⁶ «O Estado de São Paulo», 2.IV 1965.
- ⁷ «Проблемы мира и социализма», 1970, № 10, стр. 62.
- ⁸ «O Cruzeiro», 1968, N 29, p. 105.
- ⁹ «Industria e Productividade», 1968, N 4; «Nação Armada», 1968, N 2.
- ¹⁰ «O Cruzeiro», 3 de agosto de 1968, p. 96.
- ¹¹ «Nação Armada. Desenvolvimento e Seguranca Nacional. Revista Civil — Militar», ano 1, N 1, p. 5.
- ¹² Ibid., p. 10.
- ¹³ Ibid., p. 7.
- ¹⁴ Текст доклада Кастело Бранко полностью опубликован в журнале «Nação Armada», 1968, N 2, p. 52—55.
- ¹⁵ «O Estado de São Paulo», 10.XI 1966.
- ¹⁶ Более подробно см.: Ю. А. Антонов. Бразилия: армия и политика (исторический очерк). М., 1973.
- ¹⁷ «O Estado de São Paulo», 9.I 1973.
- ¹⁸ «Jornal do Brasil», 3.VIII 1971.

- ¹⁹ «O Cruzeiro», 2 de dezembro de 1967, p. 124.
- ²⁰ Текст манифеста опубликован в журнале «Revista civilização Brasileira», 1966, N 5-6, p. 374—375.
- ²¹ «Estudos APEC — Análise e Perspectiva Econômica. A Economia Brasileira e suas Perspectivas». Rio de Janeiro, junho de 1965, p. 282—283.
- ²² «O Estado de São Paulo», 7.IV 1965.
- ²³ «O Estado de São Paulo», 1.V 1965.
- ²⁴ «Voz Operária», 1966, N 14.
- ²⁵ Интересный анализ этой проблемы дается в кн.: С. С. Мишин. Процесс концентрации капитала в Бразилии. М., 1972.
- ²⁶ «Латинская Америка», 1973, № 2, стр. 57; «Voz Operária», fevereiro de 1970.
- ²⁷ «Correio da Manhã», 28.II 1965.
- ²⁸ «Правда», 29.X 1964.
- ²⁹ M. D. B. Declaração de Porto Alegre. Programa do Partido. Porto Alegre, 1971, p. 10—15.
- ³⁰ Там же, стр. 6.
- ³¹ «Carta do Recife». Recife, 1971, p. 2.
- ³² «O Estado de São Paulo», 5.I 1973.
- ³³ «Nueva Era», Outubro, 1965, p. 78—91.
- ³⁴ Л. К. Престес. Политическая линия и тактика бразильских коммунистов в новых условиях, стр. 41.
- ³⁵ Там же, стр. 40.
- ³⁶ «За рубежом», 1970, № 39, стр. 18.

	От автора	3
Глава I.	От рабства к капитализму	5
	Колонизация	5
	Борьба за независимость	12
	Народно-республиканские восстания 1830—1850 гг.	21
	Отмена рабства и провозглашение республики	27
Глава II.	Народ борется — буржуазия укрепляется у власти (1890—1930 гг.)	37
	Социальная структура власти Первой республики	37
	Великий Октябрь и подъем пролетарской борьбы	41
	Революционное движение тепентистов в 20-х годах	50
	Пролетариат — самый последовательный боец против олигархии и империализма	59
Глава III.	1930 г. — дворцовый переворот или народное движение?	64
	Современные дискуссии о событиях 1930 г.	64
	Либеральный альянс	67
	Война с олигархией	74
	Характер и значение движения 1930 г.	80
Глава IV.	Народный фронт и «Новое государство» (1930—1945 гг.)	90
	«Смутное время»	90
	Интегрализм — бразильский вариант фашизма	97
	Народный фронт и восстания 1935 г.	105
	«Новое государство»	110
Глава V.	Расцвет и кризис буржуазной демократии (1945—1963 гг.)	119
	Формирование партийно-политической системы	119
	Национализм	130
	Политическая ситуация в 1961—1963 гг.	137
Глава VI.	Военная диктатура	145
	Переворот 1 апреля 1964 г.	145
	Идеология и политика военного режима	152
	За фасадом «бразильского чуда»	158
	Борьба продолжается	161
	Примечания	169

Борис Моси́фович Коваль

БРАЗИЛИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Утверждено к печати
редколлегией научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор **О. Б. Константинова**

Художественный редактор **В. А. Чернецов**

Технические редакторы **Н. Н. Плохова, Е. Н. Евтяцова**

Корректоры **Р. С. Алимова, Б. И. Рывин**

Сдано в набор 31/III 1975 г.

Подписано к печати 15/VIII 1975 г.

Формат 84×108¹/₂. Бумага типографская № 2.

Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 9,7. Тираж 43 000. Т-13061.

Тип. зак. 1969. Цена 60 коп.

Издательство «Наука»

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10